Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

№ 5 • 2015• СЕНТЯРЬ — ОКТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Периодическая печать

Петропавловская Ю.А. Корпоративные издания как разновидность медиа: выход на массовую аудиторию 3

История журналистики и литературы

Пономарева В.В. От «сопутницы человека» до слушательницы университета: «толстые» журналы 1860-х гг. о женском образовании 21

Сартаков Е.В. Публицистика М.П. Погодина времен Крымской войны 37

Капустина И.О. Сотрудничество Ф.М. Достоевского с журналом В.В. Кашпирева «Заря». 51

Старкова Г.И. Довоенная молодежная пресса Удмуртии в контексте общественного диалога 66

Максимов Б.А. Романтические координаты любви: «Люцинда» Ф. Шлегеля. 78

Реклама и связи с общественностью

Ткаченко В.А., Кобякина О.Е. Актуальные связи с общественностью для высшей школы: оценка практиков 92

Теория журналистики и СМИ

Лазутина Г.В. Ведущее противоречие журналистики в условиях современной России как научная проблема: к разработке проекта исследования 108

Критика и библиография

Михайлова М.В. Жизнь неделима. Рецензия на книгу: Орлова Е.И. Вторая жизнь. Статьи о русской лиературе. Воспоминания. — М.: МедиаМир; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014. 117

Материалы, документы, публикации

Сурнина И.А. К 205-летию со дня рождения Ф.В. Чижова (письмо Ф.В. Чижова В.С. Печерину от 1 ноября 1870 года) 124

CONTENTS

Periodical Press

Petropavlovskaya J.A. Corporate Media as a Class of Press: Access to a Mass Audience 3

History of Journalism and Literature

Ponomareva V.V. From "A Man's Companion" to University Student: a Discussion on Women's Education in "Thick" Magazines during 1860s. 21
Sartakov E.V. Publicism of M.P. Pogodin during Crimean War 37
Kapustina I.O. F.M. Dostoevsky's Cooperation with Kashpirev's Magazine "Zarya" 51
Starkova G.I. The Udmurt Youth Press before Second World War in Context of Social Dialog 66
Maximov B.A. The Romantic Dimensions of Love: F. Schlegel`s "Lucinde" . .78

Advertising and Public Relations

Tkachenko V.A., Kobyakina O.E. PR for Higher School: Practitioners' Estimates 92

Discussion

Lazutina G.V. The Leading Contradiction of Journalism under the Conditions of Contemporary Russia as a Research Problem: to the Development of a Research Project. 108

Critique and Bibliography

Mikhaylova M.V. A Life is Indivisible (on Orlova E.I. The Second Life. Articles about Russian Literature. Memories. Moscow, 2014). 117

Materials, Documents, Publications

Surnina I.A. To 205th F.V. Chizhov's Anniversary (F.V. Chizhov's Letter to V.S. Pecherin, 1 November 1870). 124

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2015

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Ю.А. Петропавловская, аспирант кафедры редакционно-издательского дела факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rueful@inbox.ru

КОРПОРАТИВНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕДИА: ВЫХОД НА МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ

Статья посвящена условиям функционирования корпоративной прессы на рынке отечественных СМИ. Рассматривая целевые назначения и читательские адресы корпоративной прессы, автор обращает внимание на серьезный потенциал таких изданий, связанный с широким охватом рынка и эффективной коммуникацией с общественностью. Проведен контент-анализ корпоративных изданий, по итогам которого сформулированы рекомендации к способам представления информации о компании внутренней и внешней аудиториям. Продемонстрировано, что внешнекорпоративное издание может использовать конкурентные бизнес-модели и претендовать на внимание массовой аудитории наряду с так называемыми традиционными СМИ.

Ключевые слова: *корпоративная пресса, корпорация, клиентское издание, связи с общественностью, отраслевой журнал.*

The article is devoted to the conditions of functioning of the corporate media at the Russian media market. Considering the purposes and reader addresses of the corporate media, the author draws attention to the great potential of such publications associated with broad market coverage and effective communication with the public. A content analysis of corporate publications was conducted, the results of which became basis for recommendations for the ways of presenting information about the company to internal and external groups of audience. The author demonstrated that custom media can use competitive business models and along with so-called traditional media apply for the mass audience attention.

Key words: *custom media, custom publishing, corporation, house journal, trade magazine.*

Общественный контекст

В основе успешной деятельности любого субъекта рыночной экономики лежит положительная репутация, формируемая благодаря продуцированию вовне основополагающих корпоративных задач и установок с помощью инструментов массовой коммуникации. Одним из средств, помогающих корпорациям выстраивать эффективные коммуникации с аудиторией, будь то непосредственные клиенты, партнеры, персонал, государственные структуры или

граждане страны в целом, служат корпоративные СМИ — каналы распространения сведений о корпорации, организованные, управляемые и наполняемые самой корпорацией. Под корпорациями в данном случае понимаются все юридически зарегистрированные объединения лиц, функционирующие на основе устава или другого документа, в котором прописаны основные цели и задачи этого объединения; порядок финансирования деятельности; основные организационные единицы. Корпоративные медиа играют немаловажную роль в обеспечении информационной прозрачности корпоративной деятельности, что является непременным условием функционирования коммерческих и государственных структур в информационном обществе. Средствами корпоративных медиа возможно обеспечение охвата массовой аудитории: эта задача решается с помощью эффективной коммуникационной стратегии, неразрывно связанной, с одной стороны, корпоративной политикой, а с другой — с пониманием потребностей потенциальных читателей.

С известной долей условности можно сказать, что корпоративная пресса как явление существует с начала XIX в.: прототипы таких СМИ возникли на Западе с массовым переходом от мануфактурного к машинному производству, потребовавшим от людей объединения в большие группы и коллективных усилий. В конце XX в. корпоративные медиа стали объектом научного исследования. Теоретический интерес к явлению и особенностям функционирования корпоративной прессы вначале проявили специалисты в области связей с общественностью: они исследовали корпоративные медиа как инструмент пиар-технологий. Постепенно эта разновидность изданий занимала все более прочное место в рядах других видов «большой» прессы — в начале 2000-х гг. ее впервые назвали разновидностью качественной деловой прессы [Шкондин, 2001, с. 94]. В то же время развитие рынка корпоративной прессы характеризуется ростом его экономической состоятельности: известно, что в США и странах Европы этот рынок активно теснит систему «традиционных»[1] СМИ, отбирая у них внимание аудиторий и рекламодателей [The Publishing & Media Group, 2003, p. 11]. В маркетинговых бюджетах корпораций расходы на размещение в «большой» прессе сокращаются год от года, по мере того как затраты на собственные каналы распространения информации, наоборот, растут [Мирошниченко, 2012, с. 169].

1 Наименование «традиционные» в отношении средств массовой информации, выпускаемых независимыми редакциями и функционирующих по рыночным бизнес-моделям, широко распространено в научных работах о корпоративной прессе [Мурзин, 2007; Агафонов, 2008; Олтаржевский, 2014].

Проблемы типологизации

Первые западные исследования корпоративной прессы как самостоятельного явления принадлежат Л. Фишеру [Fisher, 1992], автору практически единственной монографии о методике написания и редактирования текстов для корпоративных СМИ; М. Куналакису, Д. Бэнксу и К. Даус [Kounalakis, Eanks, Daus, 1999], рассматривавшим корпоративную журналистику как инструмент коммуникации внутри корпорации. Отметим, что зарубежные исследователи рассматривают корпоративную прессу в контексте такого социального явления, как медиатизация бизнеса [Ringgren, 2012; Pallas, Fredriksson, 2013]. Феномен корпоративной прессы в нашей стране начали изучать сравнительно недавно — в начале 2000-х гг. Так, в 2002 г. появились первые журнальные публикации исследователей Д.К. Дегтяренко [Дегтяренко, 2002], А.Д. Кривоносова [Кривоносов, 2002] и Е.В. Лапиной [Лапина, 2002], в 2003 г. с первым научным трудом выступил Д.А. Мурзин, спустя два года он представил первую монографию о корпоративной прессе на русском языке [Мурзин, 2005]. В этот же период исследователь Ю.В. Чемякин опубликовал научно-практическое пособие по корпоративной прессе [Чемякин, 2006]. Начиная со второй половины 2000-х гг. корпоративные медиа становятся предметом постоянного внимания, появляется несколько комплексных исследований по этой теме. Наиболее значимыми трудами, посвященными корпоративной прессе, можно считать диссертационные исследования Д.А. Мурзина — «Корпоративная пресса: современные типологические концепции» [Мурзин, 2010], А.Ю. Горчевой — «Корпоративная журналистика» [Горчева, 2008] и Л.С. Агафонова — «Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности» [Агафонов, 2008], а также вышеуказанное пособие Ю.В. Чемякина.

Обращаясь к проблеме определения читательских аудиторий корпоративных СМИ, мы видим, что журналисты и пиар-специалисты, как правило, разделяют корпоративные издания на три группы:

1) внутрикорпоративные, или издания для сотрудников (business-to-personnel);

2) партнерские, или издания для представителей бизнес-среды (business-to-business);

3) клиентские, или издания для потребителей (business-to-client).

Таким образом, большая часть специалистов склонна выделять три читательских адреса корпоративной прессы: персонал корпорации (personnel, stuff), представителей бизнес-среды (business) и

клиентов, конечных потребителей продукта или услуги корпорации (client). Выделяют и других адресатов: так, А.Ю. Бабкин добавляет к этой классификации медиа, адресованные всей отрасли в целом (business-to-industry) [Бабкин, 2010]; Д.А. Мурзин и А.Ю. Горчева выделяют также смешанные издания (освещающие темы, близкие не только персоналу, но и внешней аудитории). Некоторые исследователи выделяют в отдельную категорию издания для правительственных структур (business-to-government), однако на практике их можно включить в партнерские, так как характер взаимодействия предпринимателей с представителями власти носит рыночный характер, а сами властные структуры действуют в одном поле со всеми корпорациями.

При анализе подходов к классификации корпоративных медиа заметна тенденция: исследователи либо жестко разграничивают прессу на корпоративную и «традиционную» (массовую), либо те примеры, которые не могут быть в полной мере отнесены к одному из этих двух видов, относят к категории смешанных. У Ю.В. Чемякина эти издания названы условно-корпоративными [Чемякин, 2006, с. 43]: к ним он относит «профильные» СМИ, которые издаются по инициативе организации для формирования ее имиджа, но при этом тематически необязательно связаны лишь с деятельностью этой организации. Исследователь приводит несколько примеров таких изданий, среди которых екатеринбургская «Театральная газета», издающаяся «Коляда-театром» для освещения репертуаров различных театров, и газета «Уральский музей» Свердловского областного краеведческого музея, рассказывающая и о других музеях Урала и распространяющаяся в школах и музеях области.

Д.А. Мурзин же считает, что издания, относимые им к смешанным, не обладают свойством специализации по целевым аудиториям, поэтому должны вскоре трансформироваться либо во внутрикорпоративные, либо в независимые. В качестве примера таких изданий он приводит «многотиражки» производств, вокруг которых образованы моногорода: такая пресса выполняет там роль региональной, она рассчитана на массовую аудиторию. Утверждая, что подобного рода медиа с неизбежностью должны трансформироваться в смежные с ними, исследователь исключает из поля зрения уникальные функции так называемых смешанных корпоративных медиа (далее мы убедимся в том, что термин «смешанные», применяемый в отношении корпоративной прессы с выходом на массовую аудиторию, является не совсем корректным). Корпоративные издания, ориентированные на массовую аудиторию, отражают интересы корпорации, формируют особую картину мира, в которой корпорация занимает удобное ей место. Это значит, что, охватывая

массовую аудиторию, корпоративные медиа способны не только продвигать товары, услуги или корпоративную политику компании, но и в известной мере влиять на приоритетный выбор конечных потребителей и их отношение к индустрии (клиентские издания), на состояние отрасли и политико-экономическую конъюнктуру (партнерские и отраслевые). Внешнекорпоративные медиа способны обращаться как к аудитории, непосредственно вовлеченной в деятельность корпорации, так и к другим слоям населения района, города и даже страны. Например, российская газета «Гудок», среди учредителей которой ОАО «РЖД» и Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей, имеет богатейшую историю и выходит пять раз в неделю тиражом 320 тыс. экз., освещая не только состояние дорожной отрасли, но и общественно-политические, экономические и культурные события страны.

Само по себе желание современных исследователей встроить корпоративную прессу в систему деловой или даже специальной [термин: Акопов, 1985] прессы вызывает определенные вопросы: по наиболее распространенной типологии и клиентские, и партнерские корпоративные издания относят к категории деловой прессы, однако среди внешнекорпоративных изданий множество таких, которые обращаются к широкому кругу читателей с вопросами, далекими от деловых (по Шкондину, деловые издания — издания, обеспечивающие коммуникации между представителями бизнеса [Шкондин, 2009, с. 41]). Так, развлекательную функцию на рынке СМИ успешно выполняют спонсируемые корпорациями популярные издания, в том числе бортовые журналы авиакомпаний; путеводители, фотоальбомы, детские книги; внешнекорпоративные газеты театров и другие. Эта проблема является поводом для отдельного исследования, посвященного типологизации; здесь мы лишь отметим, что в существующей классификации корпоративных медиа не учитывается возможность охвата широкого круга читателей, не объединенных специальными знаниями.

Специфика массовых коммуникаций

На наш взгляд, структура внешнекорпоративных СМИ не позволяет включить их в какую-то одну типологическую группу: в то время как издания для партнеров действительно относятся к деловой (или, по другим версиям, к специальной/специализированной) прессе, клиентские могут приближаться к массовой. Приведем несколько конкретных примеров, которые свидетельствуют о том, что внешнекорпоративные издания могут быть и часто бывают массовыми, т.е. такими, аудитория которых включает значительную

часть населения, проживающего на территории страны[2]. Журнал «Ролан», учрежденный кинокомпанией «Парадиз» и распространяемый в российских кинотеатрах, ориентирован на широкий круг кинолюбителей: он рассказывает о новинках в сфере кино, публикует обзоры, рецензии и интервью с медийными фигурами и, вместе с тем, остается продуктом, побуждающим читателей посетить сеть кинотеатров «Пять звезд». Энергетическая компания «Камчатскэнерго» выпускает газету «Теплый дом», ориентированную на всех жителей г. Петропавловска-Камчатского и бесплатно доставляемую в почтовые ящики горожан. В газете освещаются темы, связанные с коммунальным хозяйством и домоводством. На страницах издания рассказывается о том, как экономить энергию в быту, как платить за жилищно-коммунальные услуги, организовать ремонт в подъезде и решить множество других бытовых вопросов. Несмотря на то что проблематика издания напрямую связана с деятельностью компании-учредителя, она актуальна для очень многих горожан вне зависимости от их рода деятельности, потому издание можно назвать массовым. Материнская организация «Камчатскэнерго» — энергетический холдинг «РАО Энергетические системы Востока» — выпускает целый ряд медиапродуктов, рассчитанных на широкую аудиторию. Так, в 2012 г. вышел в свет инициированный корпорацией путеводитель по Дальнему Востоку России, который не только рассказывает о туристических достопримечательностях края, но и дает представление о его социальных перспективах, частью которых он обязан энергетической отрасли. Сегодня этот путеводитель продается во всех крупных книготорговых сетях России, в том числе на онлайн-маркетах, следовательно его контент воспринимается широким кругом путешественников. Та же корпорация в 2013 г. издала и поставила в школьные учреждения Дальневосточного региона информационно-развлекательные издания для детей об энергетической безопасности. Это издание стало частью социального проекта, способствующего улучшению имиджа компании в регионе-потребителе.

Признав большой потенциал влияния корпоративной прессы на массовую аудиторию, теоретики паблик рилейшнз смогут более последовательно изучать огромный пласт прессы, которую они ранее опрометчиво относили к смешанной, или переходной, и которая выполняет на современном рынке СМИ важнейшие социальные миссии. Например, существует множество примеров корпоративных медиа, решающих такие задачи, как лоббирование принятия

[2] Термины «специализированные» и «массовые» используются в соответствии с классификацией изданий по аудиторному признаку, предложенной М.В. Шкондиным.

законов, контроль за правами групп граждан, организация культурных мероприятий и другие. Набор этих функций свидетельствует о тенденции, которую принято называть социализацией корпоративных СМИ [Корпоративная пресса, 2011, с. 48]. Так, например, исследователи Т.И. Сидорова и Ю.В. Чемякин анализируют корпоративную прессу, выпускаемую вузами [Сидорова, Чемякин, 2011], а Т.А. Наговицина — прессу пенитенциарных учреждений [Наговицина, 2011]. Разумеется, с точки зрения выполняемых такими изданиями задач они остаются в границах «корпоративности»: поскольку сама повестка дня формируется корпорацией исходя из ее собственных интересов, взгляд редакции нельзя назвать абсолютно объективным, в то время как объективность — главный принцип журналистики.

Действительно, корпоративные издания — СМИ с высокой степенью зависимости от заказчика. Главенство задач, преследуемых корпорацией для достижения эффективного взаимодействия с аудиторией, а вовсе не извлечение прибыли, как в случае с рыночной прессой, является отличительным свойством корпоративных СМИ. Исходя из этого, мы относим к корпоративным изданиям все те, которые преследуют интересы конкретных юридических структур, выступающих издателями. На наш взгляд, именно этот признак можно назвать типоформирующим. Подобный тезис использует исследователь А. Мирошниченко, обращая внимание на то, что задачи, которые ставит перед изданием его заказчик (корпорация, организация или ведомство), являются ключевой характеристикой корпоративных СМИ [Мирошниченко, 2012, с. 166–167]. Так называемая традиционная пресса, имея формально независимую редакцию, также зачастую выступает лоббистом интересов той или иной корпорации, и определить «связи» между заказчиком и изготовителем контента там можно далеко не всегда. Поддержка интересов компаний в «больших» СМИ реализуется, но в неявной форме, в виде социального заказа, тогда как в прессе корпоративной этой ширмы нет — заказ корпорации проговаривается открыто, а воздействие корпорации на редакцию находится в рамках закона и этики. Так или иначе, корпоративные медиа в системе средств массовой коммуникации в любом случае находятся на стыке журналистики и пиара. Но, как показывает практика, это неоднозначное положение вовсе не мешает им охватывать массовые аудитории.

В исследованиях корпоративной прессы распространено мнение о том, что ключевое отличие этой прессы от «традиционной» состоит в способе финансирования. При отнесении того или иного СМИ к одному из двух «лагерей» мы, следуя логике этих исследователей, якобы должны отвечать на вопрос: инициировано ли из-

дание этого СМИ какой-либо корпорацией или же оно финансируется за счет издателя, коим выступает независимая редакция? На наш взгляд, такой критерий для классификации является иллюзорным, поскольку в современной системе СМИ далеко не всегда возможно определить источники финансирования издания и его юридическую принадлежность к той или иной корпорации. В то же время корпоративное издание может перенимать бизнес-модели, на основе которых функционируют традиционные СМИ: оно может продаваться в магазине, распространяться по подписке, продавать рекламу и таким образом выходить на самоокупаемость. Корпоративные СМИ, как и все другие, можно с долей условности разделить по типу финансирования на полностью дотируемые (выпускаемые за счет учредителя), частично самоокупаемые и самоокупаемые (приносящие прибыль), а последние — по характеру получаемого дохода (рекламные, коммерческие — подписка, розничная продажа и другие).

Условия, при которых рынок массмедиа концентрируется в руках массивных коммерческих и государственных структур, а используемые бизнес-модели позволяют корпоративным медиа привлекать не только инвестирование от заказчиков, но и денежный поток от рекламодателей и прибыль от продажи изданий конечному потребителю, уже не позволяют с уверенностью делить исследуемый пласт СМИ на внешнекорпоративные и массовые. Скорее эта классификация должна носить характер не разделения, а градации — от внешнекорпоративных изданий к массовым. Разумеется, эти разновидности изданий нацелены на разные аудитории: в то время как внешнекорпоративные обращаются к читателям, имеющим какое-либо отношение к деятельности или результатам деятельности корпорации, массовые могут охватывать аудиторию, не заинтересованную непосредственно фигурой учредителя. И все же зачастую бывает так, что издание, адресованное массовой аудитории, выстраивает эффективную коммуникацию и с клиентом (ведь он тоже входит в этот широкий круг). Свидетельством того, к какой аудитории обращено издание, как правило, может служить степень присутствия корпорации (в терминологии пиар — базисного субъекта[3]) в контенте издания. Редакционное решение о том, насколько явно базисный субъект будет «просвечивать» в содержании, способно прямым образом повлиять на восприятие издания целевой аудиторией. Таким образом, существует некая зависимость

[3] По М.А. Шишкиной, базисный субъект является заказчиком PR-деятельности, он инициирует канал коммуникации для формирования или трансформации имиджа, создания благоприятной социально-коммуникативной среды [Шишкина, 1999, с. 54].

степени присутствия базисного субъекта в текстах издания от функционального назначения и читательского адреса издания. Мы предполагаем, что, чем менее очевидна фигура корпорации в содержательном поле издания, тем больше у последнего шансов быть услышанным массовой аудиторией, и наоборот — чем более замкнуто издание на деятельности корпорации, тем более узок будет круг его читателей.

Корпорация как базисный субъект. Методология

Данная гипотеза стала основой для проведения выборочного контент-анализа корпоративных изданий. Для ее проверки были взяты редакционные материалы двадцати таких изданий. Выборка была составлена из русскоязычных изданий как для внутренней, так и для внешней аудиторий (примерно поровну), выходивших в период с 2008 по 2015 г. (основная масса — в 2013–2014 гг.); среди заказчиков — коммерческие и государственные юридические структуры; объем — не менее 8 полос; тематика изданий охватывает разные сферы рынка: инновации, энергетику, международные отношения, ритейл, рекламу, строительный, нефтяной, атомный, банковский сектор, спорт и так далее (таблица).

Исследовались издания разных типов, видов и периодичности, при этом было выявлено, что выбор носителя информации (газета, журнал, иногда книга — также инструмент массовой коммуникации) может зависеть от читательского адреса. Так, для обеспечения b-to-b-коммуникации компании по сложившейся традиции предпочитают выпускать журналы (сходство с независимой отраслевой прессой). Вместе с тем для персонала, как и для клиентов, выпускаются различные виды изданий. Также для сравнения были взяты издания для разных аудиторий одной корпорации — ОАО «РАО ЭС Востока» и ее дочерних организаций.

Первичная гипотеза была сформулирована таким образом: чем больше степень присутствия базисного субъекта в текстах, тем 1) материалы издания больше тяготеют к жанрам пиар и отдаляются от журналистских; 2) у́же круг его читателей (малый охват аудитории — у внутрикорпоративных изданий, шире — у партнерских и клиентских, самый широкий — у массовых). В ходе контент-анализа намеренно не анализировались рекламные модули, были рассмотрены только редакционные материалы (журналистские и пиар-тексты[4]). Анализ проходил в два этапа. На первом

[4] По А.Д. Кривоносову, анализирующему пиар-текст в системе публичных коммуникаций, среди особенностей пиар-текстов наиболее важными являются диалогичность, наличие базисного субъекта как центрального действующего лица и решение средствами текста такой задачи, как оптимизация коммуникативной среды этого субъекта [Кривоносов, 2002, с. 27].

этапе мы подсчитали количество упоминаний базисного субъекта в издании, отвечая на вопрос: «Сколько раз?» (сколько раз были использованы ключевые слова в каждой последующей тысяче цифро-буквенных символов), затем вычислили среднее во всем издании количество упоминаний на тысячу символов. На втором этапе мы считали количество редакционных материалов, в которых упоминается субъект (ответ на вопрос «Да или нет?» позволил определить, в скольких процентах текстов упоминалась хотя бы раз фигура базисного субъекта). В качестве ключевых слов для поиска использовались: наименование компании + наименования ее дочерних (и материнского) предприятий + латинское начертание, где это необходимо.

Результаты исследования

Выведенные в ходе контент-анализа графики отображают соотношение между количеством текста и количеством упоминаний ключевых слов, результат отображается в виде ступенчатой диаграммы с шагом в 1000 таких символов (рис. 1, 2, 3). Вследствие этого в некоторых изданиях фигура базисного субъекта используется в большинстве текстов (столбцы плавно становятся выше), тогда как в других упоминания приходятся только на определенные текстовые блоки (в этом случаи столбцы подрастают резко, чему может предшествовать несколько десятков тысяч знаков «неупоминания»). Первый вариант больше присущ внутрикорпоративным изданиям, где базисный субъект является центральной темой в большинстве материалов, второй — внешнекорпоративным, которые, как правило, помимо материалов о базисном субъекте публикуют большое количество материалов на другие темы.

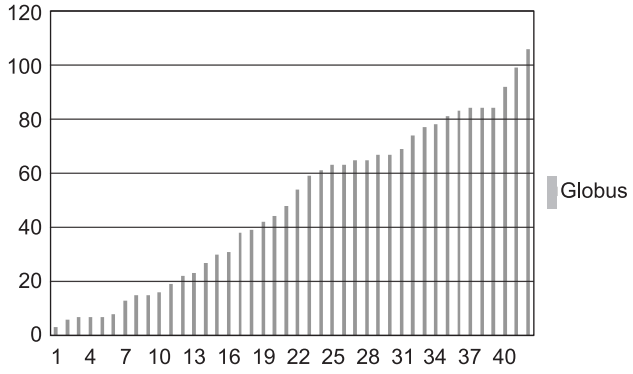

Рис. 1. Журнал для сотрудников “Globus”. На тысячу символов в среднем 2,5 упоминания; из 14 материалов упоминание — в 13 (93%)

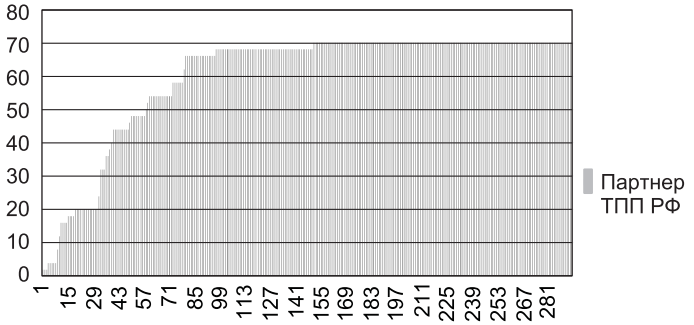

Рис. 2. Журнал для партнеров «Партнер ТПП РФ». На тысячу символов в среднем 0,2 упоминания; из 32 материалов упоминание — в 9 (28%)

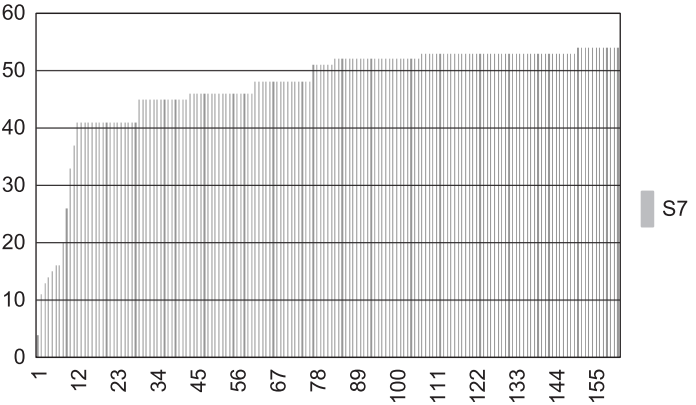

Рис. 3. Журнал для клиентов “S7”. На тысячу символов в среднем 0,1 упоминания; из 35 материалов упоминание — в 7 (20%)

По итогам подсчета ключевых слов в текстах редакционных материалов установлено следующее. Редакционные материалы внутрикорпоративных изданий в среднем содержали больше упоминаний базисного субъекта по сравнению с текстами внешнекорпоративных изданий (таблица): больше и количество ключевых слов, и доля текстов с упоминанием базисного субъекта (от 70 до 100%). Так, во внутрикорпоративном журнале компании «Глобус» (сеть гипермаркетов) на тысячу символов встречается 2,5 упоминания; из 14 материалов упоминание встречается в 13 (93%). Во внутрикорпоративном журнале компании «КНАУФ» (производитель стройматериалов) на тысячу символов — 3,6 упоминания; из 59 материалов фигура компании присутствует в 58 (98%). В книге для сотрудников московского НПЗ — 5,6 упоминания, наименование завода присут-

ствует в 100% текстов, если под текстовой единицей подразумевать параграф книги.

Выборка и результаты контент-анализа корпоративных изданий

Издание	Вид (носитель)	Доля текстов с упоминанием корпорации, %	Количество упоминаний на 1000 цифро-буквенных символов
Внутрикорпоративные (для сотрудников)			
«КПД Якутскэнерго» (энергокомпания «Якутскэнерго»)	Газета	86	1,0
«Энерговосток» (энергохолдинг «РАО ЭС Востока»)	Газета	90	1,9
“Gallery” (оператор наружной рекламы Gallery)	Журнал	82	1,0
“Globus” (сеть гипермаркетов Globus)	Журнал	93	2,5
«Вести КНАУФ» (производитель стройматериалов КНАУФ)	Журнал	98	3,6
«75 лет Московскому НПЗ» (нефтеперерабатывающий завод, ОАО «Газпромнефть–МНПЗ»)	Книга	100	5,6
Внешнекорпоративные (для партнеров)			
«Огни на Востоке» (энергохолдинг «РАО ЭС Востока»)	Журнал	50	0,4
«Технопарк Якутия» (ГАУ «Технопарк Якутия»)	Журнал	47	0,18
«Вестник атомпрома» (корпорация «Росатом»)	Журнал	50	0,3
«Газпром» (ОАО «Газпром»)	Журнал	90	1
«Партнер» (Торгово-промышленная палата РФ)	Журнал	28	0,2
Интеллект & Технологии (Концерн «Радиотехнические и информационные системы»)	Журнал	16	0,08
Внешнекорпоративные (для клиентов/массовой аудитории)			
«Теплый дом» (ОАО «Камчатскэнерго»)	Газета	20	0,3

Окончание таблицы

Издание	Вид (носитель)	Доля текстов с упоминанием корпорации, %	Количество упоминаний на 1000 цифро-буквенных символов
S7 (авиакомпания “S7 Airlines”)	Журнал	20	0,1
“My SMP” (банк СМП)	Журнал	72	0,9
«Дальний Восток. Современный путеводитель» (энергохолдинг «РАО ЭС Востока»)	Книга	17	0,3
«Анатомия бокса» (Министерство спорта Якутии)	Книга	0,5	<0,01
«Финансы для людей» (банк «Транспортный»)	Газета	17	0,04
OnAir (авиакомпания «БелАвиа»)	Журнал	15	0,1
“Ideas for Life” (компания “Panasonic”)	Журнал	72	0,4

Сравним с внешнекорпоративными изданиями для партнеров. В журнале об энергетике «Огни на Востоке» (издается энергохолдингом «РАО Энергетические системы Востока») на тысячу символов — 0,4 упоминания; из 22 материалов в 11 фигурирует заказчик, дочерние или материнская организация (50 %). В журнале об атомной промышленности «Вестник Атомпрома» (корпорация «Росатом») на каждую тысячу символов — 0,3 упоминания; из 30 материалов в 15 встречается базисный субъект (50%). В журнале «Партнер» (Торгово-промышленная палата РФ) о внешних торгово-экономических связях на каждую тысячу символов — 0,2 упоминания; из 32 материалов в 9 встречается упоминание о Торгово-промышленной палате (28%). Есть и исключения: так, журнал «Газпром» рассказывает исключительно об одноименной корпорации (90% текстов, 1 упоминание на каждую тысячу символов), что обусловлено ведущей ролью Газпрома на рынке отечественной газоэнергетики — такие «монополисты» претендуют на исключительный интерес партнеров и конкурентов к своей деятельности вполне справедливо. Однако в целом видно, что партнерские издания обычно высвечивают фигуру заказчика не более чем в половине редакционных материалов (от 20 до 50% текстов). Анализируя тексты таких изданий, мы можем удостовериться, что даже

там, где встречается фигура заказчика, он упоминается в связи с общим положением на рынке, с тенденциями и взаимодействием с другими компаниями — иными словами, издания охватывают широкий круг тем, актуальный для многих представителей бизнес-среды.

Может показаться, что различная степень присутствия фигуры базисного субъекта в различных категориях корпоративных медиа — факт очевидный. Однако анализ текстов демонстрирует, что издатели далеко не всегда согласны с зависимостью этого параметра от специфики своих целей и аудиторий. Так, в категории клиентских изданий намечается «развилка» (рис. 4). Подсчет ключевых слов зафиксировал тенденцию, в соответствии с которой часть изданий действительно почти полностью отказывается от высвечивания фигуры заказчика, часть же, наоборот, «возвращается» к высокой частотности упоминания. В первой категории использование ключевых слов приближается к нулю, а доля текстов с упоминанием субъекта не превышает 20%. Так, в бортовом журнале (мы взяли в качестве примера журнал авиакомпании “S7”) из 35 материалов 7 оказались с использованием ключевого слова, причем только в специально отведенных для этого блоках: новостном в начале журнала и перед некоторыми материалами о географических объектах как прикладная информация о рейсе; почти все упоминания об авиакомпании сгруппированы в конце журнала в блоке технической информации о полете. В вышеупомянутой газете «Теплый дом» («Камчатскэнерго») для жителей административного центра края из 20 материалов в 4 задействована фигура заказчика, при этом в одном материале она задействуется не более одного раза. В книге о боксе и якутском боксере Георгии Балакшине, инициированной якутским Министерством спорта, фигура ведомства встречается всего 4 раза, причем только в одной из 5 глав. Однако во второй категории клиентских изданий фигура базисного субъекта присутствует практически постоянно — например, в журналах “My SMP” банка СМП (как и в не вошедших в подборку журналах банков «Время жить», «Энергия успеха») и “Ideas for Life” компании “Panasonic” — в 72% текстов в обоих случаях.

Заметим, что в первом случае тексты носили явный журналистский характер (они были написаны в журналистских жанрах, их авторы использовали различные способы получения информации и стремились раскрыть общесоциальную проблематику), во втором случае это были сгенерированные на основе корпоративных данных пиар-тексты, рассказывающие об услугах и продуктах корпорации, о мероприятиях, в которых она участвовала. Таким образом, анализ показал, что внешнекорпоративные клиентские издания,

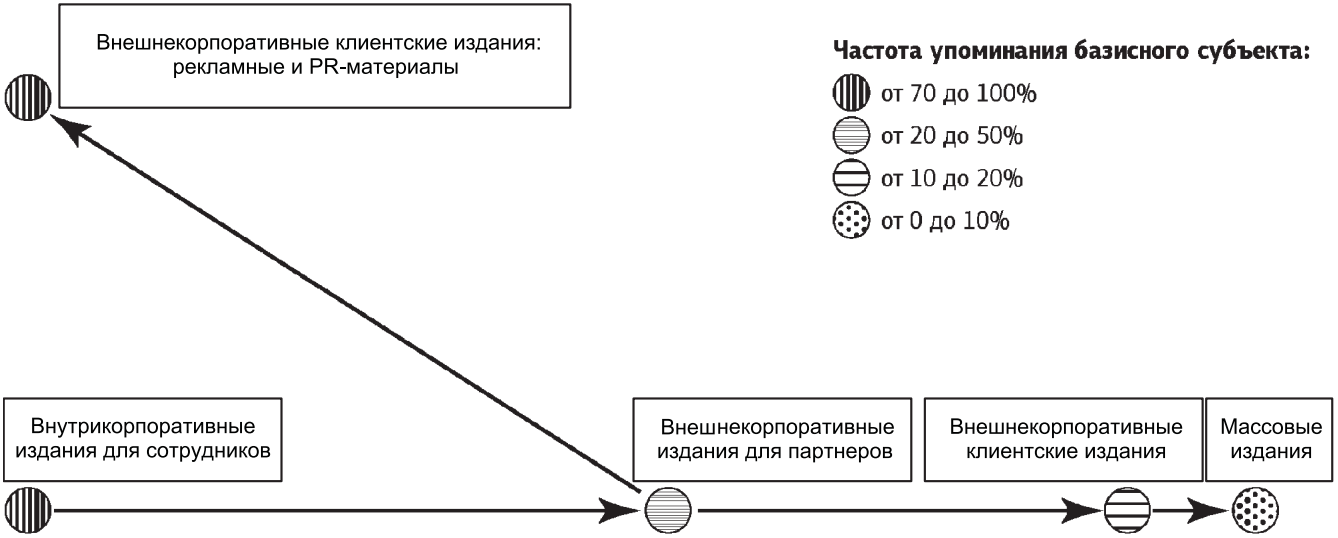

Рис. 4. Схема, отображающая зависимость частоты упоминания базисного субъекта от читательского адреса издания

которые можно условно разделить на пиар-издания и журналистские, могут обращаться к двум разным аудиториям. Издания, наполненные журналистскими текстами, в цепочке «корпоративные — массовые» находятся ближе к правой границе (рис. 4), при этом их читательский адрес не характеризуется как смешанный — он широкий, но определенный. Издания же с пиар-текстами не выходят за рамки «корпоративных»: по сути, они обращаются только к читателям, имеющим какое-либо отношение к корпорации (потребляющим ее продукты или услуги).

Коммуникационную стратегию последних нельзя назвать ошибочной в том случае, если у них есть четкий читательский адрес: так, в приведенных примерах «банковских» журналов информация о деятельности корпорации часто доходит до потребителя в силу способа распространения этих изданий (подобные журналы лежат в зоне ожидания офиса банка, и их читают реальные клиенты, сидящие в очереди, — т.е. те, кто, скорее всего, заинтересован в информации о компании). При этом необходимо помнить, что интерес у клиентов вызовет информация, имеющая практическую значимость, — скажем, обзор рынка окажется более востребован, нежели фоторепортаж из офиса компании, а организованное компанией общесоциальное мероприятие удостоится большего внимания, чем интервью с главой hr-департамента. Опасность представляют те случаи, когда корпорация, стремясь охватить массовую аудиторию, выпускает издание, не способное заинтересовать такой круг лиц. Потребитель, видя журнал или книгу, оформленную как массовое СМИ и распространяемое среди широкой аудитории, но при этом освещающее лишь деятельность корпорации, неизбежно теряет интерес к продукту.

Выводы

Парадоксальность выводов, сделанных в результате анализа внешнекорпоративных изданий, заключается в том, что на основе такого анализа не удается выстроить единую типологическую структуру этой разновидности изданий: примеры изданий только для партнеров, для клиентов, для широкого круга читателей встречаются не очень часто. Аудиторный признак постепенно размывается, что в одном случае расширяет круг потенциальных читателей и укрепляет рыночные позиции СМИ, делая их самодостаточными в коммерческом плане, а в другом, наоборот, сужает, свидетельствуя о нечеткости корпоративных задач. В то время как часть клиентских изданий пытается продвигать продукты и услуги корпорации, уподобляясь рекламным СМИ, другая часть стремится к массовости,

осваивая методы и технологии «большой» журналистики. Интересно, что Д.А. Мурзин, рассуждая о перспективах типологизации российской корпоративной прессы, спрогнозировал, что издания для внешней аудитории вскоре можно будет разделить на просветительские, отчеты и клиентские, каковые, в свою очередь, будут делиться на журналы «стиля потребления», бортовые и рекламные [Мурзин, 2009, с. 119]. Мы можем констатировать, что деление клиентских изданий на развлекательные СМИ «для всех» и рекламирующую прессу для потенциальных потребителей уже адекватно действительности, и отметить, что следующей ступенью развития должно быть практическое (а не только теоретическое) обособление рекламных изданий и приобретение клиентскими изданиями черт массовых медиа.

По нашему мнению, большой охват аудитории не всегда лучше и полезнее, чем обращение к узкому кругу клиентов, — это две разные задачи, выполняемые посредством выпуска двух (или более) различных продуктов, и приписывать изданию, рекламирующему услуги компании, необходимость освоения «большого» рынка было бы в корне неверно. О возможности выхода на массовую аудиторию мы говорим как о еще одной, притом серьезной и перспективной, возможности коммуникации с общественностью. Обращаясь к сфере паблик рилейшнз, мы видим, что пиар-департаменты корпораций стремятся донести информацию о базисном субъекте и клиентам, и широкому кругу лиц, инициируя выходы материалов в «большой» прессе — в последнем случае они предлагают журналистам сведения о компании, которые ожидаемо привлекут внимание ввиду их социальной значимости. Точно такие же методы коммуникации могут использовать издатели корпоративной прессы, желающие иметь собственный канал общения с широкой аудиторией. На наш взгляд, внешнекорпоративные издания, приобретающие черты массовых, крайне интересны с точки зрения конкурентоспособности и перспектив развития рынка корпоративных медиа, а потому нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

Агафонов Л.С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск, 1985.

Бабкин А.Ю. Корпоративные издания в структуре печатных СМИ: типологические и профильные характеристики (на примере прессы федерального государственного унитарного предприятия «Почта России»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Горчева А.Ю. Корпоративная журналистика. М.: Вест-Консалтинг, 2008.

Дегтяренко Д.К. Корпоративные издания в России: виды, функции, задачи // Среда. 2002. № 8–9.

Корпоративная пресса. Руководство к действию / Под ред. А.А. Мирошниченко. М.: МедиаЛайн, 2011.

Кривоносов А.Д. Корпоративная пресса на Западе: история и типология // PR-диалог. 2002. № 3, 5–6.

Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Лапина Е.В. Специфика и назначение внутрикорпоративного издания // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Журналистика, реклама и СО: новые подходы». Воронеж, 2002.

Мирошниченко А.А. Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей. М.: МедиаЛайн, Альпина Паблишер, 2012.

Мурзин Д.А. Новые корпоративные стратегии коммуникаций в современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 2004. № 3.

Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. М.: Хроникер, 2005.

Мурзин Д.А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Наговицина Т.А. Корпоративная пресса пенитенциарной системы: особенности развития и функционирования (на примере издания УФСИН России по Республике Татарстан) // Медиаскоп. 2011. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/950

Олтаржевский Д.О. Роль корпоративных медиа в социализации бизнеса // Медиаскоп. 2014. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1512#7

Сидорова Т.И., Чемякин Ю.В. Вузовские СМИ в системе корпоративных медиа // Медиаскоп. 2011. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/node/887.

Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского; Науч. ред. М.В. Шкондин, Л.Л. Реснянская. М.: Аспект Пресс, 2001.

Типология периодической печати: Учеб. пособие / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009.

Чемякин Ю.В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург: Дискурс Пи, 2006.

Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Custom Publishing: Opportunities Abound For B2B Publishers. The Publishing & Media Group, 2003.

Fisher L.L. The craft of corporate journalism: writing and editing creative organizational publications. Chicago: Nelson-Hall, 1992.

Kounalakis M., Eanks D., Daus K. Beyond spin: the power of strategic corporate journalism. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1999.

Pallas J., Fredriksson M. Corporate media work and micro-dynamics of mediatization. 2013.

Ringgren Lovén T. Corporate Journalism. Examining which journalistic strategies the LEGO Group applies to corporate communications and in what way journalism supports the goals of corporate communications. 2012.

Поступила в редакцию
17.02.2015

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

В.В. Пономарёва, канд. истор. наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории русской культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: varvarapon@mail.ru

ОТ «СОПУТНИЦЫ ЧЕЛОВЕКА» ДО СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ УНИВЕРСИТЕТА: «ТОЛСТЫЕ» ЖУРНАЛЫ 1860-х гг. О ЖЕНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ[1]

В статье, написанной на основе изучения публикаций «толстых» журналов разных политических взглядов в конце 1850—1860-х гг., анализируется содержание общественных дискуссий, посвященных женскому образованию в России, которое в эти годы переживало глубокую модернизацию. Традиционные учебные заведения (женские институты Мариинского ведомства, епархиальные училища, пансионы, др.) реформировались, возникла новая форма школы — женская гимназия. Небольшой хронологический отрезок вместил существенные перемены как в жизни страны, так и в положении женщины, осмыслить которые российскому обществу должна была помочь периодическая печать.

Ключевые слова: *женское образование, «толстые» журналы, Мариинские институты, женские гимназии, университеты.*

The article is based on the studies of "thick" magazines of various political views at the end of the 1850s and 1860s. The author analyses the content of public discussions dedicated to women's education in the Russian empire, which was a subject of significant modernization during that period. Traditional schooling establishments (girls' colleges of Empress Maria's establishment, religious schools, boarding colleges etc) were being transformed, and a new type of school was created. A short period of time — not much longer than ten years — included significant changes both in the life of the country in general, and in the position of women. The "thick" literary and socio-political magazines played an important role in helping the society to understand those changes.

Key words: *women's education, "thick magazines", Mariinsky colleges, girls' schools, universities.*

Введение

Женское образование в России, его уровень и содержание впервые стали объектом пристального общественного внимания в конце 1850-х гг., когда страна вступила в эпоху Великих реформ. Являясь поначалу лишь частью бурно обсуждавшейся проблемы

[1] Речь идет именно о так называемых «толстых» журналах, педагогическая периодика в силу своей специфики представляется предметом отдельного изучения.

перестройки русской школы, вопрос о женском образовании очень скоро был осознан как самостоятельный и крайне важный для дальнейших судеб страны. Кризис патриархальной семьи и «оскудение» дворянства вынуждали многих женщин зарабатывать на жизнь. Полученное ими образование помогало обеспечить себя верным куском хлеба, однако существовавшие к тому времени женские учебные заведения не отвечали в полной мере ни качественно, ни количественно стоящим перед ними задачам. Реформирование старой женской школы и создание новой стало насущной необходимостью. В осознании этой задачи, решении возникавших в связи с этим вопросов могла помочь периодическая печать, прежде всего заслужившие общественный авторитет «толстые» журналы. В нашей историографии эта тема рассматривалась либо на широком хронологическом отрезке, когда новая женская школа уже утвердилась на российской почве [Вахромеева, 2008; Коломийцева, 2008], либо затрагивались лишь ее отдельные аспекты [Тивченко, 2014]. Но именно конец 50-х — 60-е гг. XIX в. стали временем особо важным для русского общества: в условиях буржуазных реформ параллельно с созиданием новой женской школы шла невероятно трудная работа по изменению общественного сознания, ведь русская женщина — дочь, мать, жена, — покинув пределы семейного гнезда, становилась участником общественного производства. Важную роль в осмыслении серьезных перемен в жизни российского общества должна была сыграть периодическая печать.

* * *

Спусковым крючком для развернувшейся бурной дискуссии о путях развития образования в России послужила статья «Вопросы жизни», опубликованная в «Морском сборнике» в 1856 г., автором которой был великий хирург и педагог Н.И. Пирогов, герой Крымской войны, пользовавшийся огромным авторитетом.

В своей статье Пирогов, в частности, писал о «необходимости общечеловеческого образования»: «...все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. Поэтому все, до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и их таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения» [цит. по: Пирогов, 1910, с. 53–54]. Статья Пирогова «имела огромный успех, не было образованного человека, который не прочел бы ее, не подумал бы над ней» [Чехов, 1912, с. 11], о ней «всюду пошли дебаты: в клубах, в семьях, где дотоле ничего не читали и ни о чем не говорили, в высшем обществе, в гимназиях, в приходских училищах. Все заговорили о воспитании, о наших недостатках и по-

роках... Книжки “Морского сборника” читались нарасхват» [Л.С., 1899, с. 6–7]. Гуманные идеи, высказанные Пироговым, нашли отклик у читателей — от обывателей до высших чинов империи. По распоряжению министра просвещения А.С. Норова статья Пирогова была полностью перепечатана в ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения» (1856. Сентябрь. Ч. 91), что еще увеличило ее читательскую аудиторию. В примечаниях к Собранию сочинений Пирогова уже в начале XX в. справедливо указывалось, что «Вопросы жизни» должны служить «отправным пунктом для всякого историка новой русской педагогики» [Пирогов, 1910, Прим., с. 895–896]. Неудивительно, что статья, «поразившая всех и светлостью взгляда, и благородным направлением мыслей автора, и пламенной, живой диалектикой» [Добролюбов, 1857, с. 493–494], цитируется и теперь во многих работах, посвященных истории женского образования.

Вчитаемся внимательнее в написанные Пироговым строки — как же, на его взгляд, следовало готовить к будущей жизни современную женщину в стране, стоящей на пороге серьезных перемен? Какой она должна была стать?

В торжественном тоне Пирогов отозвался о «высоком назначении женщин», заключающемся в том, что они, «ухаживая за колыбелью человека.., делаются главными зодчими общества». «Пусть многое останется ей неизвестным. Она должна гордиться тем, что многого не знает. Не всякий — врач. Не всякий должен без нужды смотреть на язвы общества... Чтобы *услаждать сочувствием жизнь человека, чтоб быть сопутницей в борьбе* (курсив наш. — *В.П.*) — ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышление, чтобы избирать и чтобы иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей», — таков высокий удел современной женщины. Критически отозвавшись о современном положении дел, Пирогов отметил, что нынешнее воспитание обыкновенно превращает женщину в куклу, «действующую на пружинах», тогда как «раннее развитие мышления и воли для женщины столь же нужны, как и для мужчины». Но тут же великий врач пояснял свою мысль: эмансипация женщин должна сводиться к их воспитанию, большего и желать нельзя, ведь «женщина эманципирована и так уже, да еще может быть более, нежели мущина», который, в отличие от женщины, не «может сделаться связью общества, цветком и украшением его» [цит. по: Пирогов, 1910, с. 69–71].

Новинкой мысли Пирогова о женском предназначении отнюдь не являлись. Еще Г.Р. Державин именно так воспевал женщину: «Являя благородны чувства, / Не судишь ты страстей людских, /

Обняв науки и искусства, / Воспитываешь чад своих» [Державин, 1808]. Образец женщины — той, что что «ухаживает за колыбелью человека», «услаждает сочувствием жизнь человека», его «сопутницы», — давно уже был принят на вооружение Ведомством императрицы Марии: в женских институтах (так называемых «институтах благородных девиц») подготавливали «добрых жен и полезных матерей семейства». Впрочем, в этих традиционных учебных заведениях уже в начале XIX в. не ограничивали свою задачу формулой Пирогова, но старались дать такую подготовку, чтобы бедные девушки, «не осчастливленные замужеством», смогли бы самостоятельно заработать себе на хлеб.

Этот взгляд на место женщины в современном обществе нисколько не противоречил традиционным представлениям: не играя самостоятельной роли, женщина должна была быть достойной *сопутницей человека*, *понимать* его, *услаждать* его жизнь, *воспитывать* детей, *украшать* собой общество. Констатацией необходимости образования и воспитания, соответствующих этому *высокому назначению* женщины Пирогов и ограничился, оставив обсуждение подробностей требуемой образовательной программы за рамками своей статьи. Как показало дальнейшее обсуждение женского образования в «толстых» журналах, вряд ли это было случайным. Идеи, высказанные в статье «Вопросы жизни», всколыхнувшей русское общество и задавшей тон длительной дискуссии, неоднократно повторялись, цитировались и перетолковывались, их разделяла немалая часть читательской аудитории, и потому позиция автора по женскому воспитанию и образованию важна для понимания контекста, в котором происходило строительство новой женской школы. Очевидно, что констатация недостатков в образовании женщин и требование необходимости реформирования женского образования вполне отвечали общественным ожиданиям, с другой стороны, возникает вопрос, насколько общество было готово принять все те последствия, какие повлечет за собой получение массой женщин серьезного образования.

* * *

В русском обществе и печати эпохи Великих реформ, охваченных общим стремлением к переустройству жизни, преобладал резко критический взгляд на существовавшие женские учебные заведения, их программу и педагогические приемы. «Толстые» журналы разных направлений в 1860-е гг., безусловно, осуждали уровень современного им женского образования. Суждение «Женского вестника» о подготовке, получаемой в женских учебных заведениях, разделялось многими другими изданиями: воспитанниц отличает

«блестящая пустота... красивое умение производить эффект в гостиной своим костюмом, пеньем, танцами и другими приманками для светских кавалеров», а девушки, «вышедшие из подобных школ, редко уже способны к чему-нибудь; они погибли для жизни осмысленной и развитой» [Мессарош, 1866, с. 77–78].

В России до конца 50-х гг. XIX в. девушки могли получать среднее образование в институтах и училищах Мариинского ведомства, епархиальных училищах, подведомственных Синоду, частных пансионах и школах при различных церквях, находящихся в ведении Министерства народного просвещения, и т.п. Но подавляющее количество девочек учились дома под присмотром гувернанток, к некоторым приглашались на дом учителя: объем и характер «домашнего» образования зависел от семейного достатка и представления об этом родителей. Но как раз домашнее образование критиковалось в периодике гораздо реже, чем другие способы подготовки. Вне фокуса внимания публицистов остались также епархиальные училища и другие ведомственные училища. Основной удар критики пришелся на интернаты — закрытые женские заведения, к которым относились «институты благородных девиц» и пансионы.

Неизменно резкую оценку в «толстых» журналах получали пансионы: «Русское слово» критиковало сохранявшийся в них «великосветский характер, которым всегда отличалось образование русской женщины» [Зайцев, 1865, с. 19]; «Женский вестник» утверждал: «...образование в пансионах, *как известно*, очень нехитрое и направленное лишь к одной цели, — чтобы держать себя прилично и уметь блеснуть кое-чем в гостиной» (курсив наш. — *В.П.*) [Мессарош, 1866, с. 77]. Используя выражение «как известно», критик пытался манипулировать сознанием своего читателя, представляя свое утверждение как общепринятую истину. Подобный прием не раз встречается в текстах той эпохи. К нему же прибегал автор «Современника» М.И. Михайлов, выступавший за равное воспитание обоих полов: мальчики и девочки, «*известно каждому*, до наступления половой зрелости... ничем почти не отличаются друг от друга» (курсив наш. — *В.П.*) [Михайлов, 1860, с. 482].

Именно в 1860-е гг. начинается критика так называемых «институтов благородных девиц»: прежде никакие замечания в адрес Ведомства учреждений императрицы Марии в печати не допускались. Институты упрекали за то, что они дают прежде всего «воспитание», а «образование» стоит на втором месте. Но ведь начавший обсуждение русского образования Н.И. Пирогов в своей статье «Вопросы жизни» настаивал именно на этом, утверждая, что человека нужно не просто учить — его следует прежде всего воспитывать. Идеи Пирогова отвечали русской педагогической тра-

диции, потому они в то время и получили горячее одобрение читающей публики [Новиков, 1783].

Первую большую статью, посвященную Мариинским институтам, напечатал в 1860 г. либеральный в те годы «Русский вестник» М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева. Автор статьи Г.Ф. Головачёв (выпускник университетского Благородного пансиона, в 1865 г. редактор журнала «Детское чтение») обрушился на максиму, принятую в Ведомстве, предписывающую воспитывать женщину «доброй женой и хорошей матерью» (не вспоминая в связи с ней, разумеется, о получившей широкое одобрение статье Пирогова). Женщину, по мнению Головачёва, следует воспитывать «точно так же, как и мужчину», ведь «назначение женщины вовсе не так одностороннее... женщина получает обширный круг деятельности, и она бесспорно может быть таким же полезным членом общества, как и мужчина». В институтах дают «ненормальное воспитание», цель которого — «только безусловное повиновение начальству», они являют собой «печальное зрелище нравственного разврата» [Головачев, 1860]. Мысль Головачева о том, что женщину надо воспитывать «так же, как и мужчину», явилась серьезным шагом вперед по сравнению с идеями, высказанными Н.И. Пироговым.

Для подавляющего большинства авторов воспитание в интернатах, будь то пансионы или институты, представлялось неприемлемым, им на смену должны были прийти другие учебные заведения: «лекции, классы будут достаточной заменой этого воспитания», «дети, избавленные от неестественных условий пансионской жизни, гораздо лучше воспользуются сообщаемыми им сведениями, гораздо свежее поддадутся влиянию педагогических приемов своих учителей», считали сторонники «совершенного уничтожения» закрытых учебных заведений [см.: Марков, 1865, с. 568]. В огромной России, где учебные заведения находились в основном в губернских городах, долгие годы, на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в., продуманно создавались интернаты — кадетские корпуса, училища для солдатских детей, епархиальные училища, женские институты, пансионы при училищах. Для детей многих провинциальных жителей интернаты были необходимым условием для получения образования. Критикуя чересчур радикальную позицию сторонников ликвидации интернатов, здравомыслящие современники считали, что это стало бы «важной ошибкой, которая непременно отозвалась бы на нашей общественной жизни» [Марков, 1865, с. 569].

Н.А. Добролюбов в статье, опубликованной в «Русском вестнике» в 1858 г., порицал все способы образования, открытые в то время для женщин: «Мы утверждаем, что наше современное воспитание

и обучение девиц, *во всех его видах*, нимало не имеет в виду их будущей жизни в семействе и обществе», «самые живые и интересные науки так преподаются, что в них не представляется ничего, что бы говорило сердцу или увлекало воображение» (курсив наш. — *В.П.*) [Добролюбов, 1858, с. 362, 366]. (И в этих упреках встречаем мало нового: публицисты уже в XVIII в. сетовали, что «воспитание богатых девиц состоит по большей части в изучении языков и приятных искусств. Основные знания, полезные науки занимают самое малое время. Все оканчивается наукой нравиться»[2].)

Этим категорическим и ничем не подкрепленным утверждением Добролюбова уничижалась сложившаяся система женского образования в России, созданная многолетним трудом сотен людей, поколение за поколением воспитывавших образованных русских женщин. Можно было бы привести различные примеры, назвать множество имен, которые опровергали бы добролюбовский вердикт. Ограничимся свидетельством человека, для которого «старый режим» был безусловным врагом, — народоволки В.Н. Фигнер, окончившей курс казанского Родионовского института благородных девиц и учившейся впоследствии на медицинском факультете Цюрихского университета. Считая, как и все «новые люди», Мариинские институты архаичными заведениями, она, противореча самой себе, отдавала должное своей alma mater: институт развил в ней чувство товарищества, приучил к дисциплине, воспитал привычку к умственной работе, дал культурную выправку [Фигнер, 1933, С. 44–45]. Можно ли выше оценить результаты педагогической работы какого бы то ни было учебного заведения?

В эпоху радикальных реформ 60-х годов, когда поляризация общества достигала своего максимума, критика доходила до крайнего ожесточения. Проявлением царящего в обществе напряжения стали, к примеру, открытые нападки не только на уровень преподавания в учебных заведениях, но и «переход на личности». Насмешкам, издевательствам, даже глумлению подвергались преподаватели и воспитатели — гувернантки, начальницы институтов, классные дамы[3]. Воспитанницы учебных заведений все подряд именовались «куклами, лепечущими по-французски»[4], тогда как немалое количество этих «кукол» своим трудом содержали себя, поддерживали свои семьи.

---

[2] Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. IV. С. 111.

[3] См., напр.: Обращения столичного // Русское слово. 1861. № 6. С. 67; Дневник темного человека // Русское слово. 1862. № 2. С. 31; 1863. № 5. С. 22–23; № 11–12. С. 111; Учитель. 1861. Т. I. С. 1025; 1862. Т. II. С. 1241; и др.

[4] Библиотека для чтения. 1861. Т. 168. С. 12.

Художница и писательница Е.Ф. Юнге вспоминала о «поражающей быстроте» перемен, которые «вступили в сознание большинства людей вдруг» в 1860-е гг. [Юнге, б/г, с. 214]. Быстрота происходящего усугубляла болезненность переживаемой перестройки. Существовавший в русском обществе раскол создавал атмосферу, не слишком благоприятствовавшую плодотворной дискуссии. Спустя годы исследователи, занимавшиеся теорией и историей русской педагогики, писали: «Тогдашнее отрицательное направление, отразившееся между прочим и на педагогической литературе, произвело страшную путаницу понятий... В числе учителей и воспитателей находились слишком ревностные и иногда незрелые реформаторы, беспощадно отрицавшие все существовавшее и стремившиеся осуществить на деле новые теории воспитания, появлявшиеся тогда в большом изобилии» [Последнее десятилетие в истории народного просвещения в России, 1876, с. 5–6]; «...под влиянием унижения и оскорбления неудачами Крымской войны общество с каким-то исступлением занималось беспощадным самообличением, самобичеванием... Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дела воспитания и обучения во всем его прошлом» [Песковский, 1893, с. 28]. С этой оценкой нельзя не согласиться. Особенно справедливой она представляется в отношении авторов, писавших о существовавшей системе женского образования в России. Был поднят «цензурный шлюз» (А.И. Герцен), и годами копившееся раздражение выплеснулось наружу.

После значительного смягчения цензуры появилась возможность свободно высказывать свое мнение, и в среде «новых людей» (по Н.Г. Чернышевскому), вырабатывались штампы и стереотипы, которые были в ходу в публицистике на протяжении всей второй половины XIX в. и благополучно дожили до наших времен. «Кисейные барышни» Н.Г. Помяловского, «аристократический» характер образования в женских институтах Мариинского ведомства, наивность и непрактичность институток, классные дамы — «озлобленные старые девы», «казарменный дух» эпохи Николая I, «душителя образования» и т.д., — повторение этих клише подобно бегу на месте, продолжающемуся более полутора столетий.

* * *

«Толстые» журналы разных общественно-политических направлений публиковали статьи, посвященные всевозможным аспектам реорганизации народного просвещения. Но насколько серьезно их интересовало *женское* образование? В либеральном «Вестнике Европы» М.М. Стасюлевича, к примеру, имелась особая рубрика — «Педагогическая хроника». В ней постоянно публиковались мате-

риалы о классическом образовании, реальных училищах, учебных заведениях в Швейцарии, Германии, etc., рецензии на педагогические труды и, как и в других журналах, — почти никаких данных о русской женской школе, кроме беглых упоминаний. Отсутствие интереса к женскому образованию, смутные и искаженные знания о существующих женских учебных заведениях столь очевидны, что вызывают удивление.

Упоминавшаяся статья Г.Ф. Головачёва, посвященная Мариинским институтам, выгодно отличается от других публикаций безусловным знанием предмета и содержит, помимо прочего, и справедливые упреки (поверхностное преподавание, чрезмерная закрытость институтской жизни, недостаточная подготовка классных дам, их зависимое положение и избыточная нагрузка, слишком многочисленные классы и т.д.). Однако автор заявляет, что ничего нового в последнее время в институтах, кроме «образцовых кухонь», не возникло, тогда как требуются серьезные перемены, и критикует «казенное женское воспитание», приводя «уморительные примеры» институтских нелепостей. А ведь эта беспощадная в своих оценках публикация выходит спустя несколько месяцев после того, как тщательно подготовленный К.Д. Ушинским серьезный проект преобразований Смольного института начал воплощаться в жизнь, и преподавание, пусть пока в одном институте, «в виде опыта», но все же велось уже «по Ушинскому». Труд Ушинского и собранного им блестящего коллектива преподавателей, целый комплекс реформ женского образования, который разрабатывался Ведомством учреждений императрицы Марии на протяжении долгих лет, — все это игнорировалось. В данном случае слепота критика объяснялась, очевидно, личным мотивом: в ведомственной переписке находим упоминание о признании самого Головачёва, что «статья была писана им под влиянием желчного раздражения по случаю неосуществившейся тогда надежды его сделаться инспектором Института»[5]. Но почтенный журнал опубликовал большую статью автора, ведомого «желчным раздражением», радушно предоставив ему печатную площадь в двух номерах.

Итак, характер воспитания и образования, которое давалось в уже существовавших учебных заведениях, по мнению большинства авторов, не соответствовало требованиям нового времени. Каким же оно должно было быть? Н.А. Добролюбов в апрельском номере «Русского вестника» призывал: «Воспитывайте своих дочерей дома, а учиться пусть они ходят в школу, точно так, как в гимназиях приходящие мальчики», ведь «выбрасывание детей, особенно дево-

[5] РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 478. Л. 29 об.

чек, из семьи, отсылка их от себя на несколько лет с глаз долой, может быть оправдана разве только крайнею необходимостию, нравственною или вещественною» [цит. по: Добролюбов, 1858, с. 363–364, 368], и в том же апреле 1858 г., как будто в ответ на воззвание критика, по инициативе Ведомства учреждений императрицы Марии возникают женские училища нового типа — не только открытые, как того желал публицист, но также и бессословные, доступные благодаря относительно невысокой плате, вход в которые не был заказан ни незаконнорожденным, ни иудейкам. Для России, которой оставалось еще три года до отмены крепостного права — явление незаурядное, и без прямой санкции императрицы Марии Александровны невозможное.

Именно в женских гимназиях множество девочек стало получать систематическое среднее образование, уровень которого высоко оценивали и педагоги, и родители [Семёнов, 1892, с. 26; Васильчикова, 1995, с. 22–23; Тыркова-Вильямс, 1998, с. 95]. О размахе деятельности женских гимназий говорит и тот факт, что перед Первой мировой войной в России женщин со средним образованием насчитывалось больше, чем мужчин. Но 1860-е гг. были временем трудным, даже драматическим для женской гимназии. Казалось бы, на первых порах общество с энтузиазмом отнеслось к идее доступного женского образования, однако, как отмечал ведомственный «Журнал Министерства народного просвещения», «с течением времени рвение общества стало охладевать», материальной поддержки почти не поступало, и «большая часть женских училищ... едва поддерживает свое существование.., учебная часть их находится в печальном упадке»[6]. Немалое количество только возникших училищ было закрыто, в других учебная программа сокращена до начальной. О проблемах, с которыми в первые 10–15 лет своего существования сталкивалась новая женская школа, немало писали специальные издания: «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский педагогический вестник», «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий».

Однако «толстыми» журналами появление, казалось бы, столь ожидаемых и необходимых обществу женских учебных заведений было едва замечено, при том что на их страницах постоянно и подробно обсуждались разные стороны жизни мужской школы — от гимназий до университетов.

К воспитанию девочек, ограждению их от всего, выходящего за рамки традиций, в обществе относились гораздо строже, чем

[6] Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1868. Ч. 137. Отд. IV. С. 31–33.

к воспитанию мальчиков. Поэтому принять новшество оказалось для части общества непростым делом, о чем пишет журнал Ф.М. и М.М. Достоевских «Время». В газете «Северная пчела» было опубликовано письмо читательницы, которая настаивала, что «женские гимназии назначаются преимущественно для дворянства», что представляется «утопией мысль об учреждении одного общественного учебного заведения для образования женщин всех сословий». В ответ на эти соображения «Время» в небольшой заметке подчеркивало, что знания нельзя разделить на «для бедных» и «для богатых»: «знания этому разделению не подчиняются»[7]. Небольшая эта дискуссия сильно запоздала: к этому времени женское гимназическое образование насчитывало уже три года, и его доступность для всех сословий стала свершившимся фактом.

Женским учебным заведениям давались рекомендации столько же безапелляционные, сколько расплывчатые: «Необходимы серьезные занятия и дельное, а не институтское и не пансионерское образование, где все ограничивается полуграмматикой и полуарифметикой; затем необходима специальность по чему-нибудь, т.е. по тому, на что есть склонность или желание», — как заявлял, к примеру, «Женский вестник» [Аров, 1867, с. 47]. Публиковавшиеся авторами «толстых» журналов рецепты содержали отвлеченные, далекие от практики жизни соображения, производящие впечатление случайно пришедших в голову. О пользе изучения «экономической науки» говорил Н.В. Шелгунов, не разъясняя, впрочем, своей позиции подробнее [Шелгунов, 1865, с. 4]. Автор другой статьи считал необходимым изучение юриспруденции — «науки, толкующей о правах и обязанностях человека как члена гражданского общества». Он указывал, что естественные и «вообще реальные науки» важны для женщины как матери, но «некоторые... поддались увлечению», потребовав от женщин чрезмерного, «специального, полного знания и химии, и физики, и патологии, и физиологии, и терапии, и фармацевтики. Они желали, чтобы женщина-мать была и опытным врачом, и аптекарем, и технологом» [Шишкин, 1859, с. 118–119]. В 1866 г. журнал «Женский вестник» писал: «в наших пансионах» слишком много времени отведено музыке и пению, тогда как «ранние занятия музыкой производят в женщине особенную нервную экзальтированность, а это очень нравится светским мужчинам». Вместо этого женщина «как сестра, жена и мать... должна изучать преимущественно естественные науки и практическую медицину, потому что эти знания более всего необходимы ей в семейном быту» [Мессарош, 1866, с. 81].

[7] Время. 1861. Т. V. С. 175–177.

Традиционно наиболее важными для девочек признавались гуманитарные предметы, но начиналась эпоха расцвета естественных наук, которые, по мнению радикально настроенной части общества, непременно должны были помочь в решении социальных проблем. Обращая внимание на этот казус, исследователи пишут о том, что когда французский естествоиспытатель «середины XIX в. резал лягушку, это означало желание сделать еще одно открытие... Когда лягушку режет Базаров, это (совершенно неожиданно для западного читателя, но вполне очевидно для русского) означает отрицание всего» [Лотман, Успенский, 1994, с. 337]. В мемуарах людей 60-х гг. XIX в. не раз встречаются упоминания о том, как «передовые люди» настойчиво ратовали за серьезное изучение женщинами естественных наук, что порой приводило к различным коллизиям, от смешных до трагических (девушки, уверовав в обязательность углубленного знания, к примеру, химии, физиологии или препарирования лягушек, приходили в отчаяние от тщетности своих усилий, а одну из них, по свидетельству современника, это довело до самоубийства).

* * *

Тем временем количество учебных женских заведений постоянно росло, учебная часть старых школ переживала серьезные преобразования, принимались новые программы: в 1866 г. в Российской империи насчитывалось, помимо недавно открытых 38 женских гимназий и 54 прогимназии, еще 11 епархиальных училищ «для девиц духовного звания», 31 Мариинский институт (включая сюда училища, получившие права институтов позже). В каждом из этих учебных заведений преподаватели стремились дать такую подготовку, которая могла бы помочь выпускницам найти себе работу: в некоторых уже существовали специальные педагогические классы, другие всеми способами стремились их открыть. Не миновало реформирование и частные пансионы. Но критически настроенные авторы не желали замечать улучшений в женском образовании.

Корреспондент «Русского слова» вопрошал: «Почему ни в одном заведении вы не встречаете такого образования, которое бы давало людям знания, могущие служить им впоследствии куском насущного хлеба?» [Зайцев, 1865, с. 21]. Этот фальшивый вопрос был задан, когда женщин, помимо привычной педагогической сферы, стали понемногу допускать и в другие, прежде для них наглухо закрытые, и полученное в гимназиях или институтах образование вполне позволяло им справляться с возложенными на них обязанностями. Например, в 1865 г. женщинам было дозволено поступить на службу в телеграфное ведомство. Открывшейся воз-

можностью сразу же воспользовались две девушки, обе — институтки. Это было лишь начало, скоро пришел черед и других ведомств, и с тех пор завоевание женщинами рабочих мест в различных отраслях шло быстрыми темпами. Владевшие иностранными языками, прекрасно знавшие свой родной язык, обладавшие хорошим почерком, дисциплинированные и аккуратные, институтки и гимназистки со временем составили серьезную конкуренцию мужчинам [Пономарёва, Хорошилова, 2009, с. 238]. В.А. Зайцев очевидно обращался не по адресу, поскольку проблема заработка «куска насущного хлеба» заключалась далеко не только в уровне образования женщин. Так, по свидетельству официального органа Министерства народного просвещения, лишь «ничтожный процент» (4,2%), обучавшихся в гимназиях мужчин оканчивал учебный курс[8], но это отнюдь не мешало им находить работу, обеспечивавшую не только их самих, но и их семьи.

«Толстые» журналы, разбранив женские средние учебные заведения, стали активно поддерживать идею высшего образования для женщин (хотя было вполне очевидно, что при недостаточном среднем образовании получить высшее затруднительно). Раньше других об этом заговорил «Современник», постоянный автор которого М.И. Михайлов уверял, что «от женщин, выслушавших университетский курс, можно и должно будет ждать коренного преобразования первоначального женского воспитания, которое готовит попугаев, кукол, что хотите, только не женщин» [Михайлов, 1861, с. 506]. К концу 60-х гг. об этом пишут все чаще. «Отечественные записки» зафиксировали особое «явление нашей общественной жизни, толки о котором уже около двух месяцев занимают мыслящую часть петербургской публики» — движение женщин за учреждение «женского университета»[9]. Начиналась борьба русских женщин за право на высшее образование, в результате которой начали возникать высшие женские курсы — сначала в столицах, затем и в губернских городах. (Так, в 1872 г. были открыты в Москве «высшие женские курсы В.И. Герье уже с университетским характером преподавания» [Песковский, 1882, с. 91].) Называя мысль о доступности высшего образования для женщин «счастливой»[10], редакция журнала вполне резонно отвечала на возражения против идеи высшего женского образования: «Есть самое прямое и простое решение всего этого вопроса — хотят русские женщины учиться в университетах, могут они учиться в них, могут выдер-

[8] ЖМНП. 1869. Ч. 143. Отд. I. С. 4.

[9] Отечественные записки. 1868. Т. 179. С. 188–190.

[10] Хроника общественной жизни // Вестник Европы. 1869. Февраль. С. 959, 961–962.

жать вступительный экзамен и потом выносить все условия университетского быта, — пусть учатся»[11].

Неизвестные авторы «Вестника Европы» забегали вперед, утверждая, что лишь университетский аттестат «может открыть женщинам значительный простор для самостоятельного труда». Воодушевление передовой идеей доводило корреспондентов журнала до подобных утверждений: «Вопрос о высшем образовании для девушек многочисленного среднего класса есть вопрос о хлебе, о самостоятельности»[12]. Подчеркнем, что речь шла не только о *праве* женщин на образование, но о и том, что лишь багаж университетских знаний обеспечит женщин работой. Насколько далека была эта тиражируемая уважаемым журналом энтимема от твердой почвы, помогут понять цифры: в России в конце 1860-х гг. один университетский студент приходился почти на 17 тыс. человек, одна ученица среднего учебного заведения — примерно на 3 тыс. жителей[13] [Шмид, б/г, с. 668]. Вопросы о том, как изыскивали себе возможность «самостоятельного труда» сотни тысяч работавших мужчин «среднего класса» без высшего образования, насколько был востребован университетский диплом, сколько женщин могло получить эту вожделенную возможность, могло ли полученное ими среднее образование подготовить их к прохождению университетского курса, и как зарабатывает огромное большинство остальных женщин, подготовка которых не позволяла им учиться в университете, оставались открытыми.

Заключение

Короткий отрезок истории — конец 1850-х — 1860-е гг. — вместил глобальные перемены во всех сферах жизни России, в том числе «оскудение» дворянства, разрушение патриархального уклада, кризис традиционной семьи. Все большее число женщин нуждалось в заработке и, соответственно, в более серьезной подготовке. Общество, казалось, осознавало необходимость реформирования женской школы. Но было ли оно готово к тому, что женщина, помимо «доброй жены и полезной матери семейства» отныне будет играть намного более активную роль, даже конкурировать с мужчиной в общественном производстве? Метаморфозы, которые претерпевавала женская судьба, воспринимались особенно болезненно: ведь именно незыблемое на протяжении веков положение

[11] Отечественные записки. 1869. Т. 183. С. 170.
[12] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Май. С. 390–391.
[13] Статистический временник Российском империи. 1879. Т. II. Ч. 16. С. 62.

женщины сообщало обществу устойчивость, в том числе и психологическую. Изменение места женщины в семье и обществе влекло за собой перемены, глубоко задевавшие каждого.

Периодическая печать, особенно журналы, имевшие серьезный авторитет, могли бы помочь обществу осмыслить самое себя. Однако, определяя характер дискуссий в печати о «женском вопросе» Ф.М. Достоевский пишет, что спорящие находятся «в страхе мучительном... в какой-то предсмертной тоске представляют себе ужасное торжество ненавистного для них противника» [Достоевский, 1862, с. 142]. В суждениях авторов «толстых» журналов о женском образовании сказывалась двойственность в отношении общества к переменам в женской судьбе. С одной стороны, всеми признавалась необходимость реформирования женского образования, с другой — содержательного разговора о том, каким именно оно должно было быть, не получалось. (Притом что все проблемы школы мужской, особенно гимназий и университетов, рассматривались на страницах тех же «толстых» журналов самым обстоятельным образом.) Быстрота происходивших перемен в эпоху Великих реформ, их катастрофичный темп (Н.А. Бердяев) затрудняли общественную рефлексию, и то новое, что лавиной обрушивалось на русское общество в ту эпоху, было чрезвычайно трудно осознать и тем более — принять.

Список литературы

Аров Н. Критика и библиография // Женский вестник. 1867. № 8.

Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. СПб., 1995.

Вахромеева О.Б. «Женский вопрос» на страницах либеральных и консервативных журналов 80-х гг. XIX в. // Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия 9. 2008. Вып. 4. Ч. II.

Головачев Г.Ф. О женских учебных заведениях // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 14–15.

Державин Г.Р. К матери, которая сама воспитывает детей своих // Державин Г.Р. Сочинения. Ч. III. СПб., 1808.

Добролюбов Н.А. Мысли об учреждении открытых женских школ (1858) // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.; Л., 1962.

Добролюбов Н.А. О значении авторитета в воспитании (1857) // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М.; Л., 1961.

Достоевский Ф.М. Фельетон // Время. 1862. Т. II.

Зайцев В. Домашняя летопись // Русское слово. 1865. № 7.

Коломийцева Е.Ю. Проблемы женского образования на страницах отечественных журналов второй половины XIX в. // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3(28).

Л.С. Основные вопросы воспитания по сочинениям Пирогова. СПб., 1899 (Не раз издававшаяся брошюра, по всей видимости, принадлежит

перу педагога и публициста А.Н. Острогорского, который неоднократно обращался к наследию Н.И. Пирогова и, по свидетельству авторитетного источника, использовал псевдоним «Л.С.» (см.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 95).

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. II. Язык и культура. М., 1994.

Марков Е.Л. Дикие элементы педагогии. Листки из вакационных заметок // Отечественные записки. 1865. Т. 160.

Мессарош Н. Мысли и заметки о современной подготовке женщины к жизни // Женский вестник. 1866. Т. 2.

Михайлов М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 3–4.

Михайлов М. И. Женщины в университете // Современник. 1861. Т. 86 (3–4).

Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей для распространение общеполезных знаний и всеобщего благополучия // Прибавление к «Московским ведомостям». 1783. № 2, 6, др.

Песковский М. Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет) // Наблюдатель. 1882. Апрель.

Песковский М.Л. К.Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность. СПб., 1893 (М.Л. Песковский — выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, литератор и педагог, публиковался в «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Русской школе» и др.).

Пирогов Н.И. Сочинения. Т. 1. Киев, 1910.

Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: Семья, Профессия, Домашний уклад. XVIII — начало XX в. М., 2009.

Последнее десятилетие в истории народного просвещения в России. М., 1876.

Семёнов Д.Д. Нуждаются ли наши женские гимназии в преобразовании и в каком именно // Вестник воспитания. 1892. № 3.

Тивченко Д.В. Тема женского образования в журнале братьев Достоевских «Время» // Вестник РГГУ. 2014. № 12.

Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.

Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1933.

Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.

Шелгунов Н.В. Женское безделье // Русское слово. 1865. № 7.

Шишкин Т. Несколько слов о необходимости юридических познаний для женщин // Рассвет. 1859. Т. 3.

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., б/г.

Юнге Е.Ф. Воспоминания. 1843–1860. М., 1914.

Поступила в редакцию
23.12.2014

Е.В. Сартаков, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: esartak@mail.ru

ПУБЛИЦИСТИКА М.П. ПОГОДИНА ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются оценки Крымской войны, данные видным историком и консервативным публицистом XIX в. М.П. Погодиным: изучены распространяемые в списках «Историко-политические письма» Погодина, которые он активно писал в 1854–1855 гг., однако смог издать только незадолго до смерти в 1874 г. Многое в оценках Погодиным состояния России, стратегий ее внешней и внутренней политики не утратило актуальности до сих пор.

Ключевые слова: *Погодин, Крымская война, «Историко-политические письма».*

The article analyzes assessments about the Crimean war given by the prominent historian and the conservative publicist of the XIX century Mikhail Pogodin: distributed in lists such as Pogodin's "Historical and Political Letters" for which he had been actively working in 1854–1855, but, however could publish only shortly before death in 1874. Many Pogodin's assessments about the condition of Russia, strategies of its foreign and domestic policy are still relevant.

Key words: *Pogodin, Crimean war, "Historical and political letters".*

Крымская война и ее место в русской общественной мысли XIX века

В истории России Крымская война[1] (1853–1856) сыграла исключительную роль, обнаружив серьезное отставание страны в техническом отношении от ведущих европейских держав. Она стала причиной многих изменений в социально-экономической жизни

[1] Историки называют эту войну «Крымской» или «Восточной». Ни то ни другое название, конечно, нельзя признать удовлетворительным. «Восточной» ее стали именовать сначала на Западе, а позже это название пришло в отечественную историографию. Тем не менее для России (в отличие от Европы) места, где проходили военные сражения в этот период, нельзя считать востоком: Балтийское море и Дунай — запад, Крым — юг, Белое море — север. Поэтому для России название «Восточная война» явно некорректное. Вместе с тем и «Крымской» ее будет называть неточно, потому что боевые действия проходили не только на Таврическом полуострове, хотя, конечно, наиболее значительные военные события (как, например, героическая оборона Севастополя 1854–1855 гг.) проходили именно в Крыму.

Российского государства. Такое значение этой войны обуславливает непрекращающийся интерес к ней со стороны историков[2].

Россия, преданная Австрией, которая формально сохраняла нейтралитет, а на деле поддерживала турок, выступала в этой войне без каких-либо союзников против коалиции трех империй (Османской, Британской и Французской). Государство Николая I оказалось «колоссом на глиняных ногах», и война была проиграна. «У нас известие о заключении мира, хотя и было обычным порядком возвещено городу пушечными выстрелами с Петропавловской крепости <...>, не могло, конечно, считаться событием радостным <...>, — вспоминал позже Д. А. Милютин. — Бедствиям войны положен был конец, — но мир куплен дорогой ценой. Русское национальное чувство было оскорблено» [цит. по: Тарле, 1959, т. 9, с. 551]. Все русское общество с жаром стало критиковать внешнюю политику покойного Николая I, бюрократизм и отсутствие гласности, которые в поздний период правления императора приобрели невероятные размеры, цензурный террор, сопровождавший период «мрачного семилетия», и т.д.

Многие мыслящие люди этого периода сознавали, что главным препятствием к экономическому развитию государства стало крепостное право. Одним из наиболее радикальных критиков данного института в жизни русского общества стал консервативный публицист М.П. Погодин, критиковавший власть и до смерти Николая I.

Крымская война заняла значительное место среди многочисленных публицистических работ Погодина. Писать о ней он стал буквально с первых дней военных действий в 1853 г. Удивительно, но этот ценнейший материал до сих пор не привлекал внимание историков журналистики, которые упорно продолжают «не видеть» талантливых консервативных публицистов и их изданий, концентрируя внимание на либеральных и радикальных органах печати. Восполнить этот проблем постарались историки: тема «Погодин о Крымской войне» в большей или меньшей степени освещается в несколько тенденциозной книге Н.И. Павленко, в монографии А.А. Ширинянца, в диссертации А.И. Шепарневой и некоторых других [Павленко, 2003, с. 212–245; Шепарнева, 1995, с. 14–69; Ширинянц, 2008]. Тем не менее комплексного освещения эта тема пока не получила.

---

[2] Обобщающим трудом в дореволюционной историографии можно признать книгу: [Зайончковский, 1908–1913]. В советской историографии самый значительный труд, богатый эмпирическим материалом: [Тарле, 1959]. Из современных работ см.: [Багдасарян, 2007; Шевченко, 2007; Кузнецова, 2009].

«К графине Б…ой, о начавшейся войне»

Хотя в период Крымской войны Погодин издавал и редактировал журнал «Москвитянин» (к началу осени 1853 г. представители «молодой редакции» издание окончательно покинули), однако цензура не позволяла публицисту писать о многих проблемах, которые волновали общество. Именно поэтому широкое хождение получили распространяемые в списках политические письма Погодина, над которыми он активно работал в 1854–1855 гг., однако смог издать только незадолго до смерти в 1874 г. («Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны (1853–1856)»).

История возникновения этих писем такова. Первое письмо было написано 7 декабря 1853 г. после возвращения Погодина из Европы. В конце ноября А.Д. Блудова, дочь государственного и литературного деятеля Д.Н. Блудова, обратилась к Погодину с просьбой описать, «какие доходили до вас интриги иностранные против нас в тех краях» [Барсуков, 1898, кн. 12, с. 524]. После некоторого сомнения в необходимости такой записки Погодин приступил к сочинению, и уже в начале декабря оно было закончено. В ответном письме Блудова сообщила, что записка пришлась по душе ее отцу Дмитрию Николаевичу, от него попала к великой княгине Елене Павловне и, может быть, дойдет до наследника. Уже 25 декабря 1853 г. Блудова, поздравляя Погодина с Рождеством, не без удовольствия отметила, что записка попала к Николаю I: «<...> Ваша записка была у государя и от него пришла со многими отметками по краям, его рукою. Разумеется, что в этих отметках, я не знаю и не буду знать» [там же, с. 525][3].

Параллельно с этим записка начала распространяться по Петербургу в списках и везде вызывала восторг. Так, историк М.А. Коркунов сообщал Погодину из Северной столицы: «Ваше письмо о делах политических ходит у нас по рукам и читается с жадностию» [там же, с. 530]. Постепенно письмо проникло и в провинцию — об этом писал Погодину М.А. Максимович из Полтавской губернии [там же с. 531], а С.П. Шевырёв поздравлял Погодина с «народной» славой: «<...> письмо твое переписывают <...> в Рязани. Поздравляю тебя с народною известностию» [там же, с. 532].

[3] В отличие от А.Д. Блудовой сегодня мы можем узнать, что было в отметках Николая I. Письмо Погодина с маргиналиями императора, хранящееся в Архиве Министерства иностранных дел (докл. 1853 г.), было опубликовано Б.Н. Тарасовым: Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков) / Вступ. статья, сост. и примеч. Б.Н. Тарасова. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic7.htm#2

Что же так восхитило читателей погодинского письма? Почему без преувеличения все — от царя до простого лавочника — поддержали Погодина в его стремлении высказать «русский взгляд» на Крымскую войну?

Свое письмо Погодин начинает с причин, которые побудили его к написанию: «Признаюсь, у меня самого давно уж порывалася рука, <...> при чтении иностранных газет»[4]. Примечательно, что о лжи, распространяемой «иностранными газетами», писал Погодин в этот период и в «Москвитянине»: «XIX век со своей цивилизацией, с своей гуманностью, с своими амбициозными идеями, с своими филантропическими взглядами на пролетариев, на негров, даже на преступников — казалось, хотел быть поборником правды. И вдруг, сами же проповедники всех этих новейших идей, сами же глашатае правды, стали бросать в нее <...> широкими и длинными столбцами своих журналов»[5].

И действительно, даже при беглом просмотре подшивок английской газеты «Таймс» (“Times”)[6] за первые три месяца войны (октябрь–декабрь 1853 г.) обращает на себя внимание пристальный интерес газеты к России, ей посвящен 471 материал[7], многие из которых откровенно ложные. Например, среди постоянных повторений в газете о «неумолимой жестокости русских»[8], их «агрессивном желании превратить Черное море в Русское озеро»[9], обращает на себя внимание материал о Синопском сражении, которое произошло 17 (30) ноября 1853 г. и стало триумфом русского флота и прежде всего П.С. Нахимова. 15 декабря 1853 г. “Times” сообщила об «ужасной резне», которую устроили русские, и о том, как русские моряки достреливали уже сдавшихся турецких матросов, хотя их было легко живыми взять в плен: «Шесть [русских] линейных кораблей направили свой огонь <...> и таким образом убили этих несчастных турок, которых было бы легко принять в качестве военнопленных. Русские должны быть осуждены за этот акт особого злодеяния, и победа, которой они могли бы похвастаться,

[4] *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 70. В дальнейшем политические письма Погодина цитируем по этому изданию с указанием страницы в скобках после цитаты.

[5] Москвитянин. 1854. № 12. Разные известия заграничные. С. 199.

[6] Для анализа мы выбрали именно британскую “Times”, потому что эта газета может быть рассмотрена в качестве «рупора внешней политики Лондона и инструмента международной дипломатии» [Беглов, 2002, с. 42].

[7] Турции — 426, Франции — 672.

[8] Times. 1853. 13 Dec. P. 6.

[9] Ibid.

должна покрыть их позором»[10]. Публикация с явными следами диффамации не подтверждается ни одним известным нам источником, однако прекрасно отвечает тактике манипулирования общественным сознанием и создания образа «врага». Не случайно именно Синопское сражение стало формальной причиной вступления в Крымскую войну Англии и Франции. При этом показательно, что когда из Лондона в Петербург был направлен ультиматум, то русский император узнал о его содержании из экземпляра “Times”, достигшего царя быстрее, чем дипломатический курьер [History, 1939, p. 116].

Необходимо отметить, что Погодин был не единственным, кто обвинял западные газеты и журналы в искажении событий. Например, Ф.И. Тютчев писал жене из Санкт-Петербурга 20 июня 1855 г., сообщая о неудачном англо-французском штурме Севастополя и пересылая номера «Аугсбургской газеты»: «Посылаю тебе сегодня еще три номера. Последний из этих номеров содержит первое телеграфическое известие об их поражении 6/18 сего месяца под Севастополем. Испытываешь истинное наслаждение, читая в их подлых газетах подробности этого разгрома, которые против их воли пробиваются наружу, сквозь все недоговаривание и вранье»[11].

«Русофобия» (термин, по-видимому, и принадлежит Тютчеву) европейских газет и журналов возмущала Погодина не меньше, чем его друга Тютчева. По определению Тютчева, русофобия — это «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe (благоговейного страха. — *Е.С.*), которое испытывают только по отношению к Власти»[12]. Подобная русофобия происходит от слепой ненависти и злобы к России, по мысли Погодина, «злобы безотчетной», иррациональной, объяснить которую невозможно: «Действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро и как будто слышит себе грозу с Востока» (с. 75)[13].

В записке Погодин возмущен той политикой двойных стандартов (говоря современным языком), которая сложилась в Европе по отношению к России: «Франция отнимает у Турции Алжир[14];

---

[10] Ibid. 15 Dec. P. 6.

[11] *Тютчев Ф.И.* Соч.: В 2 т. Т. 2: Письма. М., 1980. С. 170–171.

[12] *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007. С. 90.

[13] Подробнее о перекличках между публицистикой Тютчева и Погодина см.: *Погодин М.П.* Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев; подготовка текстов А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко. М., 2010. С. 35–36. См. также интересную антологию, подготовленную на факультете политология Московского университета: [Русский вопрос, 2013].

[14] С 1834 г. Алжир официально стал колонией Франции.

Англия присоединяет к своей Остиндской монархии всякий год почти по новому царству[15]: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию[16], на время, <...> и все государства расшатались». Получается, что «Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом» (с. 71).

Еще одна претензия Погодина к европейцам — их «отступничество» в вопросах веры, ведь «по какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея становятся под ненавистным некогда знаменем Луны <...>?» (с. 72). В этом контексте становится понятным сравнение Европы с Иудой и «его лобзаниями» (Мар. 14: 44–46), которое проводит Погодин.

Эта претензия Погодина представляется несколько надуманной, хотя и легко объяснимой. Дело в том, что формальным началом войны стало якобы «невнимание» султана к своим православным подданным и передача в январе 1853 г. многих христианских святынь (прежде всего Храма Рождества Христова в Вифлееме) в ведение католической церкви: «Раздражение среди православного духовенства и православных паломников было очень большое, а французское посольство, консулы <...> сделали все от них зависящее, чтобы придать этому событию характер полного торжества Франции над Россией» [Тарле, 1959, т. 8, с. 151]. На самом деле, конечно, Николай I лишь искал достойный предлог, некое приличествующее идеологическое основание, которое смогло бы оправдать начало войны. Не в меньшей степени (если не в большей) это относится и к Франции и Англии, которые, лицемерно прикрываясь желанием защитить Турцию, в действительности преследовали свои интересы. Совершенно прав Е.В. Тарле: «Обе западные державы (Франция и Англия. — *Е.С.*) имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю <...>» [там же, с. 12].

Вместе с тем следующее замечание в письме Погодина выглядит вполне здраво: «И что сделала им (Франции и Англии. — *Е.С.*) Россия? Не говоря о 1812 годе, годе спасения, от которого вся настоящая Европа ведет свое происхождение, в 1848 году, кто оста-

[15] Ост-Индская английская компания (1600 — 1858 гг.) к этому времени захватила почти весь Индостан. Последнее независимое государство — государство сикхов в Пенджабе — было аннексировано ею в 1849 г.

[16] В ответ на отказ Османской империи удовлетворить требования России о признании прав православной Церкви в Турции, русские войска заняли принадлежащие османам Дунайские княжества — Молдавию и Валахию — в «залог», до тех пор пока Турция не удовлетворит требования России.

навливал волны революционного потока, грозившие поглотить все <...>?» (с. 72). Отметим, что эти слова были в экземпляре письма, принадлежащем Николаю I, подчеркнуты[17]. Действительно, новая европейская политическая система была установлена после падения Наполеоновской империи (1813–1814 гг.). 1848 год упомянут Погодиным как год европейских революций, а «волны революционного потока» были остановлены русскими войсками в Венгрии во время интервенции 140-тысячной армии Паскевича в мае–августе 1849 г.

Получается, по Погодину, современная Европа в ее политических границах во многом была создана Россией после 1812 г. В чем же причина русофобских настроений в Европе? Ответ публициста довольно оригинален: «Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях, и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции, разве в отношении к своим непосредственным выгодам» (с. 73–74).

Европу газетно-журнальную, с точки зрения Погодина, можно разделить на три категории. Первые ненавидят Россию, потому что «не имеют об ней ни малейшего понятия <...>» (с. 74). Причем вина в том, что все российские «учреждения считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною», лежит прежде всего на самой России: «Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях» (с. 74).

Вторые ненавидят Россию, потому что считают ее «главным препятствием общему прогрессу». «Общий прогресс» понимается Погодиным в первую очередь в политическом смысле, потому что Россия якобы тормозит развитие демократии и конституционализма в Европе: европейцы этого типа уверены, что «без России конституционные попытки, в Германии и повсюду, удались бы гораздо полнее <...>». Бороться с такими мнениями необходимо тем же способом, что и с мнениями первой группы: «<...> следует вразумлять, что нам до нее (Европы. — *Е.С.*) дела нет, хоть на голове ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия» (с. 74).

Наконец, к третьей категории принадлежат радикально настроенные европейцы («различные выходцы, изгнанники, политические бобыли и пролетарии, которым терять нечего» (с. 74)), которые «желают войны как бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления

[17] Николай I и его время...

их замыслов, частных и общих» (с. 75). По Погодину, любое объяснение с этой группой бесполезно: «Она поймет только грозу и силу».

Таким образом, за исключением третьей группы, с представителями которой в силу их маргинальности общение невозможно, с первыми двумя необходимо наладить диалог, объяснять им цели этой войны, пропагандировать «русскую точку зрения» на Восточный вопрос. Получается, что, пусть и в косвенной форме, Погодин упрекал Николая I в недостаточном внимании к общественному мнению, указывал на необходимость использования журналистику в качестве инструмента внешней политики. Тем самым публицист призывал отказаться от политики «цензурного террора», характерной для позднего этапа правления Николая I (или как минимум смягчить ее). «Вред, от нашего пренебрежения общим мнением», состоит в том, что европейцы еще более убеждаются в своих «нелепых мнениях», «они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными и истинным». (с. 74). Вывод Погодина однозначен: «Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, *но и казаться* (курсив наш. — *Е.С.*) правыми». Последнее замечание публициста вызвало возражение императора, который на полях отметил: «Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»[18]. Нелюбовь Николая I к «журнальным перебранкам» была известна, и Погодину не удалось переубедить государя использовать идеологическую составляющую русской журналистики в «информационной войне».

В условиях международной изоляции (говоря современным языком), кто может стать союзником России? С точки зрения Погодина, «союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — Славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере» (с. 78). Погодин уверен, что их количество (десять миллионов в Турции и еще двадцать миллионов в Австрии), «значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы» (с. 78). Николай I, как известно, относился к «славянскому вопросу» с большим подозрением [Гросул, 2000, с. 124–127], поэтому это место письма Погодина его не убедило: «Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в 1/10 долю, и этого довольно»[19], — отмечено в его экземпляре письма Погодина.

[18] Там же.
[19] Там же.

Заканчивает Погодин свое сочинение призывом к государю: необходимо обратиться ко всем подданным с призывом защитить православную веру от турок. И сделать это надо непременно в Москве (городе-оплоте русского православия) и обязательно используя личный пример: «Приезжай-ка государь в Москву, на весну, отслужи молебен Иверской Божией Матери, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия, да кликни клич: Православные! за гроб Христов, за Святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях, — вся земля встанет» (с. 78). Таким образом, Погодин осознавал не только важность журналистики, но и устной пропаганды как приема ведения войны.

«Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны»

Окрыленный успехом первого письма, Погодин уже в начале 1854 г. создает второе — «Взгляд на Русскую политику в нынешнем столетии», а за ним еще тринадцать писем, в которых он разбирал внешнюю политику России, проблемы ее внутреннего состояния, а также причины неудачи государства в исторической перспективе. И если в оценках внешней политики Погодин нередко ошибался (так, он считал недолговечным объединение Германии вокруг Пруссии, сомневался в прочности объединения Италии или дал неверный прогноз создания федерации в Испании [Павленко, 2003, с. 214]), то его критика внутреннего состояния России очень разумна, последовательна, беспощадна и, что не менее важно, адресна. Ведь Погодин писал свои политические письма, исходя из убеждения, что их читает Николай I. Например, в дневнике Погодина по этому поводу 15 мая 1854 г. отмечено: «Письма мои представляются министром внутренних дел царю и переписываются в тысячи экземплярах [так!]» [Барсуков, 1899, кн. 13, с. 92]. А на следующий день там же читаем: «Думал об обер-прокурорстве Святейшего Синода. А третьего дня я видел во сне орла, летящего около дому» [там же].

Как известно, обер-прокурором Погодин не стал. Публицист в дневнике недоумевал, почему многие приближенные царя молчат, не изображая перед ним объективной картины того плачевого состояния, в котором пребывала Россия: «...сановники наши молчат, все те, которые имели бы не только право, но даже обязанность говорить, и Орлов, и Киселев, и Воронцов, и Ермолов, и Блудов, и Филарет. Чего боятся они, имея по семидесяти-восьмидесяти лет и занося уже ногу в могилу, — это знают они» [там же, с. 94].

Состоянию современной ему России Погодин посвятил отдельное письмо, написанное в октябре 1854 г., — «О влиянии внешней политики на внутреннюю».

В этом письме нарисована безрадостная картина положения современной Погодину России. Прежде всего, его, как бывшего преподавателя, волнует сокращение числа студентов при приеме в университет: «Число студентов в университетах ограничено тремястами — громовой удар для русского просвещения» (с. 255). Речь идет о Высочайшем указе 11 мая 1849 г., по которому число студентов и вольных слушателей не должно было в университетах превышать трехсот [Шевырёв, 1998, с. 501; об этом же см.: Ратников, 2014, с. 70–85].

Кроме сокращения числа студентов произошло «обложение учащихся податьми в гимназиях и университетах» (с. 256), что затруднило возможность получения образования бедными (по замечанию Погодина, бедные — «всегда лучшие ученики»). Причем следствием всего этого стало падение качества образования: «...внешнее наблюдение вверялось без разбору людям, пожалуй, нравственным или благонамеренным, но не просвещенным в надлежащей степени и не имевшим понятия, что такое народ, государство, наука, учение» (с. 257). Таким образом, картина в университете видится Погодину довольно печальная: «Беспечность, леность и посредственность ободрились, а невежество с гордостию подняло голову, ученье упало, и начали выходить из всех наших учебных заведений люди, не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемеры» (с. 256–257).

Второй момент, который волнует Погодина в современной ему России, — это усиление цензурного гнета: «Литература <...> подверглась такому же гонению» (с. 257). Любые намеки на критику власти были запрещены, и «самая публика пропиталась цензурным духом, <...> так что порядочные люди (писатели. — *Е.С.*) решились молчать и на поприще словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать» (с. 258).

Наконец, как черту современности выделяет Погодин и действия III Отделения, сравнивая их с инквизицией времен испанского короля Филиппа II. По мысли публициста, сама идея тайной полиции унижает граждан: «...вредна и пагубна идея ее существования, удушлив страх, хоть и не основательный, но ею внушаемый» (с. 259).

Все это создает образ «гниющей» России, которая по официальным отчетам предстает идеальным государством с «благословенной тишиной», но тишина эта мнима: «Невежи славят ее тишину, но эта тишина — кладбища гниющего и смердящего, физически и нравственно» (с. 259). Эта картина дополняется у Погодина сообщением о всесторонней коррупции и взяточничестве: «...взяточничество под всеми его видами, проникнувшее до самого прес-

ла» (с. 261), — и информацией о том, что замалчиванием этих фактов власть только ожесточает подданных: «Власть нужна и священна, но злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях» (с. 259).

Из сложившейся ситуации, по Погодину, выход только один — немедленное и всестороннее введение в стране *гласности*. Она необходима, чтобы те язвы, которые поразили русскую жизнь, стали очевидны властям предержащим: «Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство, <...> посредством гласности возродится и утвердится общественное мнение» (с. 268).

С точки зрения Погодина, необходим еще целый ряд мер по стабилизации ситуации в России. Во-первых, необходимо увеличить жалованье низшим чиновникам, «из которых большая часть <...> с голода должна прибегать ко взяткам и другим беззаконным средствам, входящим в привычку и исказившим совершенно нравственность среднего чиновного сословия» (с. 246). Во-вторых, в России необходимо активно развивать железнодорожный транспорт. Особенно остро этот вопрос встал, конечно, во время Крымской кампании: «Если б у нас были железные дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва ли бы и началась в таком виде» (с. 247). В-третьих, правительству нужно обратить внимание «на улучшение состояния духовного сословия», которое погрязло в невежестве, косности и пороках: «Коснея <...> в невежестве, или в оковах схоластического учения, привыкая с малых лет, под гнетом нужды и даже нищеты, к жадности <...>, духовенство не столько распространяет образование и нравственность, сколько способствует невежеству и расколам» (с. 248)[20]. Наконец, четвертым обязательным условием «благоденствия» России Погодин считал распространение в стране грамотности и всеобщего образования: «<...> распространение в народе образования, которое никогда не отказывалось столь нужным <...>, как теперь» (с. 248). В другом месте статьи сказано: «Образование основательное, пространное, прикладное, деловое, <...> без всяких исключений, ограничений, стеснений по знаниям».

[20] Смелость позиции Погодина по проблемам русского духовенства, как нам кажется, подтверждается тем, что даже в 1899 г., когда Н.П. Барсуков перепечатал в своем сочинении «Жизнь и труды М.П. Погодина» этот фрагмент статьи, он тут же открестился от погодинской оценки духовенства: «Не считая себя вправе утаивать этого взгляда Погодина на русское духовенство, мы долгом считаем заметить, что взгляд этот отличается тою же односторонностью, как и взгляды, встречающиеся в нашей литературе и о русском дворянстве» [Барсуков, кн. 13, с. 159].

Эти вещи настолько необходимы, по Погодину, что равнодушие, которое правительство до нынешнего времени проявляло к данным проблемам, неизбежно выльется в новое народное восстание — по типу пугачевского: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев» (с. 262). То есть это должна быть именно революция снизу, идущая от крестьянства, когда в полной мере правительство увидит «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (с. 263).

Причем грозным предзнаменованием грядущих революционных потрясений становится ежегодное убийство крепостными «до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных» (с. 263). Важно, что Погодин даже несколько оправдывает такую жестокость крестьян: «...несчастные крестьяне, которые, *выведенные из терпения* (курсив наш. — *Е.С.*), берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи?» (с. 263).

Погодин, сам бывший крепостной, считал, что революции можно избежать, применив целый ряд мер, первая и главная из которых — отмена в России крепостного права («наша внутренняя язва»). Кроме того, необходимо отделение Польши: « <...> оставить Польшу в настоящем положении невозможно, недолжно, невыгодно, опасно» (с. 266)[21].

Конечно, Погодин понимал, что новая записка и по тону, и по содержанию сильно отличается от предыдущих, но тем более знаменательно, что он решил отправить ее царю. Для этого он в январе 1855 г. обратился к графу В.Ф. Адлербергу со следующим письмом: «Имею честь представить теперь новую (записку. — *Е.С.*) и, признаюсь, гораздо с большим смущением и страхом, чем прежние. Поступите с нею как заблагорассудите: сочтете полезною — дайте ход, в противном случае — уничтожьте» [Барсуков, 1899, кн. 13, с. 170]. А через некоторое время Погодин получил письмо от графини Блудовой, которая когда-то стала инициатором создания этих записок, с критикой позиции Погодина («Эта статья мне не по сердцу») и указанием, что было принято решение (кем — не уточнено) записку царю не показывать [там же, с. 171]. Если учесть, что в середине февраля 1855 г. Николай I скончался, едва ли государь видел письмо Погодина. Остается открытым вопрос,

[21] Отметим, что взгляд Погодина на положение Польши на протяжении его долгой жизни претерпел значительные изменения. Подробнее об этом см: [Ширинянц, 2008, с. 137–200].

дошло ли оно до Александра II. На этот счет никаких сведений нам найти не удалось.

Итак, наш анализ показал, что консерватор Погодин был во многом настроен критически по отношению к политике Николая I. Не отрицая необходимости самого самодержавия (в абсолютной его форме), Погодин открыто критиковал политику императора и в жанре «письма к царю» выражал свое недовольство политикой правительства и предлагал необходимые меры по ее исправлению. Не случайно авторитетный советский историк Ш.М. Левин в набросках к так и не осуществленной «Истории русской общественной мысли XIX века» называл Погодина представителем «либерально-консервативного» течения[22]. Как нам представляется, дело не в «либерализме» консерватора Погодина, а в том, что русский консерватизм нередко представлял собой *правую оппозицию* власти [Гросул, 2000, с. 25–29 и др.; Пайпс, 2008, с. 12–13].

Это еще раз доказывает весьма продуктивную, с нашей точки зрения, мысль В.Н. Шульгина о существовании *двух направлений* в русском консерватизме: казенном (который поддерживали многие государственные чиновники, так как это направление культивировалось властью) и творческом (который многие философы и публицисты исповедовали по велению сердца) [Шульгин, 2005, с. 12–25]. В этом контексте совершенно прав А.А. Ширинянц: «...по здравому размышлению, официальность теории “официальной народности”, по крайней мере, в ее погодинской интерпретации, вызывает большие сомнения» [Ширинянц, 2008, с. 45].

За рамками данной статьи осталась очень интересная тема сравнения политических писем Погодина с многочисленными сочинениями представителей либерального течения: К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, Д.А. Милютиным и др. Отдельного внимания, конечно, заслуживает сравнение позиции Погодина и Герцена с его «Вольной русской типографией»[23]. Вместе с тем дальнейшее изучение политической публицистики Погодина, представляется, даст более точный ответ и на многие вопросы современного положения России в мире, объяснит причины ее успехов и неудач на международной арене, а также расширит наше представление об истории консервативной журналистики.

---

[22] «История русской общественной мысли XIX века». Предварительный план второго тома издания // НИОР РГБ. Ф. 681. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 9.

[23] Некоторые замечания на этот счет см.: [Павленко, 2003, с. 225–227]; [Кузнецова, 1988, с. 78–90]; *Кременская И.К.* Рукописная публицистика и А.И. Герцен // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1232

Список литературы

Багдасарян В.Э. Крымская война как война цивилизаций: историографические стереотипы и современные параллели // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2007. № 1. С. 81–89.

Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Кн. 12, 13. М., 1898, 1899.

Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет. М., 2002.

Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: В 2 т. СПб., 1908–1913.

Кузнецова Г.А. Вопросы войны и мира, международных отношений на страницах «Колокола» в освещении А.И. Герцена // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 78–90.

Кузнецова И.В. Крымская война и проблема внутриполитических реформ в России в представлении петербургских западников // История и культура. 2009. № 7. С. 174–180.

Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008.

Ратников К.В. Университетский вопрос в России в общественно-политическом контексте конца 1840-х годов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 4. С. 70–85.

Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013.

Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8, 9.

Шевченко М.М. Крымская война в восприятии современников и в действительности // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 140–145.

Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998.

Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853 — 1856): Дисс. ... канд. истор. наук. Орел, 1995. С. 14–69.

Ширинянц А.А. Русский хранитель: Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.

Шульгин В.Н. Типология и периодизация русского дореволюционного консерватизма // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2005. С. 12–25.

History of the Times. 1841–1884. L., 1939.

Поступила в редакцию
11.02.2015

И.О. Капустина, аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: irinakapustina1@yandex.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО С ЖУРНАЛОМ В. В. КАШПИРЕВА «ЗАРЯ»

В статье рассматривается история взаимоотношений Ф.М. Достоевского с учено-литературным и политическим журналом В.В. Кашпирева «Заря». Достоевский возлагал на новый славянофильский журнал большие надежды и в 1870 впервые опубликовал в нем свое произведение «Вечный муж».

Ключевые слова: *Достоевский, Кашпирев, «Заря», «Вечный муж», славянофилы.*

This article examines the history of Dostoevsky relations with scientific-literary and political Kashpirev's magazine «Zarya». Dostoevsky anchored his high hopes on new slavophile magazine and published there in 1870 his story «The Eternal Husband».

Key words: *Dostoevsky, Kashpirev, «Zarya», «The Eternal Husband», slavophiles.*

Введение

60-х гг. XIX в. — важное и непростое время в истории России: рушились устои крепостничества, на смену ему шел капитализм. Кризис проявлялся во всех областях общественной жизни. В это время продолжают развиваться общественно-политические и литературные ежемесячные журналы, рассчитанные на мыслящих читателей.

В январе 1869 г. в Санкт-Петербурге выходит первый номер учено-политического и литературного журнала «Заря». Издатель В.В. Кашпирев был помещиком и заложил свое имение ради журнала — ему непременно хотелось подарить России настоящий русский ежемесячник, которого, по его мнению, до тех пор не было[1]. Ф.М. Достоевский, на тот момент, не имевший собственного издания, с радостью воспринял выход в свет журнала такого направления. «Для меня "Заря" — явление отрадное и необходимое», — пишет Достоевский Страхову[2]. В нем зарождается надежда, что «Заря» сможет стать преемницей «Времени» и «Эпохи». После ознакомления с первыми двумя номерами журнала Достоевский отмечает, что в журнале есть мысль, и именно «та самая, которая теперь

[1] *Плеханов С.Н.* Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 240.
[2] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988–1996. Т. 15. С. 400–401.

необходима, которая неминуема... Когда же именно это растолкуете окончательно, тогда все пойдут за вами»[3]. «Заря» получает высокую оценку писателя. Достоевский уверен, что у журнала есть будущее: «...прием его великолепен, он обнажает мысль, не закрывается, отвергает средину, начинает с верхушки»[4].

Достоевский особенно хвалит журнал за критику. По его мнению, «Заря» — это единственное издание в России, которое обладает правильным критическим направлением. В этом, безусловно, огромная заслуга Страхова. «Число подписчиков через 2–3 года покажет и влияние ее в публике», — пишет Достоевский[5]. Достоевский отмечает, что с таким направлением, как у «Зари», журналу есть на что надеяться. «Будущность несомненно его возвысит, и даже близкая. Будущность принадлежит этому направлению, а нигилисты исчезнут яко прах. Дело, стало быть, в исполнении задачи», — уверен писатель[6].

Содержание журнала «Заря»

Журнал «Заря» издавался ежемесячно в Санкт-Петербурге с января 1869 г. до марта 1872 г. Всего вышло 38 номеров. Подписная цена на год составляла: в Санкт-Петербурге — 15 руб. 50 копеек (с доставкой), а для остальных подписчиков на территории России с учетом стоимости пересылки — 16 руб. 50 коп. В журнале публиковали романы, рассказы, стихотворения, театральные заметки, рецензии, критику, текущую хронику, исторические и этнографические материалы, а также переводные романы зарубежных авторов. В число сотрудников издания входили более 30 писателей и публицистов. В «Заре» печатались В.И. Ламанский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.П. Погодин, В. Щебальский, А.Д. Градовский, Н.Н. Страхов, В. Богишич, Д.И. Иловайский, Ф.М. Достоевский, А.Ф. Писемский, В.В. Крестовский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А. Фет, Б.Н. Алмазов, Д.В. Аверкиев, Н.Д. Ахшарумов, В.Г. Авсеенко, Н. Боев, А.Ф. Гильфердинг, В.П. Клюшников, А. Кобякова, В.И. Кельсиев, К.Н. Леонтьев, О.Ф. Миллер, А.Н. Попов, А.И. Руновский, М.И. Семевский, Л.Н. Толстой, И.П. Хрущёв, А.Н. Чаев и другие.

С первого номера выпуска «Зари» журнал в виде серии статей поместил на своих страницах знаменитое произведение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (№ 1–6, 8–10), ставшее впослед-

[3] Там же. С. 400–401.
[4] Там же.
[5] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 402.
[6] Там же.

ствии одним из выдающихся произведений русской политической мысли девятнадцатого века. Книга, позже выпущенная отдельным изданием, стала наиболее значительным сочинением славянофилов[7].

Н.Я. Данилевский завершил работу над «Россией и Европой» еще в начале 1868 г. Однако при опубликовании произведения он столкнулся с большими трудностями. Как позднее вспоминал Страхов, который находился с автором в дружеских отношениях, было ясно, что Данилевского в журналах ждет отказ в публикации: «...Ни один из тогдашних журналов не согласился бы принять сочинения, писанного в таком духе, как "Россия и Европа"»[8]. Данилевскому помог счастливый случай, а именно то, что в свет начал выходить журнал «Заря». «Как раз в это время ревностный любитель литературы В.В. Кашпирев решил издавать новый ежемесячный журнал "Зарю" и звал меня в сотрудники. Николай Яковлевич очень радовался этому случаю; с первой же книжки "Зари" 1869 года стали появляться в ней последовательные главы "России и Европы", и в течение года вся книга была напечатана в журнале», — впоследствии рассказывал Страхов об истории публикации знаменитого произведения Данилевского[9].

Достоевский был впечатлен работой Данилевского и в письме к своей племяннице, С.А. Ивановой, от 8 (20) марта 1869 г. сообщал: «Данилевского статья "Европа и Россия"... это редкая вещь. Этот Данилевский был прежде социалист и фурьерист, замечательнейший человек и тогда еще, когда попался, двадцать лет тому назад, по нашему делу[10]; был удален и вот теперь воротился вполне русским и национальным человеком. До сих пор он ничего не писал. (Его статью я Вам особенно рекомендую.)»[11].

Еще одним сотрудником журнала, чьей судьбой и творчеством давно интересовался Достоевский, был В. Кельсиев, которого даже называли прототипом Шатова из «Бесов». «Кельсиев стал "невозвращенцем" в 1859 году. В Лондоне он сблизился с Герценом и Огарёвым, выпустил в эмиграции "Сборник правительственных сведений о раскольниках"» [Волгин, 2000, с. 138]. Но в 1867 г. Кельсиев приезжает на Скулянскую таможню и сдается властям. Император Александр II прощает его. «Об Кельсиеве с умилением прочел, — писал Достоевский А.Н. Майкову 9 октября 1867 г. из

---

[7] *Плеханов С.Н.* Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 232–233.

[8] *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом / Сост. А.В. Белова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 16.

[9] *Страхов Н.Н.* Предисловие. «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. Россия и Европа. 6-е изд. СПб.: Глаголъ С-Петербургского университета. 1995. С. 27–28.

[10] Дело Петрашевского.

[11] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.

Женевы. — Вот дорога, вот истина, вот дело! ... Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донес. Ей-богу, помяните мое слово» [там же].

В 3-м номере (1869 г.) «Зари» вышло произведение В. Кельсиева «Из рассказов об эмигрантах», которое представляет собой воспоминания автора о его жизни в Лондоне. В них Кельсиев делится с читателями историями двух эмигрантов, с которыми ему довелось столкнуться в Лондоне. Первый — совсем молоденький («лет не то девятнадцать, не то двадцать») воспитанник Константиновского военного училища Буровин. Как и многие его товарищи, юноша любил философствовать, многое отрицал и попался на политическом письме. Кельсиев, впрочем, с иронией отмечает, что письмо «не могло не быть пустяковым», но молодой Буровин придавал ему самое большое значение и решил срочно бежать. Кельсиев помог юноше устроиться и отвел его в редакцию «Колокола» Герцена. Но монотонная, скучная работа пришлась юноше не по душе: все у него валилось из рук и, наконец, он решил вернуться в Россию, поселиться среди раскольников и просветить их по части социалистических истин. Кельсиев пытался отговорить юношу от опасного предприятия, но тот был непреклонен. В итоге, история Буровина закончилась трагически: юноша погиб.

Другая история, на которой останавливается Кельсиев — знакомство с крепостным Артемьевым, являющимся приказчиком «какого-то села на Волге», успешным торговцем и очень начитанным человеком. На самом пике успеха Артемьева вдруг «попутал черт»: ему стала отвратительна зависимость от помещика, и он решил выкупиться. Но денег ему не хватало, Артемьев упорствовал и закончил банкротством. Эта история подорвала его веру в Россию, и он уехал в Лондон, чтобы там «пристать к пропагандистам» и освободить свою страну от «невежества и гнета».

Н.П. Огарёв был чрезвычайно заинтересован в нем, как в человеке, хорошо знакомом с условиями крепостного права и предложил напечатать его статьи в «Колоколе» и «Полярной звезде». Однако это не удалось по причине малого знакомства Артемьева с философскими и политическими вопросами. История Артемьева закончилась также печально, как и история первого героя: вернувшись в Москву, он умер на каторге.

В рассказе Кельсиев подробно описывает, в чем заключалась его работа. В Лондоне он целыми днями просиживал «за летописями, юридическими актами, сказаниями и изучал русскую историю по источникам». В них автор искал «разгадку раскола и краеугольные камни, на которых можно было бы сделать переворот в России».

Кроме этого, Кельсиев упоминает, что ездил в Москву для знакомства со старообрядцами и приобщения их к своему делу. Но политических деятелей из них не вышло, в Лондон автор вернулся с рухнувшими надеждами. Также Кельсиев пообщался с так называемыми «двоеверами» (секта полухристиан-полуязычников), их образ жизни и дикие обычаи он описал в рассказе «Святорусские двоеверы» (опубликован в «Заре» 1869 г. в №10).

Глубокое знание о жизни раскольников (людей, чьи «взгляды расходятся с православной церковью») дало возможность Кельсиеву выступить с критической статьей о раскольниках на страницах «Зари» (№ 6, 1869 г.).

Внимательно читая каждый выпуск журнала, Достоевский все его содержимое пропускал «через себя». Некоторые публикации «Зари» даже повлияли на будущее творчество писателя <...> Известно, что Достоевский возвращался в своих произведениях и публицистике к мечте о новом, будущем «золотом веке». «Золотой век еще весь впереди», — писал он в «Дневнике писателя», где доказывал, что будущий «золотой век» уже создается в настоящем, и он потенциально заложен в современных людях и их представлении о счастье [Фридлендер, 1964, с. 37].

«О зачем не все в счастье? Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать!..»[12] Эти слова вложены в черновиках к «Преступлению и наказанию» в уста Раскольникова. «А признание Раскольникова в совершенном преступлении мотивируется здесь стремлением героя романа снова получить право “желать счастья людям и мечтать о золотом веке” — право, которого он лишился, став “подлым убийцей”» [там же].

«Отказавшись от развертывания картины “золотого века” в “Преступлении и наказании”, Достоевский перенес ее в позднейшие произведения — “Исповедь Ставрогина”, “Подросток”, “Сон смешного человека”. Знаменательно, что внешним толчком, побудившим Достоевского вернуться к старому замыслу 60-х годов и вложить в уста Ставрогина описание “золотого века”, было, по-видимому, появление в момент работы Достоевского над “Бесами” в славянофильском журнале “Заря” (1870, № 1) резкой статьи Д. Анфовского (псевдоним, под которым скрывался бывший сотрудник “Времени” поэт и переводчик Ф.Н. Берг) “Скорое наступление золотого века”» [там же].

После выхода книги В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» Берг издевался в своей статье «(обратив-

[12] Из архива Ф.М. Достоевского. «Преступление и наказание». Неизданные материалы. Подготовил к печати И.И. Гливенко. ГИХЛ. М.; Л., 1931. С. 89.

шей на себя внимание Достоевского и несколько раз упоминаемой в черновых материалах к “Бесам”) над мечтой Флеровского и других, родственных ему мечтателей-социалистов о будущем “золотом веке”. Это вызвало у Достоевского желание изложить и защитить — в противовес Бергу — свой поэтический идеал “золотого века”» [там же].

Главный герой рассказа «Сон смешного человека» видит сон, в котором он попадает на другую планету. Ее обитатели не ведают несчастий и зла. «Столкнувшись со “смешным человеком” они навсегда теряют свою радостную и беспечную жизнь, хотя с другой стороны, сам “незваный гость” теперь всегда будет стремиться к идеалу»[13].

Фридлендер в своей работе «Реализм Достоевского» отмечает, что основная мысль «Сна смешного человека» напрямую связана «с убеждением Достоевского о “перерождении человеческого общества в совершеннейшее” как о конечной, определяющей исторической задаче его эпохи»[14].

В отличие от революционеров-современников, Достоевский утверждал, что человек должен измениться «не от внешних причин», а «не иначе как от перемены нравственной». «Золотой век», по мнению Достоевского, «не был одним лишь нравственным (или религиозным) идеалом. Свою утопию счастливого будущего человечества Достоевский <...> связывал не только с осуществлением определенных религиозных и нравственных, но и социально-экономических предпосылок. Важнейшей из них ...он считал наделение русского крестьянства землей»[15].

Одной из важных для Достоевского публикаций «Зари» стала статья «А.И. Герцен» М.П. Погодина. Она вышла в свет в 1870 г. в № 2 журнала и описывала непростые отношения Герцена и Погодина. Автор горько сожалел о том, что Герцен так и не успел вступить на славянофильский путь и отречься от западничества. Впоследствии Достоевский назвал эту статью «прекраснейшей и любопытнейшей»[16].

В первой же строчке статьи «А.И. Герцен» Погодин признается, что считал Герцена своим литературным врагом, который щедро осыпал насмешками автора и его единомышленников. И, тем не менее, Погодин верил, что он искренне любит Отечество и радеет о его благополучии. До самой смерти Герцена Погодин продолжает

---

[13] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. С. 137.

[14] Там же

[15] Там же. С. 137

[16] Там же. С. 8

надеяться, что его «литературный враг» признает свои заблуждения и вернется в Россию. Погодин видел в Герцене человека, который со своим опытом жизни за границей, должен был «представить на ладони всю эту Европейскую махину с ее устройством и махинацией», чтобы наши западники в ужасе отреклись от своих идей. «А несчастной молодой России скажите: учитесь, трудитесь, и выкиньте из головы вашей чужую, наносную дурь, со всеми ее мерзкими продуктами», — советует Погодин.

В «Отрывке из дорожных записок 1865 года» (также опубликованных в 1870 г. в № 2 «Зари») Погодин описывает свою первую за двадцать лет встречу с Герценом, которая произошла в Монтрё, на западе Швейцарии. Герцен чрезвычайно обрадовался старому знакомому и поблагодарил, что Погодин подошел к нему. В тот период Герцен подвергался сильным гонениям со стороны прессы.

Погодина возмущало, что Герцен не признавал хороших вещей, происходивших на Родине. Так, он приводил в пример отмену крепостного права и «самоотверженность» дворян (которые переносят «свою нужду терпеливо и спокойно»), укрепление войск, обновление духовенства, раздачу свободных голосов в Думах, в печати и земских собраниях. Автор признавал, что в России, безусловно, есть проблемы, но «где же их нет?».

Отметим, что Достоевский был солидарен с Погодиным и разделял его позицию. Так, он писал критику Н.Н. Страхову 23 апреля (5 мая) 1871 г.: «Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же (славянофильский) путь и невозможность из-за скверных свойств личности»[17].

В соответствии с традициями почвенничества «Заря» негативно относилась к насаждению западных взглядов в российском обществе. В частности, это коснулось актуального в то время в Европе женского вопроса. В № 2 (1870 г.) «Зари» Страхов публикует критический разбор сочинения Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины» (в другом переводе «О подчинении женщины»).

Критик определяет весь смысл книги Милля в следующих словах: «Никто в настоящее время не имеет права утверждать даже, что есть какая-нибудь разница между обоими полами, рассматриваемыми как разумные и нравственные существа». Милль утверждает, что все нравственные правила, которым учат девушек, сводятся к тому, что долг женщины — жить для других (мужа и детей). «Любовь, которую женщина питает к мужу и детям, ему кажется искусственною, нарочно развито сверх меры — как будто есть мера любви» — восклицает Страхов. Критик уверен, что подобные

[17] Там же. С. 486.

умозаключения не подходят для русского человека. «Нужно быть англичанином...очень любить власть и иметь в груди очень холодное сердце, для того чтобы рассуждать подобным образом, — заключает Страхов.

Милль считает, что, задавив женское сердце, мужчины задавили и женский ум. Именно поэтому мы не встретим женщин среди великих ученых, мыслителей и художников.

Как следствие всего обозначенного, женщины стали уступать мужчинам и в юридических правах. Так, Милль приходит к мысли о необходимости равных прав для обоих полов. В необходимости уравнения прав Страхов согласен с автором, но считает лишним и ненужным предыдущее рассуждение о женской природе. Страхов считает несправедливым то, что Милль пытается «подтянуть» женские способности к мужским (в науке или творчестве), для того чтобы доказать их равенство в правах. По мнению критика, в правах должны быть равны все, вне зависимости от их талантов и умственных способностей. В своей книге Милль выступает лишь против несправедливости английских законов, считает Страхов.

Будучи славянофилом, критик уверен, что женский вопрос никак не составляет потребностей русской жизни: его завезли с Запада и начинают обсуждать у нас навязанную проблему; поступая таким образом, западники считают, что привозят прогресс в необразованную Россию, а на самом деле вносят смуту.

В своей критической статье Страхов делает весьма спорное заявление о том, что английские женщины представляют собой тип очень высокий женской красоты и душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины, несмотря на их «лучшее юридическое положение». С этим категорически не соглашается Достоевский, внимательно читавший статью Страхова. Известно, что писатель высоко ценил нравственные качества русской женщины. В заметке «Один из облагодетельствованных современной женщиной» (Дневник писателя, 1876) он отвечает Страхову, что русская женщина не уступает англичанкам и представительницам других национальностей ни по нравственным, ни по физическим качествам. В подтверждение своей мысли он приводит примеры воплощения женского идеала в художественной литературе: Татьяна Ларина Пушкина, образы женщин у Льва Толстого, Тургенева...

Образы представительниц прекрасного пола в произведениях литературы, уверен автор, достоверны и правдивы: «если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности. Не стану тоже говорить, например, о декабристках, о тысяче других примеров, ставших из-

вестными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах незримых, никому не видимых подвигах их, и иногда в какой обстановке, в каких темных, ужасных углах и трущобах, среди каких пороков и ужасов!»[18]

Достоевский уверен, что писать так о соотечественницах может лишь человек холостой и не узнавший положительных качеств русских женщин. И действительно, Страхов был закоренелым холостяком[19].

Отметим, что статья, заинтересовавшая Достоевского, упоминается и в его творчестве. Так, в «Кроткой» закладчик, знакомый с книгой Милля «О подчинении женщины», тщетно пытается вспомнить, кому принадлежат евангельские слова «Люди, любите друг друга[20].

Стоит отметить и тот факт, что «Заря» умела по достоинству оценить произведение и не боялась критики со стороны других изданий. Так, именно журнал Кашпирёва одним из первых осознал значение эпопеи «Война и мир». В журнале «Заря» вышел цикл статей Страхова о «Войне и мире», где критик писал об этом произведении, как о поистине гениальном, хотя тогда многие не разделяли этого мнения.

В предисловии к отдельному изданию критических статей в 1885 г. Страхов пишет: «Задолго до нынешней славы Толстого, до восторгов, вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, когда даже еще не была кончена “Война и мир”, я почувствовал великое значение этого писателя и старался объяснить его читателям» [Страхов, 1901, с. 484]. К этому Страхов добавил: «Кто умеет ценить высокие и строгие радости духа, кто благоговеет перед гениальностью и любит освежать и укреплять свою душу созерцанием ее произведений, тот пусть порадуется, что живет в настоящее время» [там же]. Страхов утверждал непреходящую ценность романа и еще в 1869 г. предсказывал ему мировое значение. «Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература! Со временем значение “Войны и мира” перестанет быть вопросом, и это произведение займет в нашей литературе то незаменимое и единственное место» [там же, с. 483]. Достоевский высоко оценивал цикл статей Страхова, посвященных эпопее «Война и мир» Толстого. В них, по мнению писателя, русская, национальная мысль заявлена «почти обнаженно»: «Именно то, что Вы говорите, в том месте, где говорите о Бородинской битве, и выражает всю сущность мысли и

[18] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.; Л.: Наука, 1972–1990. Т. 23. С. 89.
[19] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 255.
[20] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 35.

Толстого и Вашу о Толстом. Яснее бы невозможно, кажется, выразиться...»[21]

С этого цикла критических статей началась дружба между Страховым и Толстым. Известно, что Страхов хотел привлечь Л.Н. Толстого к сотрудничеству с журналом «Заря». И это ему удалось. Письмо Страхова к Толстому с предложением о сотрудничестве с «Зарей» утеряно, но сохранился ответ писателя. В письме от 25 ноября 1870 г. Толстой сообщает, что пока ему нечего предложить «Заре»: «Вы не поверите, как мне больно отказать в содействии уважаемому журналу и в особенности вам; — но я не могу поступить иначе. Судите сами: у меня не только нет названия тому, что я буду писать (названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда все написано), но и нет ничего, над чем бы я работал... Так вот почему я решительно не могу ничего обещать, как ни сильно я бы желал напечатать в “Заре”»[22]. Тем не менее Толстой дает Страхову обещание: «Одно, что могу сказать,— что если мне суждено написать еще что-нибудь, то, если это будет не длинно, я все отдам в “Зарю”, если длинно, то часть всего»[23]. Свое обещание Толстой сдержал, и в последнем номере журнала «Заря» выходит «Кавказский пленник». В письме к Страхову от 22 марта 1872 г. Толстой сообщает: «Для “Зари” я написал совсем новую статью в “Азбуку” — “Кавказский пленник” и пришлю не позже как через неделю... прошу вас держать корректуру»[24].

История взаимоотношений Достоевского с журналом «Заря»

По распоряжению Страхова журнал «Заря» высылался Достоевскому во Флоренцию, где в то время находился писатель, уехавший заграницу на лечение. Об этом Достоевский сообщает в письме к Страхову от 18 (30) марта 1869 г.: «Благодарю Вас... за распоряжение о присылке “Зари”...»[25]

Супруга писателя Анна Григорьевна Достоевская сообщает в своих воспоминаниях, что Страхов усиленно приглашал ее мужа быть сотрудником «Зари»: «Фёдор Михайлович на это с удовольствием соглашался, но лишь тогда, когда окончит роман “Идиот”, который так трудно ему давался и которым он был очень недоволен»[26].

---

[21] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 401–402.

[22] *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 18. С. 691.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.

[26] *Достоевская А.Г.* Воспоминания / Под ред. В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, В.Н. Орлова. М.: Художественная литература, 1971. С. 183.

С начала выхода журнала «Заря» его сотрудники активно приглашали Достоевского к сотрудничеству: «Напишите Вы нам что-нибудь — покорно просим и Кашпирев, и Данилевский... и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в “Заре” Вам так же развязаны руки, как во “Времени”?», — пишет Страхов[27]. Достоевский предлагает написать в журнал роман в двух частях. «Он будет, — писал Достоевский о будущем произведении,— величиною в “Бедных людей” или в 10 печатных листов; не думаю, чтобы меньше; может быть, несколько больше <...> Идея романа меня сильно увлекает <...> мне хочется произвести опять эффект; а обратить на себя внимание в “Заре” мне еще выгоднее, чем в “Русском вестнике”»[28].

В письме к своей племяннице С.А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. Достоевский сообщает, что «получил от журнала официальное приглашение к сотрудничеству. “Заря” прислала ему (вновь через Страхова) второе письмо... Просят коллективно Страхов, редактор Кашпирев и даже те сотрудники, которых Достоевский не знает (Градовский, например), и Данилевский, (которого я уже 20 лет не видал), — не романист Данилевский, а другой, замечательнейший человек. Кроме того, видно, что в “Заре” совокупилось уже много новых сотрудников, очень замечательных по направлению (глубоко-русскому и национальному)», — отмечает писатель[29].

Достоевский пишет о сильном впечатлении, который на него произвел первый номер журнала. Конечно, больше других его поразили две главные статьи: Страхова и Данилевского. Тем не менее, Достоевский выражает сомнение, что все авторы смогут ужиться вместе в одном журнале, тем более что Страхов, «который, в сущности, настоящий редактор», по мнению писателя, мало способен к непрерывной, периодической работе[30]. Достоевский также сообщает в этом письме, что для написания повести в «Зарю» он хочет использовать то свободное время, которое у него остается до начала работы над романом, который он обещал «Русскому вестнику». Речь идет о «Бесах». Достоевский предполагает, что повесть в «Зарю» будет готова за четыре месяца. Повесть «возьмет у меня именно то только время, которое я и назначил себе для гулянья, для отдыха после 14 месяцев работы», — отмечает писатель[31].

Хотя Достоевский не обещал «Русскому вестнику» исключительного сотрудничества, он опасается обидеть его работой с другим журналом, поэтому просит племянницу, общающуюся с ре-

---

[27] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 410.
[30] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 410.
[31] Там же

дакцией, не упоминать о «Заре»: «...Вообще боюсь, что выйдут сплетни, которые мне повредят в “Русском вестнике”»[32].

Однако Достоевский выдвинул неприемлемые для «Зари» условия: писатель хотел получить аванс в размере 1000 руб. Соглашение не состоялось, и Достоевский не стал начинать работу над предполагаемым произведением[33].

В письме к Н.Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. Достоевский предлагает написать для «Зари» небольшой рассказ: «...листа в 2 печатных, может быть, несколько более»[34]. Написать произведение его вдохновил отзыв Аполлона Григорьева на «Записки из подполья». «Ты в этом роде и пиши», — посоветовал тогда он Достоевскому[35]. В письме Майкову Достоевский сообщает, что новое произведение будет похоже на «Записки из подполья» своей сущностью, но не формой. За это произведение Достоевский просил у редакции 300 руб. Такая сумма устроила «Зарю», об этом писателю вновь сообщил Майков.[36] Достоевский решил начать писать повесть после переезда в Дрезден, где ему не будет мешать работать жаркий климат Италии. В своем письме к Майкову от 15 (27) мая Достоевский жалуется: «Жара во Флоренции наступает ужасная, город душный и раскаленный, нервы у нас всех расстроены, — что вредит особенно жене[37], теснимся мы в настоящую минуту в теснейшей маленькой комнатке, выходящей на рынок. Надоела мне эта Флоренция, а теперь, от тесноты и от жару, даже и за работу сесть нельзя»[38].

Название будущего произведения писателем не было определено, поэтому в объявлении о подписке на 1870 г. «Заря», перечисляя то что будет опубликовано, указывает повесть Достоевского, однако без названия: «Назовем главнейшие из произведений, уже приобретенных нами для журнала... повесть Достоевского, рассказы из русской истории Майкова...»[39]

Работа над произведением «Вечный муж» оказалась весьма выматывающей для писателя. Из-за переезда в Дрезден он приступил к работе в самом конце лета.[40] Достоевский писал Майкову с просьбой убедить Кашпирёва напечатать повесть в ноябрьском или де-

---

[32] Там же. С. 412.

[33] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 695.

[34] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 695.

[35] Там же.

[36] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[37] Жена писателя в это время была беременна.

[38] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 425.

[39] От редакции. Объявление о подписке // Гражданин. 1875. № 50.

[40] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 442.

кабрьском выпуске «Зари» 1869 г. Майков просьбу Достоевского выполняет, но эти номера «Зари» были уже готовы. К тому же «Вечный муж» был отправлен Достоевским в редакцию лишь 5 (17) декабря[41]. Уже после завершения работы над «Вечным мужем» Достоевский не мог без омерзения вспоминать о том, как тяжело ему давалась повесть. В письме к С.А. Ивановой писатель не скрывает эмоций: «...какая это была каторжная работа! тем более что я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала.»[42]

Вскоре писатель сообщает в своем письме родственникам (В.М. и С.А. Ивановым), что его «Вечного мужа» в редакции восприняли очень благосклонно: «Я получил чрезвычайные похвалы из “Зари” за повестушку, которую у них напечатал», — писал Достоевский[43].

Достоевский о редакционной политике и содержании «Зари»

Журнал «Заря» лишь частично отвечал большим ожиданиям Достоевского. Писатель очень высоко ценил, прежде всего, отдел критики журнала. Достоевский считал, что такой честной и ясной критики нет ни в одном современной российском издании. Также он отмечал, что именно с нее начинает читать каждый номер. Однако у писателя было много обоснованных претензий к журналу.

Для укрепления позиций «Зари» Достоевский предлагал устранить некоторые его недостатки: малый объем, невыразительное оформление, отсутствие материалов о текущей политике, фельетонов, ежемесячных политических обозрений, полемических статей. «Прежде всего, журнал мал объемом и скуп, что выражается даже его наружностию», — пишет Достоевский Страхову[44].

По мнению писателя, «Заря» мало считалась с интересами читателей, придерживалась принципа «искусство ради искусства», находилась далеко от острых, злободневных вопросов[45]. Достоевский в своих письмах критикует создателей журнала, за то, что их досадные мелкие ошибки бросаются в глаза, а это отнимает у них подписчиков. «2500 подписчиков тем славно, что обозначают установившийся журнал. Разумеется, 3500 подписчиков было бы не в пример лучше. И не понимаю решительно, почему их нет у журнала с таким необходимейшим направлением и при таких статьях, которые являлись в прошлом году?», — отмечает Достоевский[46].

---

[41] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[42] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 442.

[43] Там же. С. 695.

[44] Там же. С. 401.

[45] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[46] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 446.

Писателя также не устраивает то, что в «Заре» торжественно публикуются сообщения о любом произведении, которое будет вскоре напечатано в журнале. В качестве примера он приводит роман «Цыгане» и произведения Кобяковой. По мнению писателя, журнал, с самого начала поставивший себя на самый высокий тон в своем направлении и в критике, не может так восторженно извещать о подобных публикациях. Так можно писать лишь о «Войне и мире», «Обломове» или «Мертвых душах». «А между тем роман "Цыгане" хоть и не без достоинств, но вовсе уж не "Мертвые души"», — пишет Достоевский[47].

Беспокоит Достоевского и отсутствие полемики в журнале, «Заря» ее избегает: «Полемика есть чрезвычайно удобный способ к разъяснению мысли, у нас публика слишком любит ее. Все статьи, например, Белинского имели форму полемическую. Притом же в полемике можно выказать тон журнала и заставить его уважать... всегдашнее спокойствие придает Вашим статьям вид отвлеченности»[48].

Но больше всего Достоевского справедливо возмущала необязательность «Зари», которая отпугивала от нее подписчиков. Так, по объявлению «Заря» должна была выйти 16 февраля, но вот уже 26 число, а нового номера журнала у писателя до сих пор нет. Достоевский опасается, что эта же участь коснулась всех русских людей заграницей. «Неужели в "Заре" до того еще легкомысленны, что не хотят понять факта, режущего глаза и состоящего в том, что выходить в 1-е число месяца аккуратно (и непременно в 1-е) — значит, иметь 1000 подписчиков лишних?», — пишет Достоевский[49]. Писатель отмечает, что с нетерпением ждет каждого номера журнала. «Здесь каждое получение "Зари" для меня праздник, именины», — признается он. «Одно бы пожелать надо "Заре": этой бюрократической аккуратности "Вестника Европы". (Заметили ли Вы, однако, что все лучшие журналы, бывшие в России, не отличались аккуратностью? Но лучше бы этому не подражать.)», — пишет Достоевский Страхову[50].

Также Достоевский считает опрометчивым повышение цены на подписку «Зари»: «Только что почтамт увеличил плату за пересылку, как тотчас же я и прочел в "Голосе" объявление "Зари" подписчикам об увеличении цены журналу... но будьте же и сами исправны. А то начали тем, что вышли 8-го числа, а на второй месяц и еще на неделю опоздали»[51].

Писателя расстраивало, что «Заря» публикует мало беллетристики. Достоевский писал Майкову: «Первый № "Зари" за этот

[47] Там же.
[48] Там же. С. 445.
[49] Там же. С. 446.
[50] Там же.
[51] Там же.

год представляет самое серенькое впечатление: полное отсутствие современного, насущного, горячего <...> Даже и переводной роман дрянь. Даже и критика, хотя и в прежних тонах и силе, но все-таки ведь повторение уже в третий раз или в четвертый прежней идеи»[52].

Еще один недостаток «Зари», по мнению Достоевского, — это нехватка самоуверенности, излишняя мягкость, отсутствие «искры» в статьях. «...Надо писать с плетью в руке. Во многих случаях Вы... слишком умны. Если б... поазартнее и погрубее нападали — было бы лучше», — советует писатель[53].

Заключение

Используя свой редакционный опыт и опыт журналиста, писатель дал много ценных советов журналу. Однако его предложения услышаны не были. Несмотря на блестящий подбор авторов «Зари» и достаточно сильный отдел критики, всплеск популярности журнала оказался недолгим. Все недочеты, казавшиеся редакции несущественными, оттолкнули от себя читателей. Количество подписчиков стало неуклонно уменьшаться. Как отмечал Достоевский, «Заря» сама уничтожила то, что у нее было оригинального и ценного. В конце 1871 — начале 1872 г. у журнала осталось лишь 700 подписчиков. Февральский выпуск издания оказался последним. Несмотря на яркий старт журнала, из-за редакционной политики «Заря» угасла, просуществовав лишь три года.

Список литературы

Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года. М.: Либерея, 2000.

Плеханов С.Н. Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом / Сост. А.В. Белова. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Киев, 1901.

Страхов Н.Н. Предисловие «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. «Россия и Европа». 6-е изд. СПб.: Глаголъ С-Петербургского университета, 1995.

Фридлендер Г.М. Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8.

Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.

Поступила в редакцию
01.12.2014

[52] Там же. С. 440.
[53] Там же.

Г.И. Старкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета; e-mail: stargi@mail.ru

ДОВОЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕССА УДМУРТИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА

В связи с актуализацией проблемы общественного диалога как одного из инструментов демократизации российского общества, действию которого могут и должны способствовать массмедиа, автор статьи впервые рассматривает молодежную прессу Удмуртии 1920–1930-х и начала 1940-х гг. в контексте общественного диалога. Показана работа редакций пионерских и комсомольских газет по организации и ведению диалога с читателями и общественными организациями, а также по вовлечению в диалог русской и удмуртской молодежи.

Ключевые слова: *общественный диалог, молодежная пресса Удмуртии.*

The proposed paper introduces the Udmurt youth press in 1920–1930s and of the 1940s within the framework of the public dialogue with reference to the concept of public dialogue supported by mass media as an effective tool of fostering democratization of Russian society. The article shows editorial activities of pioneer and komsomol newspapers to activate readers' and non-governmental organizations' responses a well as to engage Russian and Udmurt youth in the public dialog.

Key words: *the public dialog, the Udmurt youth press.*

Общественный диалог в массмедиа как объект исследования

В настоящее время актуализируется проблема общественного диалога как одного из инструментов демократизации российского общества, действию которого могут и должны способствовать массмедиа, что подтверждалось выступлениями участников конференции «Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога», прошедшей в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в феврале 2015 г.[1]

Средства массовой информации как площадка для организации и реализации различных форм общественного диалога и способы его отражения в массмедиа рассматриваются многими российскими учеными, выводы которых базируются, в основном, на результатах анализа современных СМИ. Поскольку общественный диалог предполагает вовлеченность широкой аудитории в обсуждение различных социальных проблем, является сферой обще-

[1] Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: Сб. матлов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015.

ственного взаимодействия и средством консолидации социума, важна роль СМИ как модератора этого диалога/полилога. В то же время отмечаются слабая ориентация современных журналистов на гражданское и социальное участие, отсутствие желания служить интересам общества, утрата большинством СМИ, особенно центральных, важных социально значимых функций.

М.В. Шкондин утверждает, что периодическая печать остается одним из важнейших факторов формирования единого медиапространства и что необходимо повысить ее роль в познавательных и проективных процессах освоения и преобразования мира на основе общественного диалога [Шкондин, 2013, с. 46]. Именно печатная периодика за свою историю функционирования в российском обществе служила его интересам. С помощью печати осуществлялся диалог населения и власти: на страницах прессы высказывались мнения журналистов, специалистов, представителей официальных органов, читателей, конечно, с учетом социально-политических и экономических интересов государства[2].

О том, что площадкой для общественного диалога и организатором его может служить пресса не только для взрослого читателя, но и для молодежной аудитории, свидетельствуют материалы некоторых исследователей, представивших результаты анализа как современных детско-юношеских изданий, так и изданий первой половины XX в., в том числе региональных [Старкова, 2007; 2009; 2012]. История журналистики содержит многожество фактов, свидетельствующих о важной роли молодежной прессы в обществе, которая всегда была призвана содействовать воспитанию достойных граждан России, в том числе путем вовлечения молодого поколения в процесс решения значимых общественных проблем и задач. Поскольку сейчас журналистика теряет свои позиции вследствие коммерциализации и недостаточного профессионализма, а детско-юношеские издания ориентированы на функции рекреационного и развлекательного характера, уходят от прямого участия в жизни российского общества, затрудняя процесс социализации юных россиян, следует обратиться к опыту, накопленному советской журналистикой. Интересным представляется рассмотрение довоенной молодежной периодики Удмуртии в контексте общественного диалога: способы работы редакций по организации и проведению диалога, темы для диалога, состав участников диалога, формы представления диалога на страницах газет.

[2] Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: Сб. матлов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 11–12.

Опыт диалога на страницах молодежной прессы Удмуртии

Для подтверждения положения о том, что редакции стремились наладить диалог с читателями, а затем и вовлечь их в общественный диалог, впервые были проанализированы газеты для русского и удмуртского юношества 1920-х гг. — «Юный металлист» (1921), «Егит дурись» («Молодой кузнец», 1921), «На смену» (1924) и «Ленинская смена» (1925) [Старкова, 2012] и газеты 1930-х гг.: для пионеров — «Дась лу!» («Будь готов!», 1930) и «Будь готов!» (1936)[3], для комсомольцев — «Егит большевик» («Молодой большевик», 1931)[4] и «Молодой большевик» (1937).

Предпосылками организации и развития общественного диалога на страницах периодики для молодежи послужили руководящие материалы ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ, которые были заинтересованы в воспитании будущих строителей советского общества, в развитии социальной активности юных граждан страны, в их социализации и приобщении к общегосударственным делам. В регионах молодежной прессой руководили областные комитеты комсомола (под руководством партийных комитетов), призванные учитывать местные и национальные особенности молодежной аудитории.

В Программе РКСМ, принятой III съездом РКСМ, в качестве направлений политико-просветительной работы назывались юношеская печать с привлечением самих «юных пролетариев и крестьян», митинги, беспартийные конференции рабоче-крестьянской молодежи, организации разного рода «недель», «повозок», «лодок», участие в инструктивных поездах и пароходах[5]. Но поскольку газеты выступали коллективным пропагандистом, агитатором и организатором (по определению В.И. Ленина), были призваны воспитывать молодежь в духе борьбы за светлое будущее, первоначально им была присуща монологичность коммуникации: от редакции, представлявшей интересы учредителя Удмуртского обкома комсомола (под контролем обкома партии), — к молодому читателю как потребителю информации и объекту воздействия. Зачатками общественного диалога, предусматривающего участие широких масс в обсуждении важных социальных проблем, можно считать письма и заметки юнрабселькоров (юных рабочих и сельских корреспондентов), выступления с критикой недостатков, отдельных нерадивых комсомольцев и даже руководителей.

---

[3] Восклицательные знаки в заглавиях газет впоследствии исчезли, в архивных документах заглавия приводятся то со знаком «!», то без него.

[4] Заглавия газет на удмуртском языке при первом упоминании приводятся с переводом на русский язык, в дальнейшем — только на удмуртском.

[5] Комсомол и молодежная печать (1919–1972 гг.). М., 1973. С. 40.

Диалог редакций с читателями

Редакции газет пытались наладить диалог с читателями, создавали сеть юнрабселькоров, которые сообщали о событиях, положительных явлениях и недочетах на местах [Старкова, 2007]. Редакции обращали внимание юных корреспондентов на злободневные вопросы, которые требуют решения и отражения в печати. Для активизации работы юнкоров редакция газеты «Юный металлист» предлагала темы для будущих материалов: «Все союзы должны писать в свою газетку, как они бьют голод? Что сделали в помощь голодающим?». И спрашивала: «Разве не должен знать каждый юный труженик о том, как живет молодежь, как она помогает Республике в борьбе за свое свободное и гордое существование?». В обращении «К читателям» на второй полосе редакция повторно спрашивала: «Выделен ли в вашей ячейке корреспондент в газету? Наша газета должна освещать жизнь каждой ячейки; каждой организации. Если нет, то поспешите». И вся эта полоса отдана под материалы юнкоров с мест в рубрике «На фронте просвещения». Юнкоры не обладали знаниями, необходимыми для написания литературных произведений определенных жанров, для них характерны лозунговый подход и не всегда должное качество текстов. Тем не менее корреспонденции привлекали эмоциональностью авторов, их неравнодушием к происходящему. Главным требованием к авторским материалам было правдивое отражение действительности, а не литературно-художественное качество присылаемых в редакции произведений.

Становление диалога с юными читателями было процессом непростым. Хотя газета испытывала нехватку корреспонденций, редакция не ограничивалась призывами и просьбами: в мае 1922 г. она помещает материал «Вместо фельетона», написанный очень колоритно и эмоционально, с большой долей иронии: «“Ребята! Пишите в газету! Ведь, чёрт возьми, на триста строк не хватает материалу, а завтра должна выйти газета!”. Редактор почтенного органа, которым в данный момент наслаждается читатель, кричал во всю свою глотку... Но увы! Голос его оставался вопиющим в пустыни...»[6]. В августе редакция снова констатирует, что «масса юных металлистов в издании своего органа не участвует». И все же юнкоровские публикации появляются на страницах газеты.

Зарождающаяся интерактивность позволяла юным читателям обращаться к редакции: они могли высказывать свои требования

[6] Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемого текста приводятся в соответствии с оригиналом.

к газете, о чем свидетельствуют заголовки материалов: «Газета должна стать боевым органом», «Нужно больше показывать опыты хорошей работы», «Редакция должна перестроить свою работу». В то же время молодежь была благодарна газетам за помощь, например, в заметке «Как мне помогла газета».

Редакция еженедельной газеты рабоче-крестьянской молодежи «На смену» планировала печатать дискуссионные статьи и просила комсомольцев участвовать в обсуждении материалов, в частности, о доме-коммуне в № 2 от 26 июня. В связи с оттоком молодежи из комсомола в начале 1920-х гг. актуальным становится вопрос вовлечения беспартийной молодежи в ряды РКСМ, который порой решался не всегда обдуманно. Газета публикует довольно смелый фельетон «Новый метод», в котором высмеивается работа укома в этом направлении. Героями фельетона стали активисты Безрезультатный, Вкореньсмотрящий и Политпросветов, а также активистка Маня Деревенская.

В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г. рекомендовалось отделам и подотделам печати и газет «обсуждение на страницах газеты при активном участии читателей форм оживления газеты и улучшения ее содержания», а также «организация судов над газетами...»[7]. Редакция «Ленинской смены» подталкивала читателей — будущих авторов к обсуждению опубликованных материалов, введя рубрику «Надо обсудить», и просила «высказаться по затронутому вопросу», например, по вопросу «увязки» молодых рабочих с учащимися ребятами.

В 1920-е гг. быть юнселькором было не только тяжело, но и опасно. Например, в апреле 1925 г. в рубрике «Деревенская комсомолия» газета поместила материал «Охраните селькора», в котором рассказала о комсомольце-селькоре Кондратьеве, разоблачившем через газету знахаря в селе Дизмине Глазовского уезда. Редакция газеты рекомендовала Глазовскому УИКу возбудить судебное следствие, так как селькору угрожают убийством.

Во второй половине 1920-х гг. газеты становятся площадкой для общественного диалога. Поскольку в это время молодежь Удмуртии была лишена печатной прессы, ее функции выполняла широко распространенная стенная печать [Старкова, 2009]. Стенгазеты призваны были приобщить подрастающее поколение к происходящим событиям, расширить круг его общения, дать возможность молодежи самореализоваться, а стенкорам — развить творческие способности. Накануне Дня печати 1925 г. областная газета «Ижевская правда» опубликовала статью А. Троицкого с заглавием-

[7] Советская печать в документах. М., 1961. С. 178.

призывом «Стенкоры, готовьтесь к конференции!», в которой автор писал, что «каждая выпущенная газета должна обсуждаться стенкорами. Каждая исправленная заметка на собрании кружка должна обсуждаться». Всем стенкорам предлагалось «продумать эти положения, чтоб явиться на конференцию с практическими предложениями». Редколлегия глазовской стенгазеты «Клубный молодняк» в обращении к ребятам изложила программу газеты со словами: «И только при этом всестороннем коллективном обсуждении вопросов мы сумеем улучшить и поднять на должную высоту всю работу нашего клуба» [Старкова, 2012, с. 113]. Члены заседания агитпроп-коллектива совместно с ответственными редакторами редколлегий стенгазет 24 января 1927 г. постановили «создать общественное мнение вокруг стенгазеты»[8]. Как отмечалось в Отчете ЦК ВЛКСМ VIII съезду ВЛКСМ (1928), «втягиванию читателя в обсуждение вопросов» помогают новые формы газетной работы — митинги, отчеты и прения на страницах газет, что этим достигается «улавливание настроений молодежи».

В мае 1932 г. ЦК ВЛКСМ принимает постановление «О работе с юнкорами», в котором требовалось бороться с бюрократическим отношением к заметкам юнкоров, поскольку юнкоровское движение рассматривалось как одно из средств вовлечения молодежи в социалистическое строительство. Редакции активно взаимодействовали с молодой аудиторией, проводили совещания по актуальным темам, интересовались мнением читателей по вопросам не только союзной работы, но и культуры, нравственности, морали, быта[9].

Диалог с органами власти и общественными организациями

Пресса привлекала внимание не только аудитории к проблеме, но и представителей власти к ее решению. Критические заметки редакции сопровождались примечаниями «От редакции», в которых или обращались к органам и лицам, полномочным или имеющим возможность устранить названные недостатки, или поясняли, какие меры были приняты. Например, в номере от 9 января 1935 г. половина полосы газеты «Егит большевик» была отдана под критический материал «Нарушителей торговли хлебом — бескультурных и грязных продавцов отстранять от работы». В примечании к заметке «Привлечь к суровому ответу» редакция написала: «Ждем вмешательства в это дело суда и прокуратуры».

[8] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 767. Л. 124.

[9] Егит большевик. 1935. 20 февраля, 6 апреля, 28 июля и др.

Под заглавием «Как мы живем» было опубликовано письмо «общежитников», подписанное 10 членами общежития, в котором давно не было ремонта. В примечании редакция требовала от Граховского роно, райкомола и директора средней школы немедленного принятия мер для ремонта общежития учениц[10]. На письмо-заметку «Клубок издевательств» редакция потребовала «от директора Ижстальзавода тов. Быховского немедленно привлечь к ответу бюрократов из жилотдела игнорирующих нужды рабочих»[11]. В немедленном реагировании на критические материалы юнрабселькоров и обращении к комсомольским, партийным и/или хозяйственным руководителям проявлялись не только социальная ответственность журналистики, стремление к общественному диалогу, но и действенность молодежной прессы.

На страницах газет нашел отражение общественный диалог: публиковались материалы о проведенных на местах совещаниях и собраниях и их повестках. Так, «Дась лу» предоставила целую полосу материалам под общим заглавием «Пионер киваltисьеслэн совещаниысьтызы» («Руководящее совещание пионеров»)[12]. В статье «Покончить с детской преступностью и ее пособниками» рассказывалось о собрании молодых трактористов в селе Дебесы, на котором обсуждалось письмо трактористов Вятско-Полянской МТС, опубликованное в газете «Комсомольское племя»[13]. В нескольких номерах «Егит большевика» шло обсуждение материала «Самоубийство ученицы»[14]. По случаю самоубийства Валентины Зубковой из Малой Пурги, несправедливо исключенной из комсомола, редакция требовала «немедленного вмешательства Наркомпроса, прокуратуры республики и всей общественности». Материал получился резонансным и действенным: газета сообщила о выезде на место помощника прокурора республики и школьного инструктора.

В газетах вводятся рубрики «Ответы на вопросы», «Письмо в редакцию», «Редакцие гожтет» («Письмо в редакцию»), «Голос читателей», «Лыдзисьлэн заметкаез» («Заметки читателей»), «В редакцию газеты “Молодой большевик”». В рубрике «Письма в редакцию» ученик 7-го класса Нимошурской НСШ (неполной средней школы. — *Г.С.*) Дебесского района Николай Буйских просил редакцию газеты «Егит большевик» написать о музыкальной школе и условиях учебы в ней. Под его заметкой в примечании сотрудники редакции сообщили о существовании в Ижевске театрально-художе-

[10] Егит большевик. 1935. 20 февраля.
[11] Там же, 1935. 18 марта.
[12] Дась лу. 1935. 6 февраля.
[13] Егит большевик. 1935. 14 апреля.
[14] Там же. 26, 28 апреля.

ственного училища с музыкальным отделением и о том, что по договоренности с редакцией Николаю будет выслано «подробное письмо об условиях приема и учебы»[15].

В материале «А воз и ныне там» сообщалось о том, что «пьяный, неоднократно судившийся хулиган Петр Мохов» ворвался в клуб колхоза «Марс» Старо-Зятцинского района и «начал избивать комсомольца активиста Гагарина Сергея», что «этот возмутительный поступок хулигана был разобран на общем собрании колхозников» и материал направили в селтинскую газету «Ударник» и райком комсомола. С надеждой на помощь газеты «Егит большевик» автор заметки Дмитриев написал, что редакция газеты «Ударник» направила материалы в следственные органы, но «ни следователь, ни райкомол до сего времени никаких мер не приняли и хулиган остается безнаказанным»[16].

В постановлении ЦК ВЛКСМ «О комсомольских собраниях», опубликованном в «Егит большевике», рекомендовалось «обязать всю местную комсомольскую печать широко освещать положительный опыт проведения комсомольских собраний»[17]. В честь пятилетнего юбилея газеты «Егит большевик» бюро Удмуртского обкома ВЛКСМ постановило «провести читательские конференции в районах, в городе и в заводе» и добиться увеличения тиража до 12 тысяч экземпляров, а также «провести республиканский слет юнкоров»[18]. Бюро ЦК ВЛКСМ в постановлении «О детских газетах» (1 августа 1935 г.) критиковало редакции газет за то, что они «вытеснили письма и материалы самих детей, заменив их статьями и заметками, написанными преимущественно работниками газет», а при помещении детских писем «часто выбрасывают из них все то, что волнует детей, придавая этим письмам казенный характер». Подчеркивалось, что письма детей на самые разнообразные темы должны занять в детских газетах центральное место[19].

Излишняя политизированность общества и прессы и вовлечение юношества во «взрослые дела» в один из сложных для страны 1936 г. нашли отражение в публикации «Приговора», вынесенного Председателем Верховного суда Военной коллегии в отношении Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и др., а также откликов ребят, например, заметки юнкора Илюши Морозова «С возмущением обсуждаем процесс»[20].

---

[15] Егит большевик. 1935. 8 мая.
[16] Там же.
[17] Там же. 1935. 2 июня.
[18] Там же. 1935. 14 сентября.
[19] Комсомол и молодежная печать (1919–1972 гг.). М., 1973. С. 131.
[20] Дась лу. 1936. 29 августа.

Критический материал о пропагандистах «Яблочко от яблоньки недалеко падает», опубликованный в «Молодом большевике» и «Егит большевике»[21], обсуждался в комитете ВЛКСМ цеха № 14 Ижстальзавода и общем комсомольском собрании, о чем сообщили газеты. Газеты были открыты для диалога с читателем, о чем свидетельствует полоса в «Молодом большевике» под названием «Что требуют читатели от нашей газеты»[22].

В 1936–1937 гг. сеть юнкоровцев Удмуртии расширилась за счет детей из детских домов, организации форпостов в школах, функционирования литературных кружков при клубах и школах. Ученики Старо-Учинской НСШ жаловались редакции газеты «Будь готов» на заведующего клубом М. Ахметова, который выгонял ребят, а «непослушных» бил. Редакция сообщила, что «факты подтвердились, и Ахметов с работы снят»[23].

В январе 1938 г. был перепечатан из газеты «Комсомольская правда» очерк «Грубость» о хулиганских поступках отдельных ребят. В нем осуждалось отсутствие должной реакции: нет обсуждения на пионерских сборах, на ученических собраниях, о грубиянах не пишут в стенгазетах, товарищи не высказывают грубиянам своего презрения, не осуждают их. Очерк сопровождался обращением к ребятам обсудить его и написать в газету о том, как они борются с грубостью своих товарищей. Родителей также просили высказать свое мнение на страницах газеты, что позволило расширить аудиторию диалога.

Обсуждение приняло массовый характер, о чем свидетельствовали письма в редакцию. Об обсуждении статьи[24] писали ученицы 4-го класса 23-й школы г. Ижевска[25]. 15 февраля 1938 г. помещена подборка материалов об обсуждении этой статьи. Для усиления воздействия на юных читателей текстовые материалы сопровождались иллюстративными, например, опубликован групповой фотоснимок ребят с подписью: «Вожатый 34-й ижевской школы товарищ Макс читает ребятам очерк “Грубость”». В заметке «А они не исправляются» ученицы 4-го класса средней школы села Дебесы написали о коллективном чтении в классе очерка и его обсуждении. Но реакция учеников была разной: некоторые «по-прежнему грубят с каждым и даже с учительницей. Часто дерутся, бьют девочек и дергают их за косы». А другие ученики поняли, что грубить стыдно

[21] Егит большевик, Молодой большевик. 1937. 6, 8 января.
[22] Молодой большевик. 1937. 6 мая.
[23] Будь готов. 1937. 4 апреля.
[24] В газете публикация называется то очерком, то статьей.
[25] Будь готов. 1938. 5 февраля.

и некультурно. Ученик 8-го класса из села Малая Пурга Володя Голубев сообщил, что многие ребята самостоятельно прочитали очерк «Грубость», затем очерк был прочитан на школьном собрании, на котором ребята говорили о тех, кто курит, толкаются и грубят старшим. После обсуждения очерка и порядков в школе эти ученики заявили, что осознали свои нехорошие поступки и дали слово быть дисциплинированными.

По инициативе юнкоров газета «Дась лу» проводила среди читателей обсуждение различных вопросов из жизни школьников, например, по статье деткора Чайникова из Вавожской средней школы «Обманешь учителя, обманешь и себя». Публиковались выступления депутатов Верховного Совета: директора УдНИИ тов. Авакумовой, Наркома просвещения Наговицына и других представителей общественности[26].

«Молодой большевик» сообщал о проходящих митингах, например, о митинге молодых избирателей[27], о собраниях комсомольского актива[28]. В редакции было организовано совещание на тему «За совместную работу педагогов, комсомола и родителей», материалы которого публиковались в газете[29]. По обращению комсомольцев и молодежи станкостроя к молодым работникам достойно встретить 20-летие Удмуртской автономии было принято Решение бюро Удмуртского обкома ВЛКСМ с предложением обсудить его[30]. В газете публиковались материалы об обсуждениях по различным вопросам на заседаниях исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся, например, итогов зимнего спортивного сезона и в оргкомитете Удмуртского обкома ВЛКСМ, например, хода подготовки к комсомольскому кроссу[31].

Газета сообщала об обсуждении на собрании студентов, преподавателей и служащих Удмуртского пединститута выступления вождя народов Сталина, а также об обращении собрания с призывом ко всем, способным носить оружие, вступить в дружины народного ополчения, принять участие в создании государственного фонда обороны[32]. Начавшийся во второй половине 1920-х гг. общественный диалог на страницах молодежных газет Удмуртии был прерван Великой Отечественной войной.

---

[26] ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 5.
[27] Молодой большевик. 1938. 18 июня.
[28] Там же. 1940. 23 июня.
[29] Там же. 1940. 27 февраля.
[30] Там же. 25 июля.
[31] Там же. 1941. 17 мая.
[32] Там же. 10 июля.

Выводы

Ситуация в стране свидетельствует о том, что население нуждается в диалоге с власть имущими, хочет быть услышанным и получить ответы на свои вопросы, касающиеся разнообразных сфер жизни, что подтверждает многотысячное количество звонков/писем/ обращений перед ежегодными выступлениями президента России В.В. Путина. Если в советские и постсоветские годы средства массовой информации были социально ответственны перед обществом, предоставляли аудитории возможность высказывать свое мнение, активно содействовали общественному диалогу, тем самым способствуя укреплению российского общества, то в отечественной прессе начала 2000-х гг. наблюдается отчуждение между журналистикой и аудиторией, героями публикаций становятся медийные лица — артисты, певцы, деятели шоу-бизнеса, скандальные политики и т.п., пресса утратила действенность, а аудитория утратила веру в правдивость и объективность публикуемых материалов и, в целом, веру в помощь прессы. Такой же освобожденной от социальных функций становится и детско-юношеская пресса, что очень тревожно, поскольку молодежь из-за политических трансформаций в стране в 1990-е гг. частично утратила ориентиры в социуме и сейчас отстраняется от участия в жизни общества.

В нынешних условиях, когда необходимо стремиться к консолидации и стабильности общества, редакции массмедиа могут этому содействовать, используя ранее накопленный газетами опыт. Особенно важно не упустить подрастающее поколение как будущее нашей страны и выпускать полноценные по содержанию и функциям газеты и журналы с учетом опыта довоенной прессы, обеспечивая участие молодой аудитории в общественном диалоге, чему должно содействовать государство, финансово поддерживая издания не только на национальных языках, например, удмуртском, но и русскоязычные. Опыт редакций по организации интерактивности, проведению социально значимых акций, использованию различных диалогичных форм может быть применен при подготовке и выпуске современных детско-юношеских изданий как печатных, так и электронных, содействуя активизации участия юношества в общественном диалоге и, в целом, оптимизации взаимодействия молодежи и общества.

Список литературы

Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. М.: МедиаМир; Ф-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015.

Комсомол и молодежная печать (1919–1972 гг.). М., 1973.

Советская печать в документах. М.: Госполитиздат, 1961.

Старкова Г.И. Юнкоровское движение как школа литературного мастерства молодежи Удмуртии 1920–1930-х годов // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: Матер. III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность». Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 60–78.

Старкова Г.И. Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 1920-е годы // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. Казань, 2009. С. 191–201.

Старкова Г.И. История молодежной периодической печати Удмуртии (1905–1929 гг.): Учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2012.

Шкондин М.В. Печать в условиях трансформации медиасистемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 2013. № 6. С. 38–53.

ЦДНИ УР (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 16. Оп. 1. Д. 767. Протокол заседания агитпроп-коллектива совместно с ответственными редакторами редколлегий стенгазет.

ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 255. Докладная о работе редакции газеты «Дась лу» в связи с ее десятилетием.

Поступила в редакцию
17.02.2015

Б.А. Максимов, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: esprit25@rambler.ru

РОМАНТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ ЛЮБВИ: «ЛЮЦИНДА» Ф. ШЛЕГЕЛЯ

Созданный на исходе XVIII в. экспериментальный роман Шлегеля позволяет пристально рассмотреть границу между классическими и романтическими (т.е., в широком смысле слова, современными) представлениями о любви и о гендерном вопросе. Если предшествующие поколения трактовали любовь как приятное развлечение или как стандартизованную социальную связь, то романтики превратили любовь в универсальный инструмент познания и личностного развития. Благодаря любви индивид (прежде всего, мужчина) может восполнить существенные дефициты (например, нехватку энергии или расщепленность натуры), но только при условии взаимообмена. С точки зрения Шлегеля, любовь не сводится к эгоистической жажде обладания, но предполагает тесное (и конфликтное) взаимодействие, в ходе которого любящие неизбежно трансформируются, и которое устремлено не просто к телесной близости, но и к биологическому слиянию. Этот процесс романтики описывают в категориях, общих для эротической и религиозной сфер.

Ключевые слова: *романтизм, гендер, платонизм, взаимодействие, чувственность.*

Schlegels audacious novel, first published 1799, is a good starting point to explore the borderlines between the romantic (i.e. the contemporary) view of love and gender, and that of the Enlightenment. While their predecessors saw in (sensual) love either pleasant pastime or conventional social bonds, the romantic generation regarded it as an universal cognitive tool and a driving force of individual evolution. Through love a person (primarily, a man) can supply significant defects, such as lack of energy and of integrity, — however, it implies reciprocity. For Schlegel, love doesn't reduce to selfish longing to possess, but it demands a close (and turbulent) interaction, urging both sides to transform and aiming not just at corporal intimacy, but at biological fusion. The romantics tend to describe this process in terms common for erotic and religious matters.

Key words: *romanticism, gender, Platonism, reciprocity, sensuality.*

Введение

Начнем с факта, хорошо известного историкам культуры: лучшие умы Германии на рубеже XVIII и XIX в., на границе классической и романтической эпохи, озаботились вопросом о специфике и различии полов, а также о характере и предназначении любви как сферы, в которой гендерное своеобразие человека проявляется

наиболее ярко. Вильгельм фон Гумбольдт публикует статьи о мужской и женской природе, Новалис, Геррес, И.-В. Риттер, Фридрих Шлегель исследуют названную оппозицию и взаимодействие мужского и женского начал в своих естественно-научно или культурологически ориентированных «фрагментах» и «афоризмах», к этим темам обращаются в своих фундаментальных трудах Фихте, Шеллинг и Баадер, они находят отзвук в лекциях Гегеля[1]. Катализатором такого интереса, очевидно, послужили серьезные социально-экономические сдвиги. К концу XVIII в. в развитых европейских странах ускорилась эрозия сословной структуры, сохранявшейся со времен средневековья[2]. Немалую роль в этом процессе сыграл промышленный переворот, который расшатывал привычную профессиональную (применительно к Германии — цеховую) идентификацию. Если в эпоху Просвещения типаж человека в основном определялся его социальной ролью[3], то на рубеже веков категории для описания человеческого склада черпают, в первую очередь, в натурфилософии, иначе говоря, *социальные* параметры уступают место обобщенно трактованной *биологии*. Наряду с этническим компонентом (который уходящий XVIII в. нивелировал, растворял в общеевропейской светской культуре), и обострившимся интересом к возрастным стадиям (прежде всего, детской и отроческой), внимание привлекла гендерная специфика индивида. В духе того времени различия полов понимаются обобщенно, в них ищут фундамент для универсальной классификации людского рода. «Человечество, собственно, должно бы разделяться

[1] В частности, Гегель (в весьма мизогинистском духе) рассуждает о различиях полов в «Основах философии права» (1820), Шеллинг — в работе «О мировой душе» (1798), Фихте — в «Основах естественного права в соответствии с принципами наукоучения» (1796), В. Гумбольдт — в статьях «О мужской и женской форме», «О различии полов и влиянии его на органическую жизнь» (1795), Гёррес — в «Афоризмах об искусстве» (1801), Баадер — в «Тезисах эротической философии» (1828), Ф. Шлегель, помимо «фрагментов» и «идей», — в раннем эссе «О Диотиме» (1795) и в адресованном Доротее Фейт письме «О философии» (1798).

[2] Эльке Райнхард-Бекер замечает в этой связи, что «на смену сословному дроблению общества к 1800 году пришло функциональное разделение» [Becker, 2004, s. 247]. Применительно к Англии, где эти процессы — как и романтизм — начались раньше, о стирании сословной границы между аристократией и буржуазией (в том числе сельскими зажиточными буржуа) на фоне перемещения бывших крестьян в город, подробно пишет Пьер Шоню [Шоню, 2008, с. 211, 214].

[3] Точнее говоря, темперамент (наиболее значимый из биологических параметров в эпоху классицизма и Просвещения) привязывался к идеологическому кредо (унаследованному от классицизма) и к социальной роли и статусу: отсюда стандартные сочетания вроде упрямого богатого опекуна, веселого плутоватого слуги, чувствительного благородного юноши, «смиренного» корыстолюбивого монаха и т.д.

лишь на два сословия <...> — мужское и женское» (184)[4], — пишет молодой Фридрих Шлегель. Естественным образом изучение гендерной самобытности побудило философов и художников обновить укоренившиеся представления о любви, т.е. о тяготениях и связях, порожденных разностью мужского и женского начал. Значимость любви выросла неизмеримо — быть может, оттого, что в новом мире, с его растущей специализацией, с его окончательным разрывом между рабочей и домашней сферами[5], с его масштабной секуляризацией[6], любовь оказалась едва ли не единственной деятельностью, в которой человек самовыражается целиком, во всей своей полноте[7].

Задача настоящей работы — выделить новаторские черты в представлениях романтиков о гендерной специфике человека (в первую очередь речь пойдет о своеобразии женщины), о целях любви и о необходимых предпосылках счастливого любовного союза. В исследовании точкой отсчета, к которой мы будем неизменно возвращаться, послужит юношеский роман Фридриха Шлегеля «Люцинда». Время развеяло его скандальный ореол, досаждавший автору даже в зрелые, профессорские годы; постепенно стирается с него и клеймо литературной неудачи. В современной немецко- и англоязычной критике «Люцинду» воспринимают скорее как новаторский, программный для романтической мысли *трактат* о соотно-

---

[4] Здесь и далее роман Ф. Шлегеля «Люцинда» цитируется в переводе А. Сидорова по изданию: Избранная проза немецких романтиков. М., 1979. Т. 1; с указанием страницы.

[5] С конца XVIII в. резко возрастает значение работы вне дома и одновременно снижается статус домашнего женского труда. За мужчиной закрепляется сфера производственной деятельности в обществе, роль женщины сведена к воспроизводству внутри семьи. Своеобразной протестной реакцией на этот раздел стало типичное для сентименталистской живописи противопоставление «органической» семейной идиллии (созданной женщиной) и машинного анонимного труда за порогом дома [Wägenbaur, 1996]. Об обособлении и сужении женской сферы в начале XIX в. см. также: [Kremer, 2007].

[6] Эту связь устанавливает, в частности, Конрад Шток, полагающий, что «любовная проблематика оказывается в центре внимания вследствие процессов индивидуализации, модернизации и секуляризации в Европе и Америке» [Stock, 2000, s. 51].

[7] Можно вспомнить одно из программных стихотворений Гейне (Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich / Gedenke ich der alten Zeit, в русском переводе Р. Минкус «На сердце гнет / с тоскою смутной...»), в котором полушутя-полусерьезно суммируются тревожные перемены рубежа веков: на смену покойной, стабильной и относительно простой жизни приходят стремительные сдвиги, быстрый темп, суетливость, отчуждение человека от мира и утрата религиозного чувства. Гейне завершает эту картину признанием, что любовь остается сегодня единственной точкой опоры (Und wäre nicht das bißchen Liebe /So gäb es nirgends einen Halt) для дезориентированного человека.

шении и взаимодействии мужского и женского начал. Созданный на исходе XVIII в. роман Шлегеля, используя слог и философские категории позднего Просвещения, манифестирует новый, романтический взгляд на отношения полов; этот литературный эксперимент вольно или невольно обнажает границу между классической и романтической (т.е., в широком смысле слова, современной) концепцией любви.

«Инаковость» женщины

От сентиментализма Шлегель унаследовал представление о том, что женщина в современном мире, все более индустриальном и урбанизированном, менее отдалена от природы, нежели мужчина. Цивилизация затронула ее лишь поверхностно, внутри же повелевает голос природы, поэтому женщина, в отличие от мужчины, способна «с помощью единой смелой комбинации отрешиться от всех предрассудков культуры и буржуазных условностей и сразу же оказаться в состоянии непорочности и в лоне природы» (134). По мысли романтиков, относительно слабая причастность женщины к процессам индустриализации и урбанизации, и, с другой стороны, ее безоговорочная зависимость от биологических циклов, связанных с деторождением (зачатием, вынашиванием, кормлением) не позволяют ей радикально эмансипироваться, выделиться из «природного состояния». В частности, и речь, и мысль женщины органически слиты с телесным началом, которое проступает сквозь любую условную форму. Если использовать шиллеровскую оппозицию «наивного» и «сентиментального», которую Август и Фридрих Шлегели конкретизировали в своих культурно-исторических работах, то женский пол тяготеет к «наивному» складу, а мужской — к «сентиментальному». При этом погруженность всего духовного в телесное, всего абстрактного — в чувственное, которое Шиллер отмечал у «наивного» искусства и «наивного» характера, представляется романтикам не только ограничением, но и достоинством.

В силу того, что сознание женщины неотделимо от физиологии, она обладает «ощущением плоти»: по Шлегелю, это «прирожденный дар женщин» (134), доступный мужчинам лишь после обучения. Внешне этот дар выражается в присущей женщинам «грации» — почти обязательной характеристике при описании женского образа у сентименталистов и романтиков, той грации, которую Фридрих Шлегель в «Люцинде» демонстративно противопоставляет мужской «неловкости». Напомню, что в знаменитой статье Клейста о «театре марионеток» залогом «грации» признается *непроизволь-*

ность движений, т.е. подчиненность тела законам гравитации, и, напротив, «манерность» (соответствующая «неловкости» Шлегеля) возникает тогда, когда сознательный волевой импульс вступил в противоречие с естественной пластикой тела. Отсюда восхитительная легкость движений, которую отмечают у своих героинь романтики, — ведь женщина, как и ребенок, марионетка, животное и — божество (я пользуюсь примерами Клейста) не стремится преодолеть сопротивление «физического» материала. В романтической литературе женский портрет прочно связан с воздушной стихией, и не случайно в животном царстве ее побратимами чаще всего оказываются птицы и бабочки, — существа, чья пластика не соперничает с законами гравитации, а руководствуется ими.

Впрочем, безусловное первенство при изображении женских образов у романтиков принадлежит цветочной метафорике; в германской и британской поэзии — у Китса, Гейне, Мюллера, Брентано любовная лирика едва ли не перенасыщена растительными мотивами. Романтизм и в этом случае развивал сентименталистскую традицию, которая на рубеже веков сделала уподобление женщины цветку общепринятым стандартом. Поэтому Шлегелю не требуются логические переходы, когда он, объявив, что любит «саму женственность», продолжает: «я боготворю ее, потому что <...> цветок, естественно, является вершиной растения, его природной красоты и его развития» (137). Однако, стоит заметить, что в цветке романтики акцентируют не те свойства, которые ценил век Просвещения. На первом плане у них стоит не соразмерность частей, не нарядная расцветка, не орнаментальная пышность или изысканность, а общая гибкость и упругость цветка. Лучше всего эти качества выявляются в движении, поэтому и Шлегель изображает цветок динамически: «...молния любви вспыхнет в ее нежном лоне и свернутый бутон раскроется в полную цветочную чашечку наслаждения» (135), «милое дитя устремило к нему свою душу, подобно тому, как цветок поворачивается к солнечному свету» (154), «прелестная головка опустилась наконец к нему на грудь, подобно тому как слишком распустившийся цветок томно поникает на своем стебле. Без колебаний стройная фигурка прильнула к нему, шелковистые локоны золотых волос заструились по его руке, в нежном ожидании приоткрылся бутон рта» (155). (К слову, в романтических описаниях стебель цветка играет не меньшую роль, чем, собственно, соцветие, поскольку цветок трактуется как растение, а не как декоративный узор или самоцвет.) Итак, систематически уподобляя женщину творениям природы, романтики и в цветах, и в птицах (разумеется, не любых, а только грациозных), и во всех прочих

аналогиях из животного мира (будь то серна, газель, змейка и т.п.) поэтизируют легкую и утонченную, т.е. рафинированную телесность.

В самом деле: если бы намерением романтиков было противопоставить в лице мужчины и женщины человеческое сознание — природной материи, то подобная рафинированность была бы излишней, ведь материя нагляднее всего проявляет себя в грубых и простых животных формах. Поэтому более вероятно, что романтики скорее сопоставляли два типа сознания, следуя, как уже упоминалось, в русле оппозиции «наивного» и «сентиментального», разработанной Шиллером. Первое — мужское («сентиментальное») сознание — частично обособилось от плоти и стремится переделать, *перестроить природную фактуру извне* (например, путем перестановок и произвольных комбинаций) и оттого неизбежно вступает в противоречие с биологическими запросами тела. Внешним симптомом этого раздора служит то, что Шлегель называл мужской «неловкостью», Клейст — «жеманством», а Новалис — «аффектацией». Ему противостоит женское («наивное») сознание, неразрывно связанное с плотью, которое, действуя *изнутри* и в согласии с телесной логикой и телесными позывами, постепенно облагораживает, *рафинирует* материю, т.е. делает ее более сложной и разнообразной, не сотрясая ее основ. В полемике с классицизмом и просвещением, абсолютизировавшими «мужское» жизнеустройство[8], Шлегель (также, как и Клейст) демонстративно восторгается «женским», органическим укладом: «...чем божественнее человек или его творение, тем более они уподобляются растению — среди всех форм природы оно является самым нравственным и самым прекрасным. Таким образом, высшая и наиболее совершенная жизнь была бы ни чем иным, как только чистым произрастанием» (142). Из контекста следует, что Шлегель имел в виду не бессознательное бытие, но, скорее, медитативное самосовершенствование, при котором человеческое существо «растет и формируется в тиши и само собой». В культурологическом плане он противопоставляет североевропейскому прогрессизму, форсированному, нечуткому к материи («постоянное наше стремление вперед и продвижение

[8] Строго говоря, постепенная реабилитация «женского» и смягчение мужских гендерных установок берут начало в зрелом Просвещении: во Франции эти тенденции прослеживаются еще со времен регентства, а в Англии, северной Германии, а затем и России, где рококо в своей чистоте не утвердилось, это произошло на волне сентиментализма, приблизительно с 1780-х гг. И все же я солидарен с мнением Е.В. Абдуллаева о том, что на исходе галантного века феминизация и смена гендерных ролей в целом не затрагивали основ личности: речь шла об утончении мужской натуры, демонстрировавшемся «в виде светской игры». Напротив, у романтиков «андрогинность касалась не внешних “салонных” признаков, а переносилась на внутренний план личности» [Абдуллаев, 2011, с. 32].

без остановок... пустая беспокойная суетня <...> — уродство, свойственное Северу») традиционализм юга и восточных цивилизаций, способствующий более плавному и органическому развитию: «мышление, творческий процесс <...> возможны только в пассивности. <...> Чем прекраснее климат, тем более способствует он бездеятельности. Только итальянцы умеют ходить, и только восточные люди умеют лежать; где, однако, вдохновение обрело более нежную и сладостную форму, как не в Индии?» (141).

Разумеется, в культуре патриархата, которая давно и безраздельно господствует в Европе, принято мужское начало изображать активным и по преимуществу сознательным/интеллектуальным, а женское — пассивным и по преимуществу телесным/чувственным, поэтому новаторство Шлегеля, а также и всей романтической школы, проявилось не в самом противопоставлении названных качеств, а, скорее, в том, что они представили «женский» способ жизни как *самобытный*, *альтернативный* и *равноценный* мужскому способ *познания* и *развития*. XVIII век близко подошел к этому рубежу, но не преодолел его. В Просвещении, с его уравнительной тенденцией, декларировалось, что женщина — *тоже* человек, наряду с другими обделенными, униженными в прежние века группами — детьми, «дикарями», больными, маргиналами (к примеру, преступниками) и низшими сословиями. На деле это значило, что любой, а не только привилегированный, член социума (каковым признавался взрослый здоровый образованный мужчина знатного происхождения) может привести себя в соответствие с идеалом светского человека и образцового гражданина. В результате нашему вниманию предстают добропорядочные и благовоспитанные «дикари», благородные разбойники, опрятные и деликатные мещане (а то и крестьяне) a la Шарден, Грез, Креспи, Фрагонар («и крестьянки любить умеют!», если воспользоваться формулой Карамзина), и — необычайно сознательные, дальновидные и сдержанные женщины. Все они мыслят и действуют согласно усредненному аристократически-буржуазному этическому идеалу, который окончательно закрепился в XVIII в.; они совершенствуют, уточняют этот кодекс в духе времени, но не выдвигают ему альтернативы. И только у романтиков женщины (а также дети, представители традиционных культур, маргинальные группы (преступники, национальные меньшинства) и простонародье) становятся самоценным полюсом в диалектической оппозиции, будучи противопоставлены взрослому цивилизованному, светскому европейцу мужского пола. Если вынести за скобки восхищение, которое женщина вызывала в культуре Нового времени как совершенный эстетический *объект*, то какие чувства останутся для нее у просветителей? Оста-

нется уважение — в случае, если ей удалось возвыситься до господствующего, мужского этического идеала[9], а также снисхождение или умиление — там, где она, напротив, проявляет свою прирожденную слабость и ограниченность. Совсем иные, более сильные и противоречивые, чувства мы наблюдаем у романтиков: женщина представляется им самостоятельным, альтернативным миром, сложным и связным, со *своей* правдой, качественно *иной* — и оттого загадочной моделью развития; поэтому в их отклике смешиваются жгучее любопытство и страх. Если в сочинениях Шлегеля и Новалиса безусловно преобладает восторженный интерес к «женственности», то у писателей следующего поколения, в особенности у Гофмана, Гейне, Андерсена, Лермонтова, Гоголя, Готорна, По его оттеняют тревога, а подчас и смятение перед лицом *другого* принципа жизни.

Надо признать, что еще с середины XVIII в., в культуре рококо/сентиментализма негативные, в философском смысле, атрибуты «женской» природы (например, не-винность, не-посредственность, ир-рациональность) получают все более благожелательную оценку, однако, при этом не снимается исходная пустота (отрицательность) этих категорий: фактически речь шла только о том, чтобы «смягчить» или очистить от излишеств господствующую, «мужскую», норму[10]. Романтики этим не ограничиваются: в полноценной диалектической оппозиции «женское — это мужское, вывернутое наизнанку», если воспользоваться формулой Герреса. Иначе говоря, любому качеству, развитому у мужчин, будет противостоять не отсутствие оного, а противоположное качество, развитое у женщин. Так, мужской «деятельности», внешней активности,

[9] Не случайно в диапазоне от Ренессанса до Просвещения большой популярностью пользуются сюжеты о незаурядных женщинах, с успехом выдающих себя за мужчин.

[10] О том, что женское начало в эпоху Просвещения трактуется не как самобытная сила, но лишь как ограничитель и корректировщик мужского поведения, красноречиво свидетельствуют высказывания интеллектуалов той эпохи, приведенные в монографии Нины Эптон: так, аббат Блан полагает, что «беседа с женщинами делает наши нравы более изысканными и мягкими... и только из-за небрежения этой привычкой в характере англичан проявляется некоторая неприятная резкость» [Эптон, 2001, с. 275]. Свифт пишет в «Опыте о беседах»: «Даже если бы беседа с дамами не приносила никакой иной пользы, достаточно уже того, что она ограничивает отвратительные разговоры, полные нескромности и неприличия, до которых так легко опускается наш северный дух». Лорд Честерфильд признает, что «мужчины, живущие вместе, без успокаивающего общества женщин, склонны меж собой к легкомыслию, небрежности и грубости» [там же, с. 277]. Во Франции этот процесс начался несколько раньше, «женские» салоны XVII в. «образовывали мужчин, приучая их к цивилизованному поведению в обществе (к “общественным манерам”)» [Успенская, 2002].

продуктивности в глазах романтиков противостоит не «пассивность» и «покорность», а *восприимчивость*, более свойственная слабому, чем сильному полу. «У женщины, — продолжает Геррес, — в духовной сфере способность восприятия, схватывающего феномены внешнего мира, преобладает над мыслительной силой, которая неутомимо производит явления своей собственной, ничем не скованной деятельностью <...> У мужчины, напротив, идея оставляет далеко позади себя все воспринимаемое... Он творит изнутри вовне, во внешнюю природу»[11]. Если мужчина, по Герресу, активно вторгается во внешний мир, преобразуя его по умозрительной модели, то женщина, напротив, вбирает в себя окружающий мир и преобразует свое сознание в соответствии с чувственными восприятиями. Шлегель также отмечает у женщин развитую восприимчивость, необыкновенную чуткость ко внешним воздействиям («она улавливала малейший намек и отвечала на вопрос, который даже не был задан» (168) и пластичность духа, готового сообразовывать себя с окружающей средой — неудивительно, что Люцинда (а не Юлий) становится «душой компании»: «вскоре он привлек в свой круг нескольких выдающихся людей, Люцинда их объединила, и таким образом возникло непринужденное общество, или вернее, большая семья, члены которой <...> никогда друг другу не надоедали. <...> Юлий разговаривал с ними реже, но Люцинда умела их занимать, и притом так, что ее изощренная разносторонность восхищала всех ее собеседников» (178). В любом случае внешнему преобразованию окружающего мира противопоставляется вбирание, поглощение и внутренняя трансформация, приспосабливающая личностный склад к окружающей среде. Ни деятельности, ни развития, ни творчества подобный способ жизни не исключает. К примеру, вокальное искусство, которое требует чуткости ко внешнему материалу, его интериоризации и собственного перевоплощения в согласии с этим материалом, романтики ассоциируют почти исключительно с женской натурой. Хотя мужчина и превосходит женщину как творец нового, он определенно уступает ей как медиатор[12].

---

[11] Цит. по: Эстетика немецких романтиков. СПб, 2006, с. 65 (пер. А.В. Михайлова).

[12] На практике это выразилось в том, что салон (т.е. зона свободного, непринужденного интеллектуального общения и сотворчества) в романтическую эпоху часто переходит в ведение женщины-«хозяйки» (Жермена де Сталь, Жюли Рекамье, Каролина Шлегель-Шеллинг, Доротея Фейт, Рахель Фарнхаген, Зинаида Волконская и др.). Формально тенденция эта зародилась во Франции еще в середине XVII в., однако, надо учитывать, что в ту эпоху салон был местом церемониального, вычурного по манере общения (осмеянного Мольером), а женщина — в большей мере украшением и распорядительницей, чем модератором беседы.

Нерасторжимая связь сознания с физиологией гарантирует бóльшую цельность женской натуры в сравнении с мужской. Это врожденное свойство особенно заметно проявилось на фоне промышленного переворота и специализации труда, которые затронули в первую очередь «сильный пол»[13]. В терминах Новалиса, они [женщины] «более слитны и неделимы, чем мы»[14]. Подобная цельность натуры восхищает и Юлия в Люцинде: «все ты чувствуешь полноценно и безгранично, тебе не ведом внутренний раскол, твое существо едино и нераздельно» (122). Речь идет о большей, сравнительно с мужчиной, согласованности различных аспектов личности внутри целого, или, говоря другими словами, о наличии устойчивого, ярко выраженного камертона. Неудивительно, что женщине дано пребывать в состоянии «гармонической теплоты» (135), в то время как мужчину бросает из жара в холод. Все импульсы распространяются в ней более равномерно и всесторонне, чем в мужском организме, чьи личностные пласты слабее связаны друг с другом, а состояния — дискретны. Например, «любовь, которая для женской души является безраздельным и простым чувством, у мужчины может проявляться лишь как чередование и смешение страсти, чувства дружбы и чувственности» (176). Даже «испорченная» с точки зрения общества куртизанка восхищает Юлия своим «последовательным поведением» (159), верностью своему «характеру». Если у Шлегеля противопоставление сомневающегося, раздвоенного мужчины и женщины, которая чувствует и действует *целиком*, только декларируется, то в дальнейшем эта оппозиция станет чрезвычайно популярной в романтизме, в частности, у Клейста, Лермонтова, Фуке, Готорна и у французской романтической школы в целом (прежде всего у Мериме, Мюссе, Констана, Жорж Санд, Шатобриана, Нодье).

Но как же тогда романтики объясняли феномен светской дамы — женщины с ослабленным материнским инстинктом, которая, едва родив, передает ребенка кормилице, женщины, которая ночами танцует на балах, а днем отсыпается наперекор естественному

На смену галантному салону пришли политизированные салоны предреволюционных и революционных лет, хозяйки которых, образованные и социально активные дамы (мадам Ролан, мадам Кондорсе, Клара Лакомб) наравне с мужчинами участвовали в дискуссиях на политические и социальные темы. Однако в общеевропейском масштабе центром непринужденного общения образованная женщина стала именно на рубеже веков и в первые десятилетия XIX в.

[13] По выражению Э. Райнхардт-Бекер, «дифференциация и отчуждение еще не коснулись женщины, она живет еще на старинный лад (vormodern), находится в природном состоянии, и мужчина, с его раздробленностью, мечтает о таком бесконфликтном типе индивидуальности» [Becker, 2004, s. 258].

[14] Цит. по: *Novalis*. Dichtungen und Prosa. Leipzig, 1975. S. 579.

биологическому ритму, женщины, в которой интеллектуальное начало оторвалось от чувственного, женщины самодостаточной и эгоцентричной, холодной, расчетливой и неискренней? В романтической системе координат все коренные изъяны — дробление характера и дискретность в целом, эгоистический солипсизм, не способный к эмпатии, пустая, оторванная от чувственных восприятий умозрительность — являются не прирожденным свойством «слабого пола», а напротив, результатом «порчи», извращением женской натуры. Вспомним, какой душевный надлом пережил Октав, герой «Исповеди сына века», воочию убедившись в двуличии своей подруги, которое проявилось как физическая дискретность: в то время как под столом ее нога сплеталась с ногой соседа, над столом любовница Октава поддерживала светскую беседу с другим гостем. Молодого человека потрясла не сама измена, но двоедушие, расщепление натуры, которого он решительно не мог допустить в женщине. Любовница Октава видится ему теперь «чудовищем», как и ее подруга, которая в разгар душевных излияний, задыхаясь от слез, намеренно принимает соблазнительную позу (опять телесный диссонанс, свидетельствующий о дискретности). У Бальзака в «Шагреневой коже» Рафаэль назовет «чудовищем» Феодору, холодную и эгоистичную интеллектуалку. В Германии Клейст реализовал в своей мистерии о «Кетхен» эту метафору буквально: под женской личиной интриганки Кунигунды фон Турнек скрывается своего рода киборг, монстр, само тело которого дробится на искусственные детали.

Как видим, «извращенную» светскую даму с ее устойчивыми характеристиками (дробление, холодность, замкнутость) нетрудно представить в виде демонической женщины-вамп, которая часто фигурирует в романтическом сюжете. Однако в настоящей статье я ограничусь рационализированным вариантом «неестественной» женщины, допускающим лишь неявную, завуалированную фантастику. В этом случае отпадение от природы у романтиков, как правило, грозит женщине физической деградацией, саморазрушением организма. Если вслед за Гейне вглядеться в душу светской красавицы, темную и холодную, мы увидим змею, которая «гложет [ей] сердце» и поймем, «как тяжко [она] страдает» («Я не сержусь»). У Готорна черная оспа в конечном итоге лишает леди Элинор природной красоты, от надменной аристократки остается лишь «куча гнили» (в написанной в том же году знаменитой сказке Андерсена от самовлюбленной танцовщицы «осталась только блестка. Но она уже не сверкала — почернела, как уголь»). Мюссе разворачивает перед читателем галерею порочных женщин с физическими изъянами

или симптомами болезни — молодую проститутку с хриплым, надорванным, как у старухи, голосом, ослепительную бездушную итальянку, чье тело холодно, как мрамор (будущая Элен Курагина), опустившуюся гризетку, которую влюбленный в нее юноша встретит «на ночных оргиях в публичном доме, бледную, зараженную сифилисом, навсегда погибшую, с печатью голода на губах и разврата в сердце». Даже советница Бенцон (в гофмановском «Мурре»), с ее изворотливым умом и внешней респектабельностью, видится ее противнику, Абрагаму, не злодейкой, а, скорее, жертвой собственных разрушительных страстей, несчастной, физически страдающей женщиной.

Если учесть, что в столкновении «природы» и «цивилизации» у романтиков в конечном итоге неизменно торжествует природа, то в женской натуре это должно проявиться наиболее отчетливо. Фридрих Шлегель не верит, что холодная кокетка является устойчивым и самобытным типом женщины, и, вполне в романтическом духе, склоняется к упомянутой выше теории «порчи» и «болезни». «Неизлечимы ли они, потому лишь, что их никто не пытался лечить? — вопрошает он. — Я не думаю, чтобы когда-либо их неестественность была надежной, даже если они достигли в ней такой легкости и последовательности, что создается видимость последовательности и характера. Однако это всего только видимость: огонь любви неугасим, и даже под густейшей золой тлеют искорки» (136). Соответственно, мужчина берет на себя миссию «раздуть эти священные искры, очистить их от золы предрассудков», т.е. возродить в женщине ее природную первооснову. И снова модель отношений, заявленная, но не реализованная в «Люцинде», в дальнейшем не раз воплотится в творениях романтиков. Обнаружить этот сюжет можно в историях о женщине, которая под давлением патриархального, мужского мира (вину за «извращение» романтики возлагают исключительно на мужчину!) охладела, замкнулась и ожесточилась, т.е. извратила ключевые свойства женской натуры и в которой мужчина, вольно или невольно, пробуждает дремлющую женственность, словом, в историях, которые восходят к любимой не только немецкими романтиками сказке Карло Гоцци о надменной принцессе, и далее — к барочным пьесам о смягчении сильной женщины, вроде «Собаки на сене» или «Укрощения строптивой», и далее — к северным мифам о валькириях и фольклорным легендам о мертвой царевне. Тему эту разрабатывал Клейст в «Пентесилее» и «Обручении в Сан-Доминго» (Тони), Готорн в «Мантилье леди Элинор», частично в «Алой букве» и «Доме о семи фронтонах» (Гефсиба), Мериме

в «Двойной ошибке» и «Арсене Гийо» (мадам де Пьен), Гофман в «Эпизоде из жизни трех друзей», Гоголь в «Ночи перед Рождеством» и «Невском проспекте», Пушкин в «Египетских ночах», а ее преломление в постромантической литературе (например, в «Больших надеждах» Диккенса, «Идиоте» Достоевского), безусловно, заслуживает серьезного исследования вне рамок настоящей статьи.

(*окончание статьи в следующем номере*)

Список литературы

Абдуллаев Е.В. Гений и андрогин. Об одном сюжете из платоновского «Пира» у Пушкина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2011. Вып. 1. Т. 5.

Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012.

Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002.

Максимов Б.А. Мнимая смерть и возрождение: образ ночи в «Гимнах к ночи» Новалиса // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Мир романтизма». Тверь: ТвГУ. 2010. № 15 (30).

Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII-XVIII веков // Женщина. История. Общество. Сборник научных статей. Вып. 2. Тверь, 2002.

Шоню П. Цивилизация Просвещения. Екатеринбург, М., 2008.

Эптон Н. Любовь и англичане. Урал Л.Т.Д., 2001.

Becker F. (*Hg.*) Geschichte und Systemtheorie. Exemplarische Fallstudien. Frankfurt a. M., 2004.

Beese H. Lucinde. Die Frau in der Literatur. Berlin, 1980

Behler E. Frühromantik. Berlin u. a. 1992.

Bei Gefahr des Untergangs — Phantasien des Aufbrechens: Festschrift für Irmgard Roebling. Wuerzburg, 2000.

Dischner G. Friedrich Schlegels Lucinde und Materialien zu einer Theorie des Müßiggangs. Hildesheim, 1980.

Domoradzki E. «Und er erschuf die Frau nach seiner Sehnsucht»... // Der Widerspenstigen Zaehmung. Hrsg. v. S. Wallinger u. M. Jonas. Innsbruck, 1986.

Kremer D. Romantik. 3. Aufl., Stuttgart, 2007.

MacLeod C. Embodyng Ambiquity: Androgyny and Aesthetics from Winckelmann to Keller. Detroit, 1998.

Redfield M. Lucinde`s Obscenity // Rereading Romanticism. Amsterdamer Beitraege zur neueren Germanistik. Band 47, 2000.

Reinhardt-Becker E. Seelenbund oder Partnerschaft? 1 Aufl. Frankfurt am M., 2005.

Schlaffer H. Frauen als Einloesung der romantischen Kunsttheorie. Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft 21, 1977.

Stock K. Gottes wahre Liebe. Theologische Phänomenologie der Liebe. Tübingen, 2000.

Wägenbaur B. Die Pathologie der Liebe: Literarische Weiblichkeitsentwürfe um 1800. Berlin, 1996.

Weigel S. Topographien der Geschlechter: Kulturgeschichtliche Studien zur Literatur. Hamburg, 1990

Wolfson S.J. Borderlines: The Shiftings of Gender in British Romanticism. Stanford, 2006.

Wolfson S.J. Romanticism and Gender // A Companion to Romanticism / Ed. by Duncan Wu. Oxford, 1998.

Поступила в редакцию
05.03.2015

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

В.А. Ткаченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vera.a.tkachenko@yandex.ru

О.Е. Кобякина, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: olga-kobyakina@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ОЦЕНКА ПРАКТИКОВ

В статье рассмотрены результаты опроса практиков связей с общественностью о задачах и проблемах коммуникаций вузов с их целевыми аудиториями. Результаты соотнесены с актуальными тенденциями системы связей с общественностью в целом и связей с общественностью для высшей школы, включая рефлексию данной деятельности в научных исследованиях.

Ключевые слова: *связи с общественностью, высшая школа, вузы, университеты.*

The article is devoted to the results of PR practioners survey on goals and problems of communication of high school with its target audiences. The results correspond with trend of current importance within the system of public relations itself and public relations for education PR including actual science reflection of these fields.

Key words: *public relations, high school, universities.*

Введение

Связи с общественностью могут рассматриваться как коммуникативный универсум, диалогическое пространство, в рамках которого различные общественные субъекты согласуют свои интересы и актуализируют свою деятельность. В более инструментальном, прикладном смысле связи с общественностью представляют собой комплекс технологий-алгоритмов использования каналов и носителей информации, исследовательских методик, который позволяет решать целый спектр функциональных задач различных организаций, общественных институтов, профессиональных сообществ и т.д. Связи с общественностью предлагают набор способов взаимодействия с различными целевыми аудиториями, позволяющий достигать общего понимания тех или иных вопросов, как следствие, способствующий решению задач совершенно различного масштаба и природы: от реализации маркетингового плана до формирования эффективных команд и коллективов, привлечения средств на благотворительные цели, оптимизации взаимодействия в рам-

ках решения насущных общественных проблем и т.д. В основе активности сферы связей с общественностью всегда лежит задача по эффективному информированию аудитории и налаживанию коммуникативного — диалогического — взаимодействия с ней.

Эта задача решается общественными субъектами не самостоятельно, а с помощью институтов PR, поскольку они предлагают профессиональные компетенции и решения именно для таких целей. «Цивилизационные процессы, полисубъектность информационного пространства, интегративные и конвергентные процессы, тенденции саморазвития общественных систем являются глобальными и локальными векторами для развития связей с общественностью» [Гринберг, 2012, с. 8], связи с общественностью отвечают коммуникационным, креативным, технологическим тенденциям общества, помогая компаниям и организациям встраиваться в них.

Высшая школа — особый субъект социальных коммуникаций, сочетающий и весьма диверсифицированные цели и функции, и сложный состав целевых аудиторий, и неоднородность корпоративной структуры. С другой стороны, есть и определенные общественные, порой даже государственные ожидания от действий университетов в публичной сфере, от их коммуникации с обществом. Связи с общественностью могут помочь университетам не только в решении насущных задач — управленческих, репутационных, но и способствовать реализации их социальной миссии как интеллектуальных центров.

Одновременно сегодня активизируется ряд взаимосвязанных факторов: 1) обостряется конкурентная борьба вузов, обусловленная сложной экономической и демографической ситуацией; 2) повышается внимание государства к эффективности вузов, отражающееся в интенсификации проверок в контексте лицензирования их деятельности; 3) все больше вузов России формируют собственные информационные центры, пресс-службы и департаменты по связям с общественностью, в том числе и в рамках реализации проекта по вхождению 5 российских вузов в первую сотню международных рейтингов университетов к 2020 г.[1]; 4) инициируются как институциональные, так и индустриальные исследования. Под институциональными исследованиями мы понимаем научную рефлексию роли связей с общественностью и направленных коммуникаций в работе высшей школы, индустриальные же исследования реализуются участниками рынка PR. Так, например, одно

[1] Указ Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html

из столичных коммуникационных агентств-лидеров индустрии в партнерстве с ОАО «РВК» не только запустило работу портала «Открытая наука»[2] и проект «Коммуникационные лаборатории», призванный стать «площадкой для общения и обмена опытом представителей научного сообщества, образования и СМИ, а также для выявления нового класса специалистов: коммуникаторов в научной сфере»[3], но и выпустило сборник «Формула научного PR»[4], объединивший мнения профессионалов по связям с общественностью, журналистов, специалистов по коммуникациям в сфере инноваций, научным коммуникациям касательно представления научной информации в медиа разных типов.

Обозначенные тенденции делают изучение связей с общественностью от имени высшей школы особенно актуальными. Однако и заставляет нас сразу оговориться, что в фокусе нашего внимания на текущем этапе находятся именно связи с общественностью от имени вуза как научно-образовательного учреждения. Собственно научные коммуникации являются масштабной темой и не менее актуальной, но для смежного исследования, поскольку не включают в себя такие вопросы, как, например, построение взаимоотношений с аудиторией абитуриентов, поддержание сообществ — выпускников, студенческой общественности, коммуникационное обслуживание управленческих стратегий вуза и т.д. Хотя надо признать, что связи с общественностью от имени университета и медиатизация его деятельности не могут обойтись без популяризации научных знаний и достижений.

Обзор литературы

Пока в отечественной литературе тема связей с общественностью для высшей школы представлена относительно скромно. В основном в ее контексте рассматриваются отдельные категории PR. Однако такой подход позволяет через призму основных категорий рассмотреть — особенно при интенсификации исследований — спектр задач, стоящих перед PR в высшей школе. Так, имидж, корпоративная идентичность, бренд вуза стали предметом научных интересов таких исследователей, как Е.Г. Беккер, Т.Н. Бурделова, А.Ю. Юданов [Беккер, Бурделова, Юданов, 2012], С.Н. Павлов [Павлов, 2011], Ю.Ю. Звездочкин, Б.Ю. Сербиновский [Звез-

[2] Ученые и журналисты смогут стать ближе. URL: http://www.spncomms.com/news_1431.htm

[3] Ученые входят во вкус вместе с SPN и PBK. URL: http://www.spncomms.com/news_1342.htm

[4] Формула научного PR. М., 2014.

дочкин, Сербиновский, 2009]. В русле маркетинговой парадигмы изучают информационно-коммуникационное обеспечение деятельности вузов такие исследователи, как С.Г. Борисова [Борисова, 2008; Борисова, 2010], Р.Б. Галеева [Галеева, 2011]. Можно найти источники, которые фокусируются именно на маркетинговом продвижении образовательных услуг или вопросах повышения конкурентоспособности вузов, авторы таких исследований — Н.М. Авсянников [Авсянников, 2007], О.В. Сагинова [Сагинова, 2006], Г.Д. Бухарова, Л.Д. Старикова [Бухарова, Старикова, 2010], Е.Д. Липкина [Липкина, 2006] и др.

Множество статей посвящено важности коммуникационной работы со «стейкхолдерами» вузов, формированию имиджа вуза, сотрудников и выпускников вузов, отдельным технологическим аспектам связей с общественностью для высшей школы. Эти темы регулярно поднимаются, например, на страницах издания «Высшее образование в России»[5], разрабатываются исследователями и Московского университета [Ткаченко, 2013; Гуреева, 2015].

Появляются небезынтересные диссертационные исследования, посвященные коммуникационным и маркетинговым аспектам функционирования вузов.

Однако можно отметить нехватку комплексных и разносторонних исследований реализации всего арсенала системы PR в практике высшей школы, анализа коммуникационной сущности диалогических процессов, коммуникационных трансформаций, пронизывающих деятельность вузов, в частности, университетов как генераторов знаний и инноваций.

В виду специфичности отечественного рынка образовательных услуг и локальных особенностей принципов связей с общественностью мы в основном фокусируемся на обзоре российских источников. Вместе с тем, очень ценные материалы представлены зарубежными трудами, в особенности публикациями в профессиональных изданиях. Они посвящены осмыслению актуальной практики и дают много полезных и применимых рекомендаций.

Среди массива иностранных исследований, посвященных собственно связям с общественностью в университетской среде или сосредоточенных на научных коммуникациях [см., напр.: Bauer, Bucchi, 2008], особое внимание нам хотелось бы обратить на ряд материалов, анализирующих роль и перечень задач PR-специалиста в вузах в соотнесении с функциями связей с общественностью и коммуникационным потенциалом этой системы.

[5] URL: http://vovr.ru

Как отмечают авторы, привлечение к сотрудничеству с вузами специалистов по связям с общественностью, например, в США является нормальной и давней практикой. Однако и по сей день это сотрудничество не однородно по качеству, спектру задач, восприятию исполнителя и нанимателя и т.д. Одной из центральных проблем называют сохраняющееся недопонимание роли PR-специалиста и тех обязанностей, которые он выполняет и может выполнять для улучшения работы учреждений высшего образования [Anctil, 2003; Carr, 2009; Cooper, 2007; Lewison, Hawes, 2007; Sickler, 2005; Stover, 2005].

Одно из последних масштабных исследований на данную тему было проведено под руководством Розалин Уитакер-Хек из Университета Джорджа Вашингтона (США). Результаты были представлены в издании национальной PR-ассоциации [Whitaker-Heck, 2014]. Количественное исследование показало степень удовлетворительности выполнения профессиональных обязанностей и соответствия выполняемых действий потенциалу профессии в соотнесении с пятью аспектами: решением проблем и работой с негативом; управлением; исследованиями; стратегическим планированием и определением коммуникационной политики; тактико-техническими коммуникационными задачами. Как показало исследование, некорректная или неполная профессиональная реализация все еще характерна для PR-специалистов, принявших участие в исследовании. Если в теории PR-специалисты должны представлять собой своего рода «микс» коммуникатора и управленца, имеющего прямой доступ к руководству организации, консультировать его по вопросам прогнозирования взаимодействия с ключевыми группами и стратегического планирования, то в реальности такая ситуация встречается далеко не в каждом вузе. Более того, исследование показало, что недопонимание потенциала направленных, грамотно и профессионально организованных коммуникаций ставит вузы под угрозу потери взаимопонимания с рядом ключевых групп и — как следствие — средств для обоюдовыгодного выхода из различных ситуаций.

Мы не претендуем на подобную всеохватность в анализе, более того, в Российской Федерации необходимость коммуникационной поддержки и медиатизации деятельности вузов пока только осознается, пусть и динамика появления пресс-служб в высшей школе имеет характер бума. Мы далеки от той стадии профессиональной институализации, когда практики, специализирующиеся на коммуникациях в высшей школе, объединены в лигу под эгидой национальной индустриальной ассоциации. Так, например, Сообщество по связям с общественностью Америки (Public Rela-

tions Society of America) объединяет более 400 специалистов, практикующих PR в высшей школе. Однако уже сегодня следует ясно увидеть потенциал и «ареал» задач профессии для повышения качества работы вузов в целом и университетов — в частности. На социальную и практическую значимость этой проблемы мы уже указывали ранее.

Нам кажется важным в этих условиях подходить к исследованию феномена «связи с общественностью для вузов», скажем так, дробно: точечно, критично, рефлексивно и достаточно подробно исследовать мнения, видение и практику каждой из сторон, участвующих в процессе; выделить отдельные направления деятельности, как например, взаимодействие с выпускниками, брендинг, использование ресурса собственных медиа вузами как корпоративных средств информации. При этом важно понимать, что это не только составные части управления репутацией, работы с лояльностью, маркетинга образовательных услуг, но комплекса связей с общественностью в целом, который является «вполне рациональным практическим ответом модернизирующегося общества на насущные вопросы своего политического, экономического, духовно-нравственного бытия, связанный с эмпирическим поиском общественного согласия» [Шмоткина, 1996].

Важную для нас мысль сформулировал профессор В.М. Горохов: «Доминирующая роль маркетинговой концепции рекламы и PR не ставится под сомнение, но с необходимостью дополняется социокультурной концепцией рекламы и PR. Суть этой концепции заключается в утверждении рекламы и PR как инструментов социализации общества, гуманизации общесоциальных и корпоративных отношений» [Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций, 2012, с. 5]. Еще раз подчеркнем, что маркетинг и связи с общественностью в своей деятельности порой следуют синонимичным целям, но не являются для нас сущностными синонимами. Мы в гораздо большей степени фокусируемся на необходимости активной медиатизации своей деятельности, демонстрации публике своих достижений, упорядочивании коммуникации с различными целевыми группами, использование коммуникативных инструментов и технологий PR в широком социальном контексте. Все это сегодня — актуальная практика университетов.

Методология и методика исследования

Методологическим контекстом исследования также стала диалогическая теория связей с общественностью в развитие которой существенный вклад внесли такие исследователи, как Майкл Кент

и Морин Тейлор [Кент, Тейлор, 2002], ученые из Университета Оклахомы США[6]. В своих трудах они подробно анализируют принципы диалогических коммуникаций, способные оптимизировать процесс урегулирования сторонами своих интересов в согласии с общим социальным вектором.

Кроме того, на нашу оценку явлений сферы связей с общественностью влияет и диалогический подход (в иностранной литературе — Excellence Theory, или теория совершенства), апологетами которого являются Дж. Грюниг, Л. Грюниг, Т. Хант, Д. Дозье [Hunt, Grunig, 1994; Grunig, Grunig, Dozier, 2002][7].

Эти теории представляют двунаправленные симметричные коммуникации как более эффективные и этичные в сравнении с однонаправленными или ассиметричными.

Что касается функций и задач связей с общественностью, то они неоднократно обобщались рядом авторов, как российских, так и зарубежных, наиболее полным и систематизированным нам кажется перечисление, приведенное в коллективном труде «Связи с общественностью. Теория, практика, коммуникативные стратегии». Авторы утверждают, что «базовая функция связей с общественностью заключается в том, чтобы создать вокруг своего субъекта благоприятную коммуникативную среду, т.е. помочь организациям приспособиться к окружению, в котором они работают» [Горохов, Гринберг, 2011, с. 11]. Описанный в источнике комплекс локальных функций включает в себя коммуникационную, информационную, управленческую, консалтинговую, прогностическую, социологическую, социальную, экономическую и психологическую функции.

С ним мы будем соотносить свое ви́дение и оценку функций связей с общественностью в контексте высшей школы, данную профессионалами PR. Отметим, что расшифровываются эти функции исследователями в русле диалогического понимания сущности связей с общественностью.

Для реализации «точечного замера» практики был проведен опрос среди специалистов агентств по связям с общественностью. Им задавались одинаковые открытые вопросы:

1) Обслуживаются ли в вашем агентстве высшие учебные заведения? Перечислите их. На постоянной основе или разово?

2) Какие услуги наиболее востребованы такими клиентами?

---

[6] См. также: *Зайцев А.В.* Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 7. URL: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725

[7] См. также: *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002.

3) Какие основные проблемы возникают при взаимодействии со СМИ в рамках этих проектов?

4) Какие барьеры вы видите во взаимодействии вузов и целевых аудиторий?

Опрос проводился в рамках работы Центра по изучению медиакоммуникаций высшей школы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и утвержденной годичной программы исследования «Корпоративные коммуникации высшей школы», включающее в себя оценку того, какие направления PR-активностей наиболее востребованы вузами и как запросы вузов воспринимаются практиками PR-индустрии.

Был проведен анализ новостных лент и открытых списков клиентов PR-агентств, входящих в 20 лидеров по версии Ассоциации компаний-консультантов в области связей с общественностью (АКОС) и исследовательской компании «Медиалогия»[8]. Были проанализированы упоминания о взаимодействии PR-агентств с клиентами сферы образования за 10 предшествующих опросу месяцев, размещенные в специализированных изданиях (журнал «Советник», отраслевой новостной портал Sostav.Ru и др.). Был составлен список контактов, включавший 30 агентств, в который вошли: 1) лидеры отрасли, имеющие опыт работы с вузами; 2) лидеры отрасли, способные экстраполировать свой богатый опыт социальных коммуникаций на данную сферу; 3) агентства, не входящие в топ-20, сотрудничающие с высшей школой (в списке ниже это «Intelligent Matters», «Март», «Полилог»).

Мы получили интервью, которые могли дать достаточные для исследования данные, в 11 агентствах. В опросе приняли участие специалисты агентств «FleishmanHillard Vanguard», «PR-Партнер», «Р.И.М. Портер-Новелли», «АГТ», «ProVision Communications», «SPN Communications», «КРОС», «Никколо-М», «Полилог», «Intelligent Matters», «Март». В некоторых агентствах («SPN Communications» и «АГТ») удалось взять интервью у нескольких ведущих специалистов. Некоторые агентства не согласились раскрывать информацию или не пошли на контакт, некоторые отказались от взаимодействия, ссылаясь на отсутствие опыта работы с заказчиками-образовательными учреждениями и нежелание распространить свои экспертные обобщения на предмет нашего исследования (в частности, «Кузьменков и партнеры», «Ketchum Maslov»). Были и такие (в основном, небольшие агентства), чьи проекты для высшей школы носили локальный характер, что не могло дать ценной информации для анализа.

[8] PR-агентства — январь 2014. URL: http://www.mlg.ru/company/pr/2846

Ответы на вопросы были получены в ходе личного общения, телефонного интервьюирования и предоставления заполненного опросного листа в электронном виде. К сожалению, в ряде случаев ответы не были развернутыми или были вообще односложными, что не позволило включить их в массив анализируемых данных.

Анкетирование проходило в октябре–декабре 2014 г., в январе 2015 г. данные анализировались. При составлении контактного списка агентств мы опирались на показатели рейтинга, составленного в январе 2014 г. (см. выше), и данные о клиентах агентств, постоянно размещенные на их сайтах, а также фигурирующие в упомянутых источниках в период с января по октябрь 2014 г.

Надо сказать, что мы обратили большее внимание на опыт ведущих PR-агентств, поскольку они зачастую получают более сложные и масштабные проекты, в принципе задают тон в методах и способах работы отрасли, следуют высоким стандартам качества работы и более адекватно оценивают свои действия. Они имеют больший масштаб включенности в дискуссии проблем отрасли и выработку индустриальных стандартов в целом, способны к масштабным обобщениям, благодаря наличию большого числа проектов в разных сферах и для разных социальных институтов.

Содержание и результаты исследования

Мы представляем результаты опроса в обобщенном виде, суждения, приведенные ниже, — мнение подавляющего большинства опрошенных, явно отличные точки зрения или уточнения приводятся отдельно. Можно сказать, что практики были достаточно единодушны в оценке реалий связей с общественностью в высшей школе и своего опыта взаимодействия с вузами в качестве заказчиков или партнеров в работе.

Комментируя ход исследования, отметим, что сохраняется тенденция, которую уже преодолел рекламный рынок, где агентства открыто заявляют о сотрудничестве с теми или иными компаниями и организациями. Специалисты по связям с общественностью порой уклончиво отвечают на вопросы о сотрудничестве с конкретными заказчиками, считая, что так они охраняют в том числе и их интересы, помогая актору коммуникаций быть на первом плане взаимодействия с целевыми аудиториями. Это связано, на наш взгляд, и с особенностями саморегуляции отношений в профессии, когда один заказчик может обслуживаться у нескольких агентств, по своему усмотрению распределяя задачи и бюджеты между ними. И со спецификой конкуренции и восприятия конкурентной борьбы игроками рынка.

Первый блок вопросов нашего исследования был сформулирован так: «Обслуживаются ли в Вашем агентстве высшие учебные заведения? Перечислите их. На постоянной основе или разово?»

Во-первых, это позволило провести фильтрацию контактов, оставив только значимые для исследования, во-вторых — понять, имеют ли агентства опыт обслуживания заказчиков из сферы высшей школы, опыт консультирования или реализации совместных проектов с ними. В целом же, информация, полученная из ответов на эти вопросы, позволяет судить о поведении вузов на рынке PR.

Так, случаи привлечения к сотрудничеству вузов как постоянных заказчиков единичны, в основном это разовые проекты или обслуживание мероприятий (выставки, дни открытых дверей, фестивали, масштабные конференции). Прозвучало мнение, что наиболее системно среди столичных вузов с агентствами взаимодействует Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», совмещая развитие собственной коммуникационной службы и привлечение внешних подрядчиков на регулярной основе. Другие же вузы, как видится практикам, делают ставку на текущем этапе на формирование собственных PR-департаментов, объединяющих линии работы на ниве внешних коммуникаций (преимущественно — медиарилейшнз) и упорядочивания и повышения качества корпоративных медиа или медиацентров.

«Какие услуги наиболее востребованы клиентами, представляющими высшее образование?» — так звучал следующий вопрос исследования.

Основные направления работы PR-агентств, обслуживающих вузы, — привлечение абитуриентов, включая иностранных студентов, формирование бренда, налаживание связей с работодателями и профессиональной индустрией, сопрягающейся с профилем вуза, позиционирование как экспертного или научно-исследовательского центра, организационная и информационная поддержка мероприятий.

Единично говорилось о том, что вузы обращаются за консультациями о PR-стратегии и распределении ограниченных ресурсов по направлениям коммуникации.

Средства решения, предлагаемые PR-практиками, — медиатизация деятельности, преимущественно направленная на работу со средствами массовой информации, работа с социальными сетями, профессиональный мониторинг медиа. Среди конкретных инструментов упоминались пресс-мероприятия, организация размещения комментариев экспертов вуза в самом широком спектре изданий, наращивание числа упоминаний, помощь в публикации материалов в профессиональных и научных изданиях.

Вопрос «Какие основные проблемы возникают при взаимодействии со СМИ в рамках этих проектов?» был призван выявить эмпирическое или теоретическое понимание основных барьеров, которые возникают во взаимодействии вузов с различными медиа.

Основные проблемы здесь, по мнению опрошенных экспертов, — непонимание базовых принципов взаимодействия с журналистами (проактивность, скорость и т.д.), отсутствие креативности в подходах к информационным поводам, непонимание информационных нужд редакции.

Интересное наблюдение: информационные поводы вузов, по мнению некоторых специалистов, зачастую в условиях медиарынка не являются конкурентоспособными. Эксперты вузов больше востребованы как «интеллектуальные комментаторы», способные дать взвешенную и порой неординарную оценку экономическим или политическим событиям мира.

С другой стороны, некоторые специалисты утверждали, что рейтинг не зависит от PR-услуг, включая и число упоминаний в СМИ. Для повышения статуса вуза необходимо, прежде всего, здравое руководство, качественная, конкурентоспособная и результативная образовательная программа и продуктивная научная деятельность. Тогда будет и выход на нетривиальные темы для освещения в средствах массовой информации.

В ходе обсуждения данного вопроса сразу же зазвучала тема конфликтов или диссонансов, возникающих уже на этапе взаимодействия вузов с агентствами. Среди основных упоминались сложность согласования, отсутствие оперативности в работе вуза, забюрократизированность и отсутствие гибкости в системе принятия решений в вузе, ограничения бюджета, страх перед раскрытием информации, как следствие, — «бедность фактуры».

Единично отмечалось то, что особой разницы между налаживанием отношений между вузом как заказчиком PR-услуг и коммерческой организацией нет. Однако большинство опрошенных отметило крайне «бюрократический лад» в общении с представителями вузов и наличие специфики в составе аудиторий вузов.

«Какие барьеры вы видите во взаимодействии вузов и целевых аудиторий?» — этот вопрос был призван осветить проблемы не только публичных коммуникаций вузов, но и общие ошибки в подходах ко взаимодействию с различными аудиториями.

Барьеры в общении с целевыми аудиториями — непонимание специфики разных групп, принципов дифференциации новостных поводов и тезисов, лежащих в основе коммуникационных кампаний, отсутствие трезвой оценки своих преимуществ и недо-

статков, противопоставление себя профессионалам журналистики и связей с общественностью.

Профессионалы замечают, что вузам не хватает собственных сил («и ежедневной практики работы на PR-рынке») для анализа коммуникационной сферы и конкурентной среды, для понимания проблем, для грамотной постановки целей и задач.

Практики говорили и о том, что минус для вуза в использовании ресурса по связям с общественностью, — это отсутствие быстрых результатов. Да, порой при налаживании системы PR и упорядочивании коммуникаций позитивный отклик очевиден и поступает сразу — улучшаются показатели целевого инвестирования в проекты университета, например. Или аудитория регулярного мероприятия значительно расширяется. Но в целом связи с общественностью предполагают регулярные затраты на длительно реализуемые действия, направленные на обеспечение постоянного уровня качества контакта с различными целевыми группами. Здесь ни о какой ощутимой скорости отдачи речи не идет.

Однако представители вузов не всегда это понимают. Проблема коммуникационной компетентности заказчика PR-услуг здесь столь же актуальна, как и в других индустриях, что отмечалось практиками неоднократно: привлечь абитуриентов невозможно за период приемной кампании, можно обеспечить только увеличение количества посетителей вуза, его сайта и т.д. Сформировать имидж, мнение аудитории об организации высшей школы за такой короткий срок невозможно. Однако вузами обращение к PR-профессионалам воспринимается как способ мгновенного решения проблем.

Отмечалось, что мало кто из вузов реально готов работать с маркетингом или развивать комплексное PR-сопровождение. Это кажется порой вузам чуждым, непрофильным направлением работы. С другой стороны, специалисты, вовлеченные в широкую предметную дискуссию, были более оптимистичны, они видят в среде высшей школы переход к пониманию коммуникаций как наращивания социального капитала.

Сформировалось мнение о том, что в контексте репутации коммерческие и государственные вузы изначально оказываются в неравных — лучше сказать, принципиально отличных — условиях конкуренции, когда у вторых уже сформирована база доверия.

Важной проблемой, которую отметили профессионалы, была неоднородность целевых аудиторий. Так, даже в работе с абитуриентами отправитель сообщений вынужден совмещать в фокусе внимания две очень разные аудитории — поступающих в вузы выпускников школ и их родителей. Это становится своего рода вызовом: «Связи с общественностью в университетах — комплексное,

неоднородное явление, многосоставная деятельность, в ходе которой оказываются востребованными практически все техно логии и каналы PR-коммуникации. Столь же сложной является и аудитория этой коммуникации»[9]. Если принять во внимание, что достаточной мерой неоднородности, основанной на заметном профессиональном разделении, обладает и внутренняя аудитория любого вуза, то коммуникационная задача становится еще сложнее.

Выводы

Помимо обобщений данных опроса, приведенных выше, исследование позволяет сделать выводы, которые, на наш взгляд, имеют практическую ценность для медиакоммуникации высшей школы.

Во-первых, вузам, планирующим активную конкурентную борьбу, стремящимся занимать лидирующие позиции, необходимо задуматься о комплексном подходе к коммуникациям. Ядро имиджа, формулировки смыслов деятельности по различным направлениям, стратегии и тактика, предложения целевым группам — все это формируется внутри вуза. Внятная коммуникационная работа с внешними аудиториями невозможна без оптимизации и структурности работы собственных информационных департаментов и пресс-служб. Без создания стандартов обработки тех или иных запросов, реализации различных типовых проектов, внедрения внятной политики качества в информационную работу. Безусловно, это требует привлечения профессионалов для работы над коммуникационными проектами в штат университетов, что позволит улучшить процессы взаимодействия с подрядчиками, PR-агентствами, контролировать с большей мерой критической и собственные действия, и уровень выполнения задач подрядчиками. Конечно, такая работа требует либо отдельного финансирования, либо точных управленческих решений и продуманного перераспределения бюджетов вуза.

Во-вторых, для PR-специалистов крайне важной задачей в ходе работы с университетами остается повышение грамотности своих клиентов относительно принципов медиарилейшнз, функций и задач связей с общественностью в целом. Ведь взаимоотношения со средствами массовой информации на текущий момент остаются магистральным направлением деятельности агентств по связям с общественностью.

Среди функций связей с общественностью в рутинной практике наиболее востребованной остается базовая, но управленческая и

[9] *Ткаченко В.А.* Хороший пиар начинается и заканчивается здравой политикой и правильными решениями // МедиаТренды. 2014. № 3 (45). С. 2.

консалтинговая, социологическая и социальная в ближайшее время будут все более и более актуальны.

Можно говорить о том, что требования времени толкают вузы к пересмотру «полей» работы. Коммуникационная активность становится одним из приоритетов. Однако надо понимать, что она — при определенной мере включенности в стратегическое планирование и в работу вуза в целом — носит сервисный характер. Важно на начальном этапе пресекать межпрофесиональные конфликты, возникающие в триаде «работник университета — PR-специалист — журналист». Эти конфликты образуются естественным образом в силу разности деятельности, привычек мышления и работы. Но важно не тратить личные ресурсы на развитие конфликта и поддержание неконструктивных стереотипов восприятия, а перенаправить внимание на изучение специфики работы каждого из участников этого взаимодействия и поиск компромиссных решений. Кстати, сложность общения с научными работниками университетов — один из излюбленных предметов обсуждения научных журналистов и PR-специалистов и в России, и за рубежом.

Актуальность и прикладную значимость разработки этой проблемы подтверждает и то, что она стала спонтанным предметом обсуждения со специалистами. Вопросы нашего исследования не предполагали анализа взаимоотношений агентств с вузами, практики сами начинали говорить о трудностях в обработке проектов для высшей школы. Действительно, в коммуникационной практике вузов и субъект, и объект неоднородны. Вуз — конгломерация специалистов науки, образования, управления, что очевидно. Но эта данность — основа для возникновения барьеров, препятствующих взаимному обмену информацией между структурами PR и целевыми аудиториями.

Общее понимание функционала PR, целей и задач коммуникации — в этом мы согласимся с практиками — позволяет если не преодолеть, то хотя бы выработать методы преодоления барьеров общения разных уровней. В том числе и поэтому мы считаем важным формирование ясного понятийного аппарата, «проговаривание» того, что мы подразумеваем под связями с общественностью, какую роль отводим им в процессах медиатизации деятельности социальных институтов.

На наш взгляд, «передовики», способные выстроить динамичную и соответствующую медиарынку структуру, наладить прямое или опосредованное взаимодействие с целевыми аудиториями — от абитуриентов до выпускников, от журналистов до корпоративных инвесторов — будут набирать значительный потенциал для лидерства в образовательно-научной сфере.

Список литературы

Авсянников Н.М. Маркетинг в образовании. М., 2007.

Беккер Е.Г., Бурделова Т.Н., Юданов А.Ю. Бренд и экономическая устойчивость вуза. М., 2012.

Борисова С.Г. Оценка эффективности маркетиговых решений в сфере образования. Новосибирск, 2008.

Борисова С.Г. Методологические основы управления маркетинговыми активами образовательной организации. Новосибирск, 2010.

Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д. Маркетинг в образовании. М., 2010.

Галеева Р.Б. Маркетинг в образовании: теория и практика. Казань, 2011.

Гринберг Т.Э. Коммуникационная концепция связей с общественностью: модели, технологии, синергетический эффект. М., 2012.

Гуреева А.Н. Социальные сети как медиакоммуникационный ресурс управления имиджем российского вуза // Медиаскоп. 2015. № 1. URL: http://mediascope.ru/node/1674

Зайцев А.В. Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 7. URL: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725

Звёздочкин Ю.Ю., Сербиновский Б.Ю. Имидж-система университета. Новочеркасск, 2009.

Липкина Е.Д. Конкурентоспособность вузов на современном рынке образовательных услуг. Омск, 2006.

Павлов С.Н. Управление информацией и общественными связями для создания эффективного имиджа вуза. М., 2011.

Сагинова О. В. Маркетинг образовательных услуг. М., 2006

Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2012.

Связи с общественностью. Теория, практика, коммуникативные стратегии / Под ред. В.М. Горохова, Т.Э. Гринберг. М., 2011.

Ткаченко В.А. Университеты как субъект коммуникационного процесса // Национальные медиасистемы между национальным и глобальным: модели и тренды 2010-х гг. Пятые международные научные чтения в Москве. М., 2013. С. 276-278

Ткаченко В.А. Хороший пиар начинается и заканчивается здравой политикой и правильными решениями // МедиаТренды. 2014. № 3 (45).

Указ Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html

Формула научного PR. М., 2014.

Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002.

Шмоткина П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Anctil E.J. Marketing and advertising the intangible // ASHE Higher Education Report. 2003. P. 27–40.

Carr N. Five reasons you should hire a PR professional // America School Board Journal. 2009. July. P. 20–22.

Cooper P. Knowing your "lemons": quality uncertainty in UK higher education // Quality in Higher Education. 2007. N 13. P. 19–31.

Grunig L., Grunig J., Dozier D. Excellent organisations and effective organisations: A study of communication management in three countries. Mahwah (NJ), 2002.

Hunt T., Grunig J. Public Relations Techniques Hillside. New Jersey, 1994.

Journalism, Science and Society / Ed. by M.W. Bauer, M. Bucchi. N.Y.; London, 2008.

Kent M., Taylor M. Toward a dialogic theory of public relations // Public Relations Review. 2002. N 28 (1). P. 21–37.

Lewison D.M., Hawes J.M. Student target marketing strategies for universities // Journal of College Admission. 2007. Summer. P. 15–22.

Sickler R. Realigning higher education marketing URL: http://www.universitybusiness.com/article/realigning-higher-education-marketing

Stover C. Marketing distance programs and courses: a relationship marketing strategy // Distance Education Report. 2005. August. URL: http://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/J_Eddy_TheMarketing_2008.pdf

Whitaker-Heck R. An Examination of the Roles and Work Activities of the Public Relations Officer in Higher Education Using the Five-Factor Dimension Model // Public Relations Journal. 2014. Vol. 8. N 1. URL: http://www.prsa.org/Intelligence/PRJournal/Documents/201406WhitakerHeck.pdf

Поступила в редакцию
05.02.2015

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Г.В. Лазутина, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: galvik34@mail.ru

ВЕДУЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА: К РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье отмечается, что проявления неблагополучия в функционировании современных российских СМИ неблагоприятно сказываются на состоянии информационного поля страны. В ответ на снижение качества массовых информационных потоков в обществе формируется тревожный, содержащий в себе отрицательную энергию дискурс, ведущий к росту социального напряжения и агрессии. Автор статьи полагает, что такая ситуация говорит о противоречии, которое существует сегодня между назначением журналистики и реальной деятельностью СМИ. Он считает его ключевым для профессии, угрожающим ее существованию и ставит вопрос о необходимости выявления вызывающих его причин и путей разрешения как первоочередной научно-практической задаче.

Ключевые слова: *журналистика, СМИ, информационное поле, медиаобраз действительности, акторы информационного поля.*

The article outlines that the existing problems in the functioning of contemporary Russian mass media have a negative effect on the information field of the country. The deteriorating quality of mass information flows leads to the formation of anxious negative discourse, which produces tension and aggression. The author of the article speaks about the fact that this situation reveals a contradiction, which exists between the journalism's mission and the way mass media work in reality. According to the author, this is crucial for the profession of a journalist and puts in jeopardy its existence. The need to find the reasons and ways of overcoming this contradiction is a high priority for contemporary scholars.

Key words: *journalism, mass media, information field, media image of the reality, actors of the information field.*

Введение

Начало второго десятилетия XXI в. оказалось для России трудным периодом. Крайне острая экономическая ситуация, усугубляемая финансовым кризисом, осложнение международных отношений, усиление протестных настроений среди части населения — это только самые общие характеристики сложившегося положения.

В таких обстоятельствах крайне важное значение для страны обретает состояние ее информационного поля — той сферы общественной жизни, где происходит обмен информацией между разными социальными субъектами и функционируют массовые информационные потоки, с помощью которых удовлетворяются актуальные информационные потребности людей, устанавливается ценностный климат общества, формируется умонастроение населения. К сожалению, сегодня признаки неблагополучия проявляются и в этой сфере. В блогах и социальных сетях, на интернет-форумах все чаще звучат претензии к средствам массовой информации — основному субъекту производства и распространения массовых информационных потоков. Основания для упреков есть, и весьма серьезные.

Наблюдения показывают: картина действительности, которую создают СМИ, страдает неполнотой, односторонностью освещения; не всегда своевременно и правдиво отражаются происходящие события; в интерпретации их часто проявляется ангажированность журналистов. Слабой оказывается эффективность выступлений СМИ по актуальным общественным проблемам — таким, как низкий прожиточный уровень населения, отставание в развитии высокотехнологичных производств, коррупция, наркомания, алкоголизм. Как реакция на контент, предлагаемый аудитории средствами массовой информации, в обществе формируется тревожный, несущий в себе отрицательную энергию дискурс, ведущий к росту социального напряжения и агрессии: об этом свидетельствуют дискуссии на интернет-сайтах, ток-шоу телевизионных каналов, лозунги «несистемной оппозиции» во время протестных шествий. В совокупности все происходящее говорит о том, что реальная практика российских СМИ вступает в противоречие с декларируемой журналистским сообществом миссией журналистики[1].

Чем вызвано такое противоречие, что является питающей его почвой, сразу не скажешь. Есть мнение, что дело тут в резком снижении профессионализма журналистов, создающих контент массовых информационных потоков. Есть точка зрения, что причина — в коммерционализации информационного производства. Существует суждение, что противоречие вызывается несовпадением интересов социальных субъектов, причастных к функционированию СМИ. Однако все это только предположения, выводы «на глазок», тогда как крайне важно установить действительные причины происхо-

[1] См., например: Международная Федерация журналистов. Декларация принципов поведения журналиста // Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. М., 2004. С. 19–20; Кодекс профессиональной этики российского журналиста // Там же. С. 211–214.

дящего. Без этого в условиях появления конкурентной для СМИ среды, представленной блогосферой и социальными сетями, профессиональная журналистика может утратить свое общественное значение и разрушиться как социальный институт. Общество может потерять инструмент, уже не раз доказывавший свою способность обеспечивать людям уверенную ориентацию в действительности и согласованность их практических действий. Такая потеря представляет собой серьезную опасность и для социума в целом, и для институтов власти, призванных направлять взаимодействие разных социальных субъектов в процессе функционирования общества. Социальные сети заменить профессиональную журналистику не способны, поскольку надежность информации, размещаемой там, не может быть гарантированно высокой — хотя бы в силу того, что производящие ее пользователи чаще всего не обладают компетенциями, нужными для создания качественных информационных продуктов.

Все это означает, что сегодня актуальной практической задачей становится необходимость понять, чем именно вызвано к жизни указанное противоречие, отрицательно сказывающееся на состоянии российского информационного поля. Без новых данных о факторах, влияющих на него, невозможно найти пути нормализации деятельности СМИ и оздоровления возникшей ситуации. Это и определило цель предлагаемой статьи. Она состоит в том, чтобы уяснить, чем оборачивается возникшая практическая задача для науки о журналистике. Автор видит свою обязанность в необходимости обозначить научную проблему, которая встает перед исследователями СМИ в сложившихся условиях; выявить меру ее осознанности, освоенности; наметить основные аспекты ее изучения; предложить гипотезы, способные сделать этот процесс продуктивным; определить методы, адекватные исследовательским намерениям.

Характеристика научной проблемы

Тот факт, что в российском информационном поле обнаруживает себя противоречие между тем, как понимает предназначение СМИ журналистское сообщество, и тем, как они функционируют на самом деле, означает для исследователей медийного пространства появление научной проблемы высокой степени сложности. Заключается эта проблема в том, чтобы получить данные, которые помогли бы выявить природу проявившегося противоречия, его движущие силы, масштаб действия, возможные последствия, а главное — найти пути выхода из него.

Случаи искаженного отражения реальных событий в сообщениях СМИ других государств заставляют думать, что указанное противоречие проявляется не только в пределах нашей страны. Похоже, что оно в той или иной степени заявляет о себе повсеместно, отрицательно сказываясь на состоянии мирового информационного пространства, и является угрожающим для профессии. Это предопределяет необходимость многоступенчатых и многонаправленных исследований практики СМИ разных стран, при разных социально-политических и социально-экономических условиях. В идеале такой деятельностью могла бы заниматься специальная исследовательская лаборатория, рассчитанная на всестороннее изучение поставленной жизнью проблемы. Но даже рассмотрение отдельных ее аспектов — существенный вклад в решение той практической задачи, с которой столкнулось общество. В нашем случае таким аспектом проблемы выступает необходимость получить данные, характеризующие факторы, которыми определяется состояние *российского информационного поля*. К ним мы причисляем позицию и деятельность по отношению к СМИ социальных субъектов, непосредственно причастных к созданию массовых информационных потоков в России. Это журналисты и медиаменеджеры, включая учредителей и владельцев[2]; представители законодательной и исполнительной власти; разная по составу аудитория СМИ. Они выступают в качестве акторов информационного поля, инициирующих основные информационные процессы. Результатом взаимодействия таких процессов и является актуальный общественный дискурс — объективируемая в речах и практических действиях форма общественного сознания, передающая умонастроение, возникающее в обществе в тот или иной момент как ответ на содержание массовых информационных потоков. Данные о позиции и деятельности акторов информационного поля по отношению к СМИ могут проявить диспозицию этих социальных субъектов и тем самым пролить свет на причины, рождающие противоречие между миссией журналистики и реальной практикой российских СМИ, а также на возможные пути его разрешения.

Свидетельством актуальности поставленной научной проблемы и, прежде всего, того аспекта, который привлекает исследовательское внимание в нашем случае, является ситуация, сложившаяся вокруг событий последнего времени в Украине. И внутренняя жизнь

[2] Не отождествляя владельцев СМИ с остальными представителями менеджмента медиаиндустрии, мы считаем все-таки возможным рассматривать их в том же ряду, поскольку они распоряжаются на правах собственности экономическими ресурсами средств массовой информации.

нашей страны, и обстановка на международной арене показывают: в сознании общества в настоящий момент возник такой разброс представлений об отношениях между Россией и Украиной, о происходящем в самой Украине, что при обсуждении событий дело доходит до межличностных конфликтов и конфронтации государств. А вызвало этот разброс представлений *разное отражение реальности в контенте массмедиа*. Оказываясь часто не адекватным происходящему, оно служит непосредственным проявлением обозначенного выше противоречия.

Приведенный пример показывает, насколько опасно для общества лишиться надежной ориентации в происходящем, и в то же время напоминает, насколько ответственными должны быть лица, от которых зависит формирование общественного дискурса. Именно потому он и представляется нам убедительным доказательством актуальности заявленной научной проблемы.

В какой мере эта проблема осознана сообществом ученых на сегодняшний день? Исследований, в которых она была бы непосредственно предметом рассмотрения, до сих пор не проводилось. Однако и в зарубежной, и в отечественной науке существуют работы, свидетельствующие о том, что исследовательская мысль то и дело натыкается на зоны информационного пространства, в которых обнаруживают себя противоречия журналистской профессии, мешающие ей в полной мере осуществлять ее функции. В большинстве случаев проблематика таких исследований связана с изучением отношений власти и СМИ [см., напр.: Шиллер, 1980; Тоффлер, 2002; Прозоров, 2004], а также использования манипуляции как инструмента воздействия на сознание и поведение человека. Часть этих работ посвящена анализу манипулятивной деятельности журналистов [см., напр.: Кара-Мурза, 2002; Цуладзе, 2003; Ермаков, 1995]. Другая часть — она-то и представляет для нас интерес — рассматривает журналистику как объект манипулятивного воздействия со стороны различных социальных институтов [см., напр.: Дзялошинский, 2012; Лозовский, 2008]. Эти труды для нас примечательны именно тем, что авторы их считают информационные потоки *продуктом взаимодействия* многих социальных субъектов, как то: власть, бизнес, общественные организации, политтехнологические структуры, СМИ, аудитория. Предпринимаются попытки охарактеризовать это взаимодействие. Б.Н. Лозовский даже усматривает в нем проявление противоречия, которое называет генеральным и обозначает как противоречие между «правом знать» и «правом управлять» [Лозовский, 2011, с. 12].

Особо значимы для нас соображения о взаимодействии социальных субъектов в процессе создания массовых информационных

потоков, высказанные в монографии В.Л. Иваницкого, формулирующего научную проблему своего исследования как проблему идентичности института журналистики. Он фиксирует отсутствие эффективного диалога между властью и обществом и видит причину этого в различных идентификациях института журналистики [Иваницкий, 2010, с.10]. Задачи исследователя уводят его от углубленного рассмотрения этой коллизии, она остается резервной зоной научного поиска, но несет в себе весьма ценные эвристические подсказки. Суждение В.Л. Иваницкого в определенной степени подтверждает вывод о «ножницах» между взглядами власти и аудитории на роль журналистики, сделанный в последней четверти прошлого века исследовательской группой под руководством Б.Д. Грушина[3], и свидетельствует в пользу теоретических размышлений о ведущем противоречии журналистики, которые были высказаны в ряде работ автора настоящей статьи [см., напр.: Лазутина, 2012] и во многом предопределили новизну постановки формулируемой здесь научной проблемы и гипотезу, предлагаемую как инструмент ее изучения.

Проявляется новизна предлагаемой постановки проблемы в том, что она рассматривается как отражение существующего в рамках российского информационного поля противоречия между назначением журналистики и реальным функционированием СМИ, что до сих пор отечественной наукой о журналистике и СМИ не исследовалось. Изучение этого противоречия потребовалось именно в сегодняшних условиях, когда стали отчетливо проявляться дисфункциональные эффекты деятельности отечественных массмедиа и в обществе сформировался дискурс, включивший в себя ее отрицательные оценки.

Новизна же предлагаемого подхода к изучению проблемы состоит в том, что он предполагает одновременно три направления (три зоны) исследования, ориентированные на изучение отношения к СМИ основных социальных субъектов, которые являются акторами информационного поля, и два уровня рассмотрения их позиции (уровень представлений и уровень деятельности), что в совокупности тоже до сих пор в отечественных исследованиях не практиковалось. Задается такой подход гипотезой, согласно которой анализируемое противоречие может быть связано с рассогласованием позиций по отношению к месту и роли журналистики в обществе у социальных субъектов, непосредственно или опосредованно причастных к функционированию СМИ. Реализовав данный подход, можно выявить направленность действий разных ак-

[3] Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980.

торов информационного поля, понять сложившуюся диспозицию и определить, чем она вызвана и как влияет на процесс функционирования СМИ, в том числе — на качество массовых информационных потоков. Это открывает путь к разработке возможностей нейтрализовать причины, вызывающие противоречие между назначением журналистики и реальным функционированием СМИ, и создать программу оптимизации российского информационного поля.

Содержание предлагаемого исследования

В соответствии с характером научной проблемы, предлагаемое исследование должно иметь поисковый характер. Его следует ориентировать не столько на репрезентативность данных, сколько на надежность определения тех смысловых констант, которые оно призвано выявить. Объект изучения может быть представлен в виде трех основных зон (трех направлений) исследования, обусловленных необходимостью получить данные о позициях по отношению к СМИ тех социальных субъектов, которые входят в число основных акторов информационного поля, и традиционно обозначаются как:

- **медиасообщество** в лице медиаменеджеров, включая владельцев и учредителей, и пишущих журналистов;
- **власть** в лице представителей законодательных и исполнительных органов;
- **аудитория** в лице принадлежащих к разным социальным группам пользователей традиционных и новых медиа.

Принципиально важно предусмотреть два уровня изучения позиции акторов относительно журналистики, а именно:

1) изучение представлений (взглядов, мнений, оценок), которыми руководствуются акторы информационного поля, осуществляя свои обязанности по отношению к СМИ;

2) изучение продуктов деятельности, в которых объективируется позиция того или иного актора: редакционных документов и журналистских текстов; законов и законопроектов, решений и приказов органов исполнительной власти; писем в редакции и постов, размещенных в интернете.

В качестве методологии предлагаемого исследования продуктивным представляется системный подход, ориентированный на рассмотрение общества как сложной динамической системы, входящей в кибернетическое образование более высокого уровня — систему социальной деятельности, представляющую собой взаимодействие по принципу прямой и обратной связи человечества и природы как среды его обитания [Лазутина, 2012]. При этом ос-

новными методологическими принципами исследования оказываются единство теории и практики, единство исторического и логического анализа, единство сущности и явления, объективность и независимость позиции исследователя. Базовыми категориями, на которые будет опираться процесс анализа, выступят развитие, противоречие, причины и следствия, вещественно-энергетические и информационно-управляющие процессы, прямая и обратная связь.

Выбор методов и разработку методик исследования диктуют его характер и особенности изучаемого предмета. Задача здесь — возможно точнее рассчитать набор методических инструментов, добиваясь обеспечения необходимой глубины проработки рассматриваемого аспекта проблемы. Конкретно этот набор может выглядеть следующим образом.

Для изучения представлений акторов информационного поля о функциях и роли СМИ, об особенностях журналистской работы, о качестве массовых информационных потоков целесообразно использовать *анкетирование* (опрос представителей власти и медиасообщества) и *групповые дискуссии* представителей аудитории (дискурс-анализ на основе аудиозаписей высказываний).

Для изучения продуктов деятельности, в которых объективируется позиция того или иного актора по отношению к средствам массовой информации, желательно использовать *экспертное чтение материалов их деятельности*, ориентированное на выявление определенных показателей в соответствии со специально разработанной шкалой.

За основу методик анкетирования, групповых дискуссий и экспертного чтения текстов естественно принять стандарты инструментария социологических исследований, однако придется адаптировать их к задачам данного исследования.

Для осмысления полученных сведений, выработки теоретического концепта и практических рекомендаций потребуется использование междисциплинарного подхода, сравнительного анализа, других теоретико-аналитических методов.

Результатами осуществления предлагаемого исследования должны стать данные, характеризующие позицию и направленность действий по отношению к СМИ основных акторов российского информационного поля. Анализ таких данных даст возможность выявить, как диспозиция социальных субъектов, причастных к функционированию СМИ, влияет на этот процесс, и установить причины, вызывающие рассогласование предназначения журналистики и реальной деятельности СМИ.

Полагаем, что ожидаемые научные результаты способны существенно повлиять на оптимизацию российского информационного

поля, поскольку они дадут возможность определить условия, при которых могут быть нейтрализованы причины, вызывающие противоречие между предназначением журналистики и реальным функционированием СМИ. Определить такие условия — значит, получить ключ к выработке научно обоснованной программы совершенствования деятельности СМИ, повышения качества массовых информационных потоков, улучшения умонастроения членов общества. Считаем, что это может сыграть большую преобразовательную роль в решении прикладных задач государственного строительства.

Вместе с тем данные, полученные в исследовании, могут существенно углубить теоретические представления о закономерностях функционирования журналистики, СМИ, массовых коммуникаций, что имеет немаловажное значение для развития науки о массмедиа.

Список литературы

Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: АПК и ППРО, 2012.

Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

Иваницкий В.Л. Модернизация журналистики: Методологический этюд. М., 2010.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.

Кодекс профессиональной этики российского журналиста // Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. М., 2004.

Лазутина Г.В. Профессиональная деятельность журналиста: подходы к пониманию журналистской этики // Вопросы теории и практики журналистской этики. 2012. № 2.

Лазутина Г.В. Термины — хранилище концепций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 1.

Лозовский Б.Н. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2011.

Лозовский Б.Н. Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.

Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980.

Международная Федерация журналистов. Декларация принципов поведения журналиста // Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. М, 2004.

Прозоров В.В. Власть современной журналистики или СМИ наяву. М., 2004.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2002.

Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003.

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.

Поступила в редакцию
26.02.2015

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.В. Михайлова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН; e-mail: mary1701@mail.ru

ЖИЗНЬ НЕДЕЛИМА

Рецензия на книгу: Орлова Е.И. Вторая жизнь. Статьи о русской литературе. Воспоминания. — М.: МедиаМир; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014

Сборник литературоведческих статей и воспоминаний Екатерины Иосифовны Орловой вышел к ее юбилею. Статьи она пишет и по профессиональному долгу, и по зову сердца. Однако автор сочла, что именно в сочетании эти две сферы создадут представление о том, что она успела сделать к настоящему времени. И действительно оказалась права, потому что какая-то очень интимная, нежная, восхищенная интонация, с которою написаны воспоминания, удачно дополняется подробным, неторопливым, вдумчивым анализом самых разных литературоведческих проблем, которые, тем не менее, имеют все же некий центр — и этот центр поэтическое творчество представителей Серебряного века, хотя в книге отдана дань и той сфере филологии, которая занимала молодого литературоведа с самого начала ее научной деятельности, — прозе 20-х гг. В эту книгу также были отобраны воспоминания об Учителях, наставниках и тех, кто постепенно из наставников превращался в родную душу, как Галина Андреевна Белая, или тех друзей-коллег, без которых просто немыслима оказывается твоя жизнь, как Татьяна Бек (эти воспоминания по-своему дополняют лирико-автобиографическое повествование — книгу Орловой «Дом у Никитских Ворот», опубликованную в том же 2014 г.).

Между статьями и воспоминаниями перекинут мостик. Это творчество поэтессы Татьяны Бек, которое сначала в разделе «Статьи» разбирается по всем канонам скрупулезного литературоведческого анализа, а затем раскрывается изнутри — обращением к личности автора, в котором выделяется такая уникальная черта, как «удивленная благодарность» — за встречу, знакомство, узнавание ранее неведомого. Глава о Татьяне Бек названа «Вспышки памяти». Собственно так можно было бы озаглавить каждый из рассказов о встреченных людях. Ведь память способна хранить и самое яркое,

и неприметное на первый взгляд, но то, что оставляет зарубку на сердце.

Поразительно, но и в своих заметках об ушедших (а всех, о ком повествует Орлова, уже нет с нами) она остается тонко слышащим стихотворную речь филологом, Так, например, она мимоходом замечает «“Татьяна Бек” — тоже ведь звучит как две стопы ямба» (с. 239) и перемежает свои «вспышки» полюбившимися строчками стихов. И не только стихов: вот в повествование о Бек врывается голос Максимилиана Волошина. И голоса обоих поэтов сливаются друг с другом, ибо пишут об одном — о скорби потери близкого человека, что придает его судьбе «трагическое единство» (с. 243), но по-своему соединяет тебя, его полюбившего, с ним навеки...

Совсем иной «тип повествования» о профессоре Владиславе Антоновиче Ковалёве. Здесь уже перед нами прилежная ученица, запомнившая профессора еще со времени поступления в университет, когда сдавала ему вступительный экзамен, а потом и обучалась у него в семинаре. И Орлова, «переняв» преподавательские навыки Ковалёва, насыщает свой текст излюбленными этим преподавателем цитатами классиков, словно продолжая эстафету памяти, словно желая, чтобы эти строки полюбили и твердо запомнили. Но даже глядя на своего Учителя снизу вверх, она умеет уловить забавные черточки, расслышать звук в молчании. Так произошло с мемуаром (теперь появилась такая огласовка в определении жанра!) об Анатолии Георгиевиче Бочарове, где доминантой стала «смеховая культура», в недрах которой существовал этот профессор, будь это размышление об «анекдотной природе рассказов Шукшина» (с. 254) или указание на гегелевскую «“бесконечную благожелательность” комического» (с. 255), к которой сам он был очень расположен и которую в форме иронии и самоиронии преподносил окружающим.

И не случайно раздел воспоминаний завершается очерком о Галине Андреевне Белой — человеке, по сути, ставшем научной родительницей ученого Екатерины Орловой. Здесь автор показывает себя незаурядным портретистом, заостряя внимание на такой детали облика Белой, как бросающиеся в глаза уникальные крупные сережки, становящиеся затем подарком, от которого протягиваются нити дружбы и доверия, на юбках и шалях, которые всегда выделяли Галину Андреевну в толпе ученых филологинь.

Орлова все время обозначает нити, связывающие людей в круг единомышленников. Это могут быть нити «гордого человеческого самочувствия» (с. 260), которые так важны в совместном труде, или нити «сообщительного смеха» (с. 255), которые способны удержать от отчаяния в трудную минуту, или нити «расточительной

любви» (с. 262), которые будут согревать и после ухода близкого человека. И все вместе воплощается в «заведомую любовь» (с. 269), которая как наказ осталась у Екатерины Орловой от «бабы Гали».

Разбор сборника начат был мною с раздела воспоминаний вполне закономерно. Именно тесные контакты с педагогами факультета журналистики обозначили научные интересы Орловой-филолога. От Галины Андреевны (а еще ранее благодаря знакомству через В.А. Ковалёва со второй женой М. Булгакова Л.Е. Белозерской) был получен импульс к изучению прозы двадцатых годов XX в. В книге он обозначен статьями «Борис Эйхенбаум как литературный критик (три заметки к теме)», «Автор в “Сентиментальных повестях” Михаила Зощенко (опыт реального комментария)» и «После сказа (Михаил Зощенко — Венедикт Ерофеев — Абрам Терц)», «“...Мне кажется, что я чувствую сейчас всю Росссию...” (из переписки Максимилиана Волошина 1919–1920 гг.)», «Михаил Булгаков и Максимиллиан Волошин». В то же время с докторской диссертацией Е.И. Орловой о творчестве Николая Недоброво связан поэтологический дискурс исследований, выраженный в работах «“Память ритма”. О поэтической памяти», «На границе живописи и поэзии», «Четыре стихотворения Николая Недоброво», «Крымский “Петербург” Михаила Струве» и «Поэтический роман Татьяны Бек».

В научном подходе Е. Орловой сказывается та филологическая школа, которая сложилась на факультете журналистики МГУ и для которой характерно изучение истории литературы и журналистики в комплексе, что несомненно обогащает обе науки. Нельзя сказать, что этим раньше никто не занимался, нет: тому подтверждение — давние труды Института мировой литературы (такие, как «Литературный процесс и русская журналистика» или еще более ранние «Очерки истории русской советской журналистики»). Но в этом смысле кафедра истории русской литературы и журналистики остается, кажется, уникальной в системе высшей школы и работает как исследовательский центр, который становится заметным в российском научном сообществе, привлекает и зарубежных филологов. Эту кафедру ныне и возглавляет Е.И. Орлова.

Статьи, обращенные к литературно-общественной ситуации 20-х гг., насыщены фактами и обозначением реалий. Здесь в Орловой говорит журналист и историк критики, поскольку каждый критик строго «дифференцирован» по изданию. Замечательно ее «голосоведение» по статьям Эйхенбаума, посвященных размышлениям ученого о связях и отношениях критики, истории литературы, филологии и искусства в целом. Подробно анализируются его работы, впрямую обсуждающие роль и место критики и критика в литературном процессе, а также заметки и рецензии, в которых

об этом идет речь. Подключаются даже высказывания его из писем. Так перед нами развертывается панорама движения мысли ученого на протяжении более 30 лет и попутно дается объяснение его общественной позиции, буквально «заставившей» его принять свершаемое в ходе революции как «веление самой истории» (с. 15). На мой взгляд, следовало бы еще более подчеркнуть этот эсхатологически-преображающий аспект, с которым воспринимала революцию часть интеллигенции. Как кризис, слом, искупление, наконец. И возможно, что к этому подтолкнуло знакомство Эйхенбаума с текстами писателя Ивана Новикова, на которые он один из немногих современников обратил внимание и анализ которых критиком тщательным образом откомментирован Орловой (с. 15–16).

Интереснейшим образом прослежено речевое поведение автора и образ рассказчика в прозе М. Зощенко, даваемое с опорой на современную писателю критику, где фамилии ведущих критиков того времени — А. Лежнева, И. Оксенова, Ц. Вольпе — и цитаты из их работ позволяют погрузиться в жестокую идеологическую борьбу тех лет и понять, как трудно приходилось писателю, желавшему донести до читателя свое слово, и задаться вопросом, насколько преднамеренной была «глухота» критиков, насколько она была связана с общественной атмосферой и возможны ли были прорывы сквозь эту «глухую стену» (робкие просветы все же возникали, и они отмечены исследовательницей...). Отзвуки открытий Зощенко Орлова улавливает в повести В. Ерофеева «Москва-Петушки», причем констатирует более филигранную игру масок и более разнообразную подачу цитат Зощенко. И при этом указывает на «рамки» использования приема, выход за которые практически оказывается невозможен (отсюда намек на некоторую «монотонность» в построении ерофеевской повести). Однако она обнаружила вариант, при котором данный прием может быть распространен и на романное повествование. Такой удачей видится Орловой роман Абрама Терца «Спокойной ночи», где псевдоним автора превращается сначала в литературную личность, а потом и в самого героя, происходит «открытое “раздвоение”» (с. 38). Здесь не место выдвигать аргументы против такого суждения. Скажу только, что мне показалось, что у самой исследовательницы нет твердой убежденности в высказанном положении, поэтому она и не выстраивает подробную систему доказательств, ограничиваясь отдельными замечаниями. Отмечу только, что указанные выше работы, в которых много говорится об авторской самоиронии, оказываются тесно связаны с «планом» воспоминаний, где у дорогих ей людей она отмечала именно эту черту.

Атмосферой двадцатых годов овеяны не только эти статьи. Она (правда, чуть более ранней поры) стала сюжетом работы, где приведены архивные материалы — переписка Волошина с женой, а потом и вдовой Недоброво Любовью Александровной и ее подругой Юлией Сазоновой-Слонимской. Из опубликованных писем мы узнаем не только о тяжелейших условиях жизни в Крыму, по сути сведших в могилу сначала самого Недоброво, а несколько лет спустя и его вдову (оба умерли от туберкулеза), но и об отзывчивости Волошина, его необыкновенной доброте и готовности помогать людям (качества известные, но здесь они дополнены новыми подробностями). И конечно, поглощенности поэта творчеством, которому отдается все время и которое, как он надеется, вызовет отклик, поскольку стихи обращены к «красному исступленью» (с. 90) современности. Но отклика Волошин не дождался даже от самых своих преданных корреспондентов (женщины были задавлены бытом, Недоброво слабел с каждым днем, Бунин не ответил). Неудавшийся полилог этого времени «компенсируется» неожиданно обнаруженным Орловой диалогом совсем далеких друг от друга художников — Волошина и Булгакова — во второй половине двадцатых годов. И ключом здесь опять-таки явятся критические отклики на произведения обоих писателей, в которых звучат сходные ноты, и одновременно контрапункт, который объединил их произведения, печатавшиеся рядом или друг за другом на страницах альманаха «Недра». Чуткий филологический слух автора статьи улавливает то общее, что объединило этих столь несхожих по поэтике художников — взгляд на происходящее sub specie aeternitatis, к чему присматривались, не принимая, конечно, критики всех мастей и на чем рьяно отрабатывали свою идеологическую непримиримость. Орлова приводит несколько убедительных примеров «совпадений» из поэмы «Россия», цикла «Усобица», стихотворения «Трихины» и «Белой гвардии», что подтверждает сходство взглядов художников на русскую историю, деяния большевиков, безответственность интеллигенции.

Заслуживают отдельного упоминания находящиеся на пересечении живописи и поэзии работы Орловой. Мотив «холста-зеркала» применительно к стихотворениям Ахматовой позволяет дополнить уже хорошо усвоенные филологией связи между поэтессой и Недоброво, усматривая и поэтическую перекличку двух поэтов. Родственное знакомство с акварелью Волошина, подаренной в свое время матери автора книги, разворачивает свиток памяти и буквально восстанавливает из небытия интереснейшую фигуру художника Н.В. Досекина, отметившегося и работами по художественной критике, и шутливыми стихотворениями, но собственно

художественное наследие которого сохранилось неполно. Орлова устанавливает определенные переклички между ним и Волошиным в плане постижения закономерностей развития живописи в XX в.

Диптихом можно считать статьи о стихах Недоброво и М.Струве, так как у одного разбирается «крымский текст» (сонет «Демерджи»), а у другого «крымские» отсветы, лежащие на петербургских реалиях. Опять-таки можно отметить особую тонкость и деликатность, с которой анализируются стихи поэтов, не принадлежащих к первому ряду, а в случае с М. Струве вообще почти затерявшиеся в массе. Здесь Орловой очень помогает ракурс: изучение стихов через размер и ритм, через вскрытие «психологии стихотворных размеров» (с. 163). А это, в свою очередь, позволило ей смело объявить «вестницей» (с. 165) ахматовской «Белой стаи» оказавшуюся почти незамеченной «Стаю» М. Струве.

И уж, конечно, все приобретенные в профессиональной деятельности наработки она применила к анализу стихов дорогого ей человека, ярчайшей поэтессы Татьяны Бек. Чтобы показать многосторонность, с которой освоено ее наследие, достаточно перечислить главки созданного литературного портрета автора «Скворешника», «Снегиря» и других замечательных поэтических книг. Это «Ландшафты стиха», «Лирический герой: автопрортрет на фоне времени», «“Шероховатости речи” (сниженная лексика в современной поэзии: Татьяна Бек)», «Цветаевская нота», «“Быть — значит общаться...”, или Диалог с Богом». Уже сама выстроенность по восходящей — от земного к Небесному — ясно указывает, каким видится путь поэтессы внимательному критику. А если вспомнить обстоятельства ухода Татьяны Бек из жизни (о них вскользь, но для посвященных достаточно открыто говорится в книге), то станет понятно, что писалось об ее поэзии, когда прояснился лик ее судьбы. Недаром в последних строчках воспоминаний о ней у Орловой прозвучало: «Когда гаснет лик живого человека, лик его судьбы вдруг озаряется» (с. 244). А это настойчивое «лик», «лик» отсылает к волошинским «Ликам творчества». Так обнажаются «узлы», связывающие всех героев книги «Вторая жизнь».

Сборник назван «Вторая жизнь». Что имеет в виду автор под этим названием объяснено в предисловии. Правда, объяснено несколько невнятно, что дает простор для интерпретаций. Согласно авторскому истолкованию, вторая жизнь — это те художественные миры, которые начинают существовать по особым законам, как только они «выходят» из-под влияния их создателя и с которыми имеет дело профессиональный филолог. Но позволю себе дополнить эту трактовку. Получается, что «вторая жизнь» филолога — это та, что проходит на виду у всех — научная, педагогическая. Но

чтение сборника заставляет воспротивиться этому названию. Совершенно очевидно, что жизнь Е.И. Орловой — неделима. У нее наука подпитывает человеческие связи, а человеческие отношения позволяют расти, мыслить и развиваться ее личности дальше. А кроме того, и сама филологическая личность меняется в зависимости от объекта изучения — ведь «общение» с Волошиным, Недоброво, другими не менее чтимыми фигурами литературного небосклона не может не наложить отпечаток на внутренний мир человека, конечно, при условии, что в этом мире есть нравственно-ориентированный воспринимающий «аппарат». А такой «аппарат» у автора книги есть — об этом говорит тот луч, который она очень избирательно направляет на те или иные «объекты».

Есть ли в сборнике недостатки? Я выискала мельчайшие (и то для этого надо было усиленно потрудиться!). Это некоторые повторы, которые стоит убрать при повторном издании (например, о помощи, оказанной Ковалёвым Г.А. Белой в трудную минуту). Также выражу сомнение, что в текст Б. Эйхенбаума вкралась опечатка, на которую указано в сноске (с. 10). И думается, что можно второе издание книги сделать потолще — ведь за ее пределами остались блистательные статьи Е.И. Орловой, часть которых так и просится в новый сборник!

Поступила в редакцию
30.03.2015

МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

И.А. Сурнина, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: isurnina1983@mail.ru

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.В. ЧИЖОВА (письмо Ф.В. Чижова В.С. Печерину от 1 ноября 1870 года)

От публикатора

В 2016 году исполнится 205 лет со дня рождения Федора Васильевича Чижова[1] — широко образованного человека, обладавшего глубокими научными знаниями, твердой волей и целеустремленностью.

Именно благодаря силе воли, спокойствию и хладнокровию духа Чижов освоил такие полярные виды деятельности, как математика и изобразительное искусство, шелководство и строительство железных дорог. Будучи натурой, стремящейся к постоянному совершенствованию, Чижов, не страшась, изучал новое, неведомое ему дело, доводя его до совершенства. «...это был муж вечной духовной мысли и высших нравственных идеалов, которые он не покидал ни в каких работах по осуществлению своих затей, и каждую из них одухотворял своею нравственною стихиею, высшею идеальною целью, без которой немыслимо было для него никакое дело», — писал о Чижове его секретарь Аркадий Сергеевич Чероков[2]. Получив нужный результат, Чижов брался за новую деятельность с неменьшей самоотдачей. Так было и с историей изобразительных искусств (написав ряд статей, стал членом Российской Императорской Академии художеств), и с шелководством (его книга «Письма о шелководстве» удостоилась медали от Московского общества сельского хозяйства).

В истории русской журналистики Чижов занял выдающееся место как редактор деловых изданий — журнала «Вестник промышленности» (1858–1861) и газеты «Акционер» (1860–1863). Будучи свидетелем «весьма печального положения всей русской промышленности, отовсюду угнетенной и беспомощной, сильно придавленной администрацией и иноземщиной»[3], Чижов понял на рубеже 1850–1860-х годов, что настало время, когда отечественную промышленность нужно защитить от иностранного капитала и сделать это возможно с помощью деловой прессы.

Судьба Чижова переплетается с такими именами, как Александр Андреевич Иванов, Николай Васильевич Гоголь, Николай Михайлович Языков, Григорий Павлович Галаган, Владимир Сергеевич Печерин, Иван Сергеевич Аксаков, Александр Иванович Кошелев и многие другие. В жизни большинства из них Чижов сыграл значительную роль. Со многими из них, встретившись однажды, он не прерывал отношений до самой смерти.

[1] Ф.В. Чижов родился 27 февраля (11 марта) 1811 г. в Костроме.

[2] *Чероков А.С.* Ф.В. Чижов и его связи с Н.В. Гоголем. М., 1902. С. 5.

[3] Там же. С. 29.

На данный момент издана лишь часть переписки Чижова (с Н.М. Языковым, А.А. Ивановым, Н.В. Гоголем, А.В. Никитенко). До сих пор не опубликован дневник Чижова, который он вел с 1825 г. до самого последнего дня своей жизни (14 ноября 1877 года), в печати появился только его фрагмент за 1845 г., когда Чижов путешествовал по славянским землям[4].

Публикуемое нами письмо Чижова к его лучшему другу Печерину, написанное в конце 1870 года, содержит массу интересных фактов XIX в.: оценка деятельности В.Г. Белинского, П.И. Бартенева, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и многое другое.

Письмо Ф.В. Чижова В.С. Печерину от 1 ноября 1870 года. Москва

Ну, брат Печерин, ты решительно обленился, так что я даже и сожалею, зачем послал тебе воспоминание твоей молодости[1]. Как тебе не совестно оставить меня в Мече[2], откуда тебя хотели выпроводить с жандармами; в этом проклятом Мече, в котором подлый Бизенг успел показать всю мудрость и подлость наполеоновского времени. С тех пор как ты меня засадил туда следить за твоею бродяжнической жизнью, — его успели осадить, успели сдать, а я все жду и жду, пока ты оттуда выйдешь. Твои письма, особенно первые и вторые, полны занимательности, но только для меня, сочувствующего тебе вот уже 40 лет[3], часто прерывавшего с тобою письменные сношения, но никогда не разрывавшего нашей внутренней связи[4]. Дело не в твоем бессмертии, и в том, что ты, прожив независимо так ли сяк ли, но собственными твоими силами, без помощи подличанья, прислуживанья и тому подобных атрибутов служебной деятельности.

Я шел иным путем, но <1 нрзб> с тобою в независимости, ибо тоже весь свой век жил просто работою. Как я завоевал себе общественное значение — сам не знаю — знаю одно, что ни разу ни на шаг не сделал уступки. Бывши редактором журнала[5] уступал не из личных видов, а единственно, чтобы служить правде; но и там спасала меня специальность моего журнала — финансовая часть. Наперед тебе скажу, что когда ты в отношении меня сделаешься порядочным человеком, передашь мне твою жизнь изо дня в день, а передать есть что, тогда я тебя вряд ли отдам Бартеневу[6], а приведу все в порядок и дам такому журналу, который был бы читаем молодежью. Чтобы заставить тебя писать, я буду с тобою поступать следующим образом: напишешь ты мне много и я буду доволен, пришлю тебе несколько книг, например, часть изданий Тургенева и поновее какую-нибудь книжоночку. Не знаю, было ли бы тебе приятно иметь «Иезуита в России», написанную священником Морошкиным[7], не кончившим своего труда и отправившегося на тот свет. Пришлю тебе «Войну и мир» Толстого, одним словом, буду поступать с тобою точь-в-точь, как поступали в конторе, где ты служил до поступления в университет и где, помнится мне, тебя оставляли иногда без сапог[8]. Если бы я мог, то прибегнул бы и не к таким решительным мерам, но увы! Далеко, — а решительно не пустил бы тебя в ботанический сад.

Ты мне напомнил 19 февраля[9], — не то ли, которое ты оставил у меня в стихах, впрочем веселее юных:

---

[4] *Козьменко И.В.* Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958.

Напрасно буду ждать отрадной встречи
В кадрили, средь гармонии живой,
И долго не слыхать мне русской речи
Из уст пурпурных девы молодой!

И от кого привет услышу милый?
Кто спросит: «Любите ли танцы вы?»
Окончив бал, кому скажу унылый:
«Вы едете? Всё кончено, увы!»

Ну, можешь ли ты иметь лучшего архивариуса? Досадно мне, что как-то у меня утратились твои письма из Бельгии и, именно из Льежа, когда ты вдруг перескочил из тогдашнего франкмасонства[10] в католичество.

Пожалуйста, когда допишешь до того, как я был у тебя, кажется, в Виттеме[11], передай, как ты тогда смотрел на мою к тебе свирепость. Ты перешел сквозь все подземные ходы, в которых ковалась современная <1 нрзб> жизнь тогдашней Европы, — коммунизм только что выступил на свет, если только не поленишься поуглубиться в твою память, в ней найдется в простом рассказе бездна поучительного и объясняющего современность. Чем меньше притязания рассказать ее, тем более явится в искреннем подробном описании твоей жизни.

Надобно было бы тебе послать всего Белинского, молодого писателя начала сороковых годов, — ему много обязана русская мысль своим пробуждением. Он был крайней левой стороны, страшно широко разглагольствовал, но он первый громко восстал против немого подчинения авторитетному. Все это будет наградою твоею честного исполнения молчаливого обещания.

Ты не знаком с семейной хроникой старика Аксакова[12], отца Ивана Сергеича. Ты не знаешь бывшей «Русской беседы»[13], все это надобно будет тебе переслать. Отчего это ты не слова не сказал ни о «Тарасе Бульбе», ни о «Старосветских помещиках», ни о «Мертвых душах» Гоголя.

Токвиля я читал еще в тридцатых годах[14], кажется скоро после того, как он вышел в свет. Помнишь ли ты, как он на последней строчке пророчил великую будущность России и Соединенным Штатам?

Пришли, если тебе не хочется оставлять у себя последнее письмо Жорж Занд[15]: я никогда ей не поклонялся, но любил ее во время полной силы ее таланта. Бартеневу оно не к руке, потому что у него печатается только то, что говорит об России. Между нами Бартенев решительный крахобор; но ему честь и хвала за то, что он со страшной усидчивостью начал собирать все, относящееся к прежней России. Правда, что ему предшествовали «Чтения истории древностей России» Бодянского[16]. Но Бартенев оживил свое издание анекдотами, передачею сплетней, особенно екатерининского времени, и заставил таким образом читать если не древность, то хоть старину. Теперь выходит и другой журнал в этом роде в Петербурге — «Русская старина»[17]. Он тоже наполняется более XVIII столетием, — вот тебе, чтобы дать о нем понятие, оглавление октябрьской книжки: 1. Записки сенатора Рунича о Пугачевском бунте 1774 г. 2. Записка М. И. Глинки (музыканта, автора оперы «Жизнь за царя») 1804–1854. 3. Письма и заметки. В приложении Записки Болотова 1738–1794. Приложен портрет Пугачева. Представь себе, как занимает <теперь> у нас все русское, — все экземпляры «Русской старины» закончились и печатается второе издание, а между тем это журнал не ахти! (подчеркнуто Чижовым).

В последней книжке «Вестника Европы»[18] нового журнала, т. е. существующего уже пятый год, помещена повесть Тургенева «Степной король Лир»[19], — виден художник опытный, но пишущий уже на заказ.

Я расписался к тебе сегодня потому, что сильные страдания моей болезни (что то ли <годы> каменной болезни) заставили меня просидеть дома.

Напиши мне, пожалуйста, какое лучшее сочинения, в котором можно было бы познакомиться с верованиями Востока. Твой <пресловутый> Buckle больше блестящ и увлекателен[20] для таких впечатлительных натур, каков <1 нрзб> — его факты часто страшно натянуты, а часто и вовсе не нужны. Напр., он приписывает фанатизм и суеверия Испании — множеству землетрясений, а оказывается, что их там было едва ли не в 10 раз меньше, чем в Греции. Ну да ты с чем в колыбельку, с тем и в могилку, ты так и останешься поклонником блеска. У нас есть два перевода <1 нрзб>. Напиши, поможешь ли ты по твоим сношениям с книжным миром собрать мне все, что есть в Англии о палатах торговой и мануфактурной[21], вообще о том под чьею защитою, — частию ли общества или палат живет и там торговля и промышленность. Если бы ты мог мне это сделать, я тотчас же выслал бы и денег сколько нужно. Хорошо бы и всю историю всех таких учреждений.

Твой Чижов.

РГБ. Ф. 332. К. 10. Ед. хр. 50. Л. 4 — 6 об.

Примечания публикатора

[1] ...сожалею, за чем послал тебе воспоминание твоей молодости. — Ф.В. Чижов хлопотал об опубликовании мемуаров В.С. Печерина. Видимо, ранее Печерин выслал ему записки о воспоминаниях своей молодости.

[2] Как тебе не совестно оставить меня в Меце... — Вероятно, речь идет о одной из глав биографических «Замогильных записок» В.С. Печерина — «Путешествие в Мец и следующие за тем события». Ф.В. Чижов, занимавшийся изданием мемуаров своего лучшего друга, с нетерпением ждал от него писем с подробным изложением главных событий его жизни и поторапливал Печерина, чтобы тот как можно быстрее высылал ему мемуарные отрывки. Мец — в XIX веке административный центр департамента Мозель во Франции, сегодня — столица французского региона под названием Лотарингия.

[3] ...сочувствующего тебе вот уже 40 лет... — В.С. Печерин уехал из России в июне 1836 года.

[4] ...но никогда не разрывавшего нашей внутренней связи. — В середине 1840-х годов, после нескольких личных встреч, Чижов был вынужден прекратить переписку с лучшим другом, убедившись, что их воззрения слишком расходятся: в 1840 г. Печерин вступил в проповеднический орден редемптористов, отличавшийся крайним аскетизмом и подвижничеством. Чижов тщетно пытался убедить друга вернуться на родину. В то время Чижов уже вошел в славянофильское содружество, которое Печерин не одобрял.

[5] Бывши редактором журнала... — Имеется в виду журнал «Вестник промышленности» (1858–1862), редактором которого был Ф.В. Чижов. С 1860 г. к нему присоединился политэконом И.К. Бабст.

[6] ... я тебя вряд ли отдам Бартеневу... — Имеется в виду П.И. Бартенев — издатель историко-литературного журнала «Русский архив». Журнал содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. Именно в этом журнале Ф.В. Чижов изначально планировал издать мемуары В.С. Печерина.

[7] ...было ли бы тебе приятно иметь «Иезуита в России», написанную священником Морошкиным... — Морошкин Михаил Яковлевич (1820–1870) — писатель и

общественный деятель. Автор многих статей в «Православном обозрении», «Духе христианина», «Известиях Археологического общества», «Русском архиве» и других изданиях. Капитальные труды Морошкина — «Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени» (СПб., 1867–1870) и «Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке» (СПб., 1867).

[8] ...в конторе, где ты служил до поступления в университет и где, помнится мне, тебя оставляли иногда без сапог. — 1823–1825 гг. В.С. Печерин служил в военном поселении в Новомиргороде Херсонской губернии, зиму он провел «в заточении в Комиссаровской пустыни». По его собственному выражению, он чувствовал себя «без цели в жизни, без малейшей надежды в будущем! Ужасное положение!».

[9] Ты мне напомнил 19 февраля... — стихотворение В.С. Печерина «Нечто» из цикла «Поэтические фантазии», написанное им 19 февраля 1833 г.

[10] ...ты вдруг перескочил из тогдашнего франкмасонства в католичество. — Совокупность религиозно-мистических инициативных обществ со степенями посвящения, ставящих перед собой разнообразные религиозные, моральные и политические задачи и претендующих на то, чтобы быть продолжениями древних посвятительных традиций: цехов, орденов и т.п. В частности, символическое, или иоаннитское, масонство является продолжением средневекового цеха каменщиков, от которого всё масонство и получило своё название.

[11] ...я был у тебя, кажется, в Виттеме... — город, расположенный в Нидерландах.

[12] Ты не знаком с семейной хроникой старика Аксакова... — имеется в виду мемуарно-биографическая трилогия С.Т. Аксакова «Семейная хроника».

[13] Ты не знаешь бывшей «Русской беседы»... — Имеется в виду журнал славянофилов, выходивший в 1856–1860 гг.

[14] Токвиля я читал еще в тридцатых годах... — Речь идет об Алексисе Токвиле (1805–1859) — видном французском политическом мыслителе, историке и политическом деятеле. Вероятно, Ф.В. Чижов писал о книге Токвиля «Демократия в Америке», ставшей итогом его путешествия по Соединенным Штатам в 1831 г.

[15] ...письмо Жорж Занд... — Жорж Санд (1804–1876) — французская писательница, автор таких романов, как «Консуэло», «Графиня Рудольштадт». Настоящее имя — Амандина Аврора Люсиль Дюпен.

[16] ...«Чтения истории древностей России» Бодянского. — Имеется в виду периодическое издание трудов Общества истории и древностей российских при Московском университете. В «Чтениях...» публиковались исследования по истории народов России и славян, богатейшие историко-этнографические документальные материалы и переводы сочинений иностранцев о России. «Чтения...» выпускались отдельными книгами на протяжении 72 лет с десятилетним перерывом (не издавались с 1848 по 1858 г.), первая книга вышла в свет в январе 1846, в 1845–1848 гг. издавались О.М. Бодянским.

[17] Теперь выходит и другой журнал в этом роде в Петербурге — «Русская старина». — «Русская старина» — ежемесячное историческое издание, основанное в Петербурге в 1870 году М.И. Семевским. Закрыто в 1918 г.

[18] В последней книжке «Вестника Европы» — журнал, издаваемый с 1866 г. М.М. Стасюлевичем.

[19] ...повесть Тургенева «Степной король Лир»... — Повесть И.С. Тургенева, созданная им в 1870 г.

[20] ...Buckle больше блестящ и увлекателен для таких впечатлительных натур, каков <1 нрзб> ... — Вероятно, речь идет об английском историке, авторе «Истории цивилизации в Англии» — Генри Томасе Бокле (1821–1862).

[21] Собрать мне все, что есть в Англии о палатах торговой и мануфактурной... — Данные строки письма убеждают, что и спустя 7 лет после закрытия газеты «Акционер» (1860–1863) Ф.В. Чижов не окончательно порвал с журналистикой, продолжал собирать материалы об экономическом состоянии европейских стран.

Поступила в редакцию
15.05.2015